

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

БЕРЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ГУМБОЛЬДТА

УНИВЕРСИТЕТ ПРИКЛАДНЫХ НАУК ИМ. ЭРНСТА АББЕ

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ И ОТДЕЛЕНИЙ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Материалы XVIII Международной научной конференции
молодых ученых*

Новосибирск
2020

УДК 101+304

ББК 87

А 437

*Сборник издан по решению
Ученого совета Института философии и права НГУ
и Ученого совета Института философии и права СО РАН
при финансовой поддержке
Института философии и права НГУ
и РФФИ (проект № 20-011-22068)*

Рецензент:
д-р филос. наук, проф. В.С. Диев

Ответственные редакторы:
канд. филос. наук, доц. В.В. Петров, А.Н. Артемова, А.Ю. Моисеева
О.А. Персидская, канд. филос. наук А.А. Санженаков

А 437 **Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований:** материалы XVIII Международной научной конференции молодых ученых / редкол.: В.В. Петров, А.Н. Артемова, А.Ю. Моисеева, О.А. Персидская, А.А. Санженаков; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. – 245 с.

ISBN 978-5-4437-1107-2

В сборнике опубликованы доклады участников XVIII Международной научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Книга рассчитана на специалистов в области философии, социальных исследований и права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

ISBN 978-5-4437-1107-2

© Новосибирский государственный
университет, 2020
© Институт философии и права
СО РАН, 2020

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

O. Scupin, K.-F. Wessel

Humboldt Universität zu Berlin (Berlin, Deutschland)
Olaf.Scupin@eah-jena.de

DIE DIGITALISIERUNG UND DIE PROFESSIONELLE PFLEGE DES MENSCHEN

1. Trotz aller Erfolge und Jahrhunderte langer ertragreicher Erforschung des Menschen wird die Frage nie veralten, wie nähern wir uns dem Universum Mensch? Alle Antworten werden immer „nur“ Prämissen für die weitere Suche nach Antworten sein, wobei die Wissenschaft sich bewusst sein muss, dass es neben ihr auch andere Formen der Suche nach Antworten gibt, insbesondere die Kunst und die Literatur, und auch unser gegenwärtiges komplexes Handlungsgeschehen enthält Antworten, die erst im nachhinein beschrieben werden können. Der Mensch weiß viel weniger über sich, als er annimmt. Dieses Nichtwissen bleibt eine ewige Herausforderung, und die Grenzen zwischen Wissen und Nichtwissen werden täglich verändert, eine Binsenwahrheit, die wir gelegentlich vergessen, wenn wir die Balance zwischen Wissen und Nichtwissen nicht mehr auszuhalten vermögen. Und dies geschieht immer dann, wenn das disziplinär erzeugte Wissen gegen Versuche gewendet wird, neue Sichtweisen, in diesem Fall über die Digitalisierung zum Beispiel in den Neurotechnologien, zu eröffnen. Aber alle Fortschritte werfen uns immer wieder auf diese Frage zurück, was ist der Mensch? Zu sagen, wir wissen es nicht, was ein Mensch ist, macht ja nur einen Sinn, wenn man voraussetzt, was an Wissen vorhanden ist. Gerade die Geschichte wissenschaftlichen und philosophischen Denkens zwingt uns immer wieder, den Versuch zu unternehmen, alle Defizite unseres Wissens, die sich aufzeigen

lassen, zu beheben. Wo aber liegen die Defizite, wie können wir sie aufspüren? Die disziplinären Defizite lassen sich relativ leicht auffinden, aber solche in den Grenzgebieten, da wo wir interdisziplinär arbeiten müssten, setzen die Bereitschaft zur Unbestimmtheit ihrer Formulierung voraus. Die Wissenschaft hat bisher defizitäre Menschenbilder bedient oder ihnen zu wenig entgegengesetzt. Das heißt nicht, es fehle an Versuchen, dem Menschen durch Wissenschaft immer näher zu kommen. Insbesondere Wissenschaften, die sich mit Grenzbereichen menschlicher Existenz befassen, wie die Medizin und Pflege, stellen immer wieder in vielfältigem Gewande die Frage: Was ist ein Mensch? Gerade die Medizin ist ein gutes Beispiel dafür. Immer neue Apparate und Techniken ermöglichen wunderbare Hilfe und erzeugen gleichzeitig eine Macht, die Apparate-Medizin genannt wird, und unter der Hand wird die Möglichkeit der Behandlung ohne apparativen Aufwand fast zur Primitivmedizin degradiert, auch dann und da, wo jeder Apparat überflüssig ist. Eine Blindheit grassiert, welche einfache Erklärung unterdrückt, wo sie den Aufwand maximiert. Ähnlich gestaltet sich der Prozess im Zuge des Einsatzes von Medikamenten. Eine Heilung ohne großen pharmakologischen Aufwand erscheint als Wunderheilung, dagegen ein hoher Preis der Medikamente als besonders hilfreich. Die Ganzheitlichkeit nicht nur des Menschen – nein auch der Prozesse – wird mit dem grauen Schleier intellektueller Diskussionen verdeckt.

2. Der Prozess der menschlichen Pflege geht aktuell einen ähnlichen Weg. Die Digitalisierung im Bereich der Pflege ist unvermeidbar. Sie bereichert das System der Mittel, um den Gegenstand der Pflege, also für den Patienten den Prozess der Heilung oder Erhaltung eines erträglichen Zustandes, hinreichend gut abbilden zu können. Welche Teilprozesse in welchen Dimensionen durch die Digitalisierung erfasst werden können oder sollten, unterliegen auch einem dynamischen Prozess. Es besteht jedoch das Risiko, dass durch das „Neue“, die fortschreitende Digitalisierung, Wichtiges verloren geht. Es macht ja keinen Sinn etwas Wesentliches zu verlieren, nur um des Neuen willen. Auch Fehler sind irreversibel.

Es muss eben nicht alles getan und auch entwickelt werden, was möglich erscheint. In der Geschichte ist zu beobachten, dass neue, erfolgreiche Methoden und Theorien in einer ersten Phase alle anderen bereits erprobten Methoden und Theorien relativieren oder gänzlich überdecken oder zurückdrängen. Die Digitalisierung darf eben nicht entscheiden, wie sich eine Gesellschaft entwickelt. Gesellschaften benötigen auch Defizite oder Behinderung und nicht nur Optimierung und Perfektion des Individuums. Die Qualität einer Gesellschaft definiert sich eben auch durch den Umgang mit Defiziten. Einem solchen Optimierungsprozess muss, und dies besonders in der Pflege des Menschen, durch eine gegenteilige Annahme entgegengewirkt werden. Alte und bewährte Methoden und Theorien sollten aufgewertet werden, sie können, in unserem Fall durch Digitalisierung, eine höhere Qualität erreichen, was keineswegs ausschließt, dass veraltete Strukturen beseitigt werden. Digitalisierung bildet zwar allgemeine Muster (auch in individualisierter Form) hervorragend ab, vermag aber das Individuum, auch bei noch so genauer Rekonstruktion der Ontogenese, nie in Gänze zu erfassen. Die qualifizierte und reflektierte Erfahrung einer Pflegeperson ist durch nichts zu ersetzen. Diese Erfahrung vermag, scheinbar durch die Digitalisierung gesicherte Erkenntnisse, zu korrigieren. Dem Eindruck, Digitalisierung vereinfacht pflegerisches Handeln oder macht sie gar überflüssig, muss entgegengewirkt werden. Die Qualifizierung der pflegerischen Handlungsweisen durch Digitalisierung muss ergänzt werden durch eine höhere Form der Bildung.

3. Diese qualifizierte Bildung, die der Digitalisierung ihre rechte Wirkung erst ermöglicht, versuchen wir durch die Ausbildung in Humanontogenetik, als Ordnungssystem für „richtiges“ Handeln, zu erreichen. Die Humanontogenetik untersucht die Entwicklung des Individuums von der Konzeption bis zum Tode und unterstellt, dass das Individuum eine biopsychosoziale Einheit ist. Unter diesen Gesichtspunkten ist auch die Einheit von Komplexität und Zeit eine unabdingbare Voraussetzung der Betrachtung des Menschen in allen seinen Phasen und Situationen. Im Unterschied zu den

Einzelwissenschaften, deren Gegenstände speziell sind, versteht die Humanontogenetik den Menschen als hochkomplexe Einheit/Ganzheit personaler, biotischer und psychischer Zustände und Prozesse, eingebettet in soziokulturelle Kontexte und Vorgänge. Die Daseinsweise des Individuums ist die Entwicklung. Der Grundsatz einer lebenslangen Entwicklung ist ein Leitfaden für die komplexe und komplizierte Analyse des irreversiblen Prozesses individuellen Daseins. Somit will die Humanontogenetik neue Sichtweisen eröffnen bzw. peripherie in den Mittelpunkt von Überlegungen stellen. Die Humanontogenetik ist somit Entwicklungs- und Querschnittswissenschaft zugleich. Sowohl als Entwicklungs- wie auch als Querschnittswissenschaft, die bewusst und gezielt die Einsichten und Erkenntnisse einschlägiger Einzelwissenschaften in interdisziplinärer Kommunikation und Kooperation aufnimmt, verarbeitet und generalisiert, entwickelt sie neue Hypothesen für die Untersuchung von Entwicklungsphänomenen, für die Formulierung von Entwicklungsregeln und -gesetzen im Sinne von Grundlegungen, Anstößen, Anregungen und Empfehlungen für die innovative einzelwissenschaftliche Forschung. Als Schwerpunkte in Forschung und Darstellung der Humanontogenetik haben sich bisher die folgenden durchgesetzt:

- Die Phasen der Entwicklung in der Ontogenese
- Das hierarchische System der Kompetenzen
- Die Ökologie der Humanontogenese
- Die sensiblen Phasen in der Entwicklung des Individuums
- Das Zeitwesen Mensch – homo temporalis
- Der souveräne Mensch

Auf das Konzept der Kompetenzen (Abb. 1) und den begriff der Souveränität, als wesentliche Gegenstände der Humanontogenetik, soll vorzugsweise eingegangen werden.

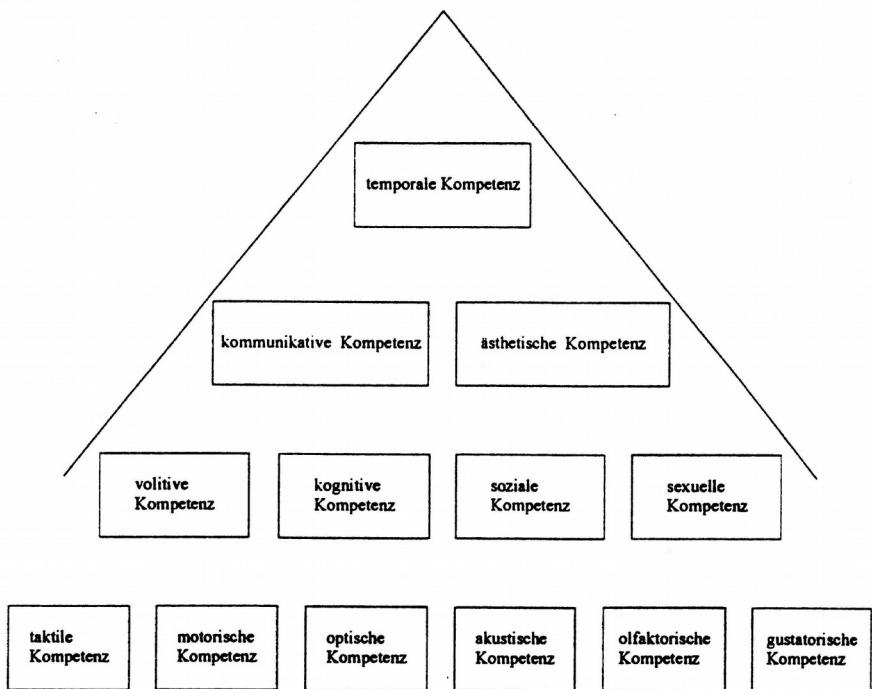

Abb. 1. System der Kompetenzen.

Um die Komplexität eines Menschen zu erfassen benötigt es eben auch Kompetenzen, die in der subjektiven Wahrnehmung eines Menschen liegen. Die Humanontogenetik gipfelt in den Ausführungen über die Souveränität des Individuums, die als Beherrschung der inneren Angelegenheiten (bezogen auf das System der Kompetenzen) definiert wird. Das Wort Souveränität ist ein fast ausschließlich juristisch beanspruchter Begriff, ganz in der Staatslehre verankert, so in den allgemeinen und auch in den philosophischen Wörterbüchern. Das Substantiv Souveränität wird ausführlich abgehandelt, aber ausschließlich in staatsrechtlichen Zusammenhängen. Allerdings finden wir hier einen Ausdruck, der sich auf ein sehr viel allgemeineres Verhältnis übertragen lässt. Bei der Charakterisierung der Staatsmacht heißt es: „er hat die Verfügungsgewalt über die ‚inneren

Angelegenheiten“. Unter dem Adjektiv souverän finden wir in Bezug auf Personen: „(auf Grund von Fähigkeiten) sicher und überlegen“ (Brockhaus Enzyklopädie, Band 20, 499). Die souveräne Persönlichkeit entwickelt ein Gefühl, dies ist eine Eigenschaft des Systems der Kompetenzen, für Mögliches und Unmögliches. Sie holt ihre Bewertung aus der Kenntnis der Qualität der eigenen Kompetenzen und sie vermag Stagnation, Deformation, Diffusion und Kompensation zu begegnen und aufzunehmen. Die souveräne Persönlichkeit vermag eine Ordnung herzustellen, die Veränderung und Entwicklung ermöglicht, und den Kompetenzen im Prozess des Lebens eine unterschiedliche Gewichtung zu geben, also auch Störungen, Ungleichgewichte zu beherrschen. Es ist also hinsichtlich der Souveränität nicht entscheidend, wie entfaltet die kognitive Kompetenz ist, sondern wie das Individuum damit umzugehen vermag. Hier stoßen wir natürlich auf eine weitere Schwierigkeit. Weil es unmöglich ist, den Umgang mit den eigenen Angelegenheiten eines Individiums zu beobachten, neigen wir häufig vorschnell dazu, die augenblickliche Entäußerung des Individiums für einen Ausdruck des Wesens zu halten. Souveränität ist der Akt der Beherrschung seiner eigenen Angelegenheiten. Die innere Ordnung ist nicht gleichzusetzen mit der sichtbaren Erscheinungsweise des Menschen. Überdies bewahrt sich der souveräne Mensch immer ein Stück Eigentum, welches preiszugeben er sich unter keinen Umständen bereit findet. Dies zu berücksichtigen ist eine Herausforderung an alle, und zwar immer dann, wenn eine Situation vorhanden ist, die den Menschen zwingt, bewusst zu reagieren. Man sollte möglichst niemanden zur totalen Preisgabe zwingen, auch dann nicht, wenn man meint, dadurch Aufklärung zu erhalten, die Hilfe ermöglicht. Es gehört wohl zu den größten Schwierigkeiten unserer Existenz, nicht verstanden zu werden oder nicht immer verstanden zu werden. Der wirklich souveräne Mensch besteht auf sich in seinen Erfolgen und seinen Irrtümern, die im extremen Fall auch den Untergang bedeuten können. In der Regel ist unser Fortschreiten nicht an Erfolgen und Irrtümern festzumachen, sondern es ist ein Gemisch aus beidem. Genau diesen Ausdruck der Verfügungsgewalt hat unsere Kultur längst übernommen. Wenn wir die Ebene des Staates verlassen und zur Charakterisierung

individueller Phänomene übergehen, dann können wir wie folgt definieren: Souveränität ist die Fähigkeit des Individuums, über die eigenen inneren Angelegenheiten zu verfügen und stets Änderungen in dieser Verfügung vornehmen zu können. Das heißt, ein souveränes Individuum hat die Verfügungsgewalt über seine inneren Angelegenheiten. In einer Welt, in der Krankheit und Behinderung als defizitäre Phänomene betrachtet und bewertet werden, wird es um so wichtiger sein, die Souveränität des Individuums in den Mittelpunkt der Entscheidungsfindung für eine Therapie oder Handlung zu stellen. Die Digitalisierung der Behandlungen bedeutet eben immer auch der Verlust oder zumindest eine irreversible Veränderung des Selbst einer Person. Somit besteht die Verpflichtung die Menschen, die ein Individuum beraten, begleiten oder sie auf eine Therapie bzw. Behandlung hinweisen, so zu bilden, dass sie nicht gegen die Souveränität des Individuums verstossen. Die Souveränität aufrecht zu erhalten, ist eine wesentliche Aufgabe der professionellen Pflege. Eine Berührung ist eben mehr, als das Haut auf andere Haut trifft. Auch in Bezug auf die Annahme des Möglichen oder eben auch nicht.

Литература

1. Brockhaus Die Enzyklopädie 20. Auflage. Band 20. F.A. Brockhaus, Leipzig Mannheim. 1999.

S. Ferrarello

California State University (Long Beach, USA)
susi.ferrarello@gmail.com

HUSSERL'S ETHICS AND PSYCHIATRY

My presentation will focus on Husserl's ethics and its potential use for psychotherapy and psychiatry. In particular I will examine the notion of a volitional body in relation to time and society. As I argued in *Husserl's Ethics and Practical Intentionality* (2015), Husserl's phenomenology of ethics is a science grounded in the ontological region of the volitional body, and a praxis experienced in the form of practical intentionality. As a science phenomenological ethical

practice can provide psychotherapists and psychiatrists with empathetic tools to observe the worldview of the client; as an approach it represents an ethical stance that social workers can adopt as a way to deepen their relating to their clients. Both aspects of this ethical practice can be employed to expand the intersubjective sense of how ‘normality’ or normativity is defined within the society and to enhance ethical awareness in social practice and daily life. In the first part of the chapter I will use Rogers’s (1957) and Gendlin’s (1962) phenomenological studies of schizophrenia conducted as an example of the effectiveness that such ethics can have in this area. Generally, if the mental disease is a natural response to a sick environment and if the language of the client is more important than that of the therapist, then it follows that a real cure can occur when the therapist does not use diagnostic concepts, but makes herself available to the client’s ethical environment. This is possible through an empathetic approach that genuinely explores the sense of normality implied in the client’s ethical worldview and suspends all pre-existing ethical assumptions. For that to occur it is necessary that both the therapist and client develop a capacity to recognize their ethical assumptions and describe the limits of action dictated by these assumptions. In the second part of the chapter I will examine Husserl’s notion of volitional body in relation to time and society, and explain how it can be useful in phenomenological practice and neuro-phenomenology.

References

1. *Ferrarello S. Husserl's Ethics and Practical Intentionality.* New York: Bloomsbury Academic, 2015.
2. *Gendlin E.T. Experiencing and the creation of meaning.* New York: e Free, Press of Glencoe, 1962.
3. *Rogers C.R. The necessary and sufficient conditions of therapeutic personality change // Journal of Consulting and Clinical Psychology.* 1957. № 21. P. 95–103.

А.М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН;
Новосибирский государственный университет
(Новосибирск, Россия)
ablazhey63@gmail.com

ЭТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НАУКИ: КЛАССИЧЕСКИЕ НОРМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ДЕФОРМАЦИИ

Обсуждая в конце 1930-х гг. проблему взаимоотношений науки и общества, Р. Мертон сформулировал свой знаменитый «этос науки». Напомним, что суть сформулированной им проблемы заключалась в констатации негативного влияния тоталитарных режимов на науку: «конфликт [между наукой и обществом] возникает тогда, когда признаются нежелательными социальные следствия применения научного знания, когда скептицизм ученого оказывается направлен на базисные ценности других институтов, когда экспансия политической, религиозной или экономической власти ограничивает автономию ученого, когда антиинтеллектуализм ставит под сомнение ценность и честность науки и когда в отношении научного исследования вводятся ненаучные критерии приемлемости» [3]. Поиск средств сохранения автономного статуса науки по отношению к другим социальным институтам привел Мертона к формулировке четырех базовых норм (императивов), определяющих бытие научного предприятия: коммунизм (коммунизм), универсализм, бескорыстие и организованный скептицизм.

В современных условиях автономия науки подвергается не менее серьезному испытанию. Наступление академического капитализма означало, что «в XIX–XX вв. наука из почти дилетантского занятия, «философствования» превращается в высоко организованный и щедро финансируемый институт: история науки последних ста лет это в большинстве своем история включения в капиталистическую организацию. В результате свободная творческая мысль вовлекается в процесс производства и рыночного обмена» [1]. Действие «фактора рынка» предполагает, и чем

дальше, тем больше, что вся система производства научного знания начинает жить по рыночным правилам, которые, по мнению целого ряда экспертов, зачастую прямо противоречат классическому научному ethosу в трактовке Р. Мерттона.

Одним из первых это сделал Й. Митрофф, который основываясь на своих эмпирических исследованиях достаточно специфического научного сообщества, связанного с космическими проектами, пришел к следующим выводам: истинный статус научного достижения является достижением того, кто первым заявил на него свои права: vs универсализм; налицо защитный контроль над открытием, когда секретность скорее норма, чем отклонение: vs коммунизм; ученые принадлежат к особым сообществам, преследующим свои интересы: vs незаинтересованность; исследователи твердо уверены в своих собственных выводах и сомневаются в выводах других: vs организованный скептицизм [5].

Один из отцов-основателей социальной эпистемологии, С. Фуллер формулируя свои нормы науки, также открыто полемизирует с классиком. По его мнению, в современной науке на смену коммунизму приходит «мафиозность», означающая в данном случае необходимость поддерживать хорошие отношения с боссами в науке; место универсализма занимает «культурный империализм», т.е. доминирование англо-американских журналов; вместо незаинтересованности налицо оппортунизм, т.е. безразличие к тому, как будут использованы результаты труда ученого; наконец, «коллективная безответственность», легитимирующая проведение научных исследований и публикацию их результатов без учета возможных потрясений в обществе, становится заменой организованному скептицизму» [4].

Как показывают многочисленные исследования бытия современной науки, в т.ч. и российской, она, увы, не избежала серьезных деформаций профессионального кодекса как со стороны отдельных ученых, так и в рамках национального научного сообщества в целом. Негативные тенденции, связанные с плагиатом, терпимостью к явным нарушениям классических норм стали настолько серьезной проблемой, что потребовали

создания специальных внутрицеховых институций, призванных бороться с явлениями такого рода. Помимо всем известного «Диссернета», в качестве примера можно привести деятельность Комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований, которая накануне выборов в Академию наук издала специальный доклад с изложением результатов анализа профессиональной деятельности отдельных кандидатов в члены РАН. Результаты работы комиссии, изложенные в данном документе, убедительно показывают, что для целого ряда лиц, претендующих на членство в главной научной организации страны, эта самая «фальсификация» стала вполне обычным делом. В этой связи обратим внимание на итоговый вывод работы комиссии: «Лица с псевдонаучными статьями и диссертациями не могут считаться учеными и в принципе не должны избираться в РАН» [2].

Очевидно, что в подобных условиях разговоры о «чистоте науки», о необходимости принятия целого комплекса мер с целью максимально оградить науку от такого рода прецедентов перестали быть просто отвлечеными абстрактными рассуждениями, а приобрели вполне практический характер. К практическим мерам, направленным на борьбу за классические ценности науки, следует отнести попытки кодификации кодексов профессиональных научных организаций, создание атмосферы нетерпимости по отношению к лицам, их нарушающим. Особенно важно обсуждать такие вопросы с молодыми учеными, только начинающими свой путь в науке.

Литература

1. Абрамов Р.Н. Академический капитализм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/78711.html> (дата обращения: 18.08.2020).
2. Доклад Комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований. Кандидаты в члены корреспонденты и академики РАН. М., 2019.
3. Мerton Р. Наука и социальный порядок // Вопросы социальной теории. 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 191–207.
4. Fuller S. Science (Concepts in Social Sciences). Open University Press, 1997.
5. Mitroff I. Norms and counter-norms in a select group of the Apollo Moon scientists: a case study of the ambivalence of scientists // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. №. 4. P. 579–595.

М.А. Абрамова

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
Marika24@yandex.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ОБЪЕКТУ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды
на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях»*

Проблема исследования отношения индивида к чему-либо: к другому человеку, деятельности, ситуации, идее – достаточно сложная тема, требующая анализа информации как о самом человеке, специфике его когнитивных процессов, так и ситуации, в которой это отношение формировалось или было представлено. Раскрытие характера субъектно-объектной связи, процесса взаимодействия, специфики деятельности, в рамках изучения отношений в отечественной психологии было представлено в работах В.М. Бехтерева, М.Я. Басова, В.Н. Мясищева и др.

Но кроме традиционно изучаемых факторов, обуславливающих формирование отношения, малоизученными остаются средства трансляции информации об отношении субъекта к объекту исследования.

Во-первых, необходимо акцентировать внимание, что демонстрация отношения, форма подачи информации о нем во многом зависит от специфики социокультурной среды в которой формируется человек. Так, культура индивида рассматривается одновременно как часть и личности, и культуры в ее индивидуальной интерпретации, являясь «идиоверсией» (Т. Шварц). Это конечный пункт распределения культуры, ее социальная единица. Она состоит из конструктов, порождаемых опытом, событиями, историей жизни индивидов, а также продуктов их комбинирования и трансформации, формируя тем самым «картину мира» индивида.

Исследуя картину мира, мы обращаемся к различным средствам, позволяющим нам собрать информацию о переживаниях индивида, его представлениях о том как мир устроен, какие связи в нем для человека являются более и менее значимыми. Одним из привычных путей является вербализация информации посредством описания человеком своего отношения к изучаемому предмету. Но усвоение языковых систем в детстве происходит практически на неотрефлексированном уровне, без понимания причинно-следственных связей между используемыми моделями речи и тем, что принято и согласовано обществом в качестве социально одобряемого поведения. Этот феномен А. Вежбицкая называет «Власть родного языка», поскольку он становится инструментом организации коллективных действий, когда человек думает о пунктах «соглашения» с другими людьми, не в большей степени, «чем о воздухе, которым дышит» [1].

Второй не менее значимый момент – это субъект которому направлено наше верbalное послание. Исследование коммуникационных шумов (М. ДеФлюера) позволили выявить, что значение заключено не в слове, а в сознании тех, кто это слово использует, слышит, читает. В социальном отношении более важным представляется то, какое значение придает словам воспринимающий, чем то, какое значение приписывает ему автор. Приведем пример, использования вербальных средств при опросах населения. Так, в 2011 г. ВЦИОМ [2] и ФОМ [3] провели исследования мнения россиян о том, что их делает счастливыми. По данным ВЦИОМ, наиболее многочисленными ответами россиян о факторах счастья стали высказывания, попавшие в кластер «Благополучие в семье» – 33 %. Доля ответивших «Есть здоровье, здоровы близкие» составила лишь 9 %. По данным ФОМ этого же года 27 % из ответивших видели обязательным условием счастья «здоровье свое и своих близких», а «благополучие в семье, благополучие детей» – лишь 18 %. В чем причина расхождений? Конечно, мы можем предположить, что в выборку попали разные люди; возможно, разница в соотношении возрастных групп. Но более детальный анализ

спектра ответов респондентов, отнесенных в опросе ФОМ к кластеру «здоровья» («Это прежде всего здоровье: себя и своих близких»; «были бы здоровы близкие люди и сама я»; «здоровье – самое главное»; «то, что здоров»; «когда в семье все здоровы, нет больных»), показывает, что наряду с отношением к ценности «здоровье» в них можно проследить и важность для отвечающих благополучия в семье. Вследствие чего мы пришли к выводу, что причиной отличий полученных результатов стали разные основания для типологизации ответов респондентов.

Тему восприятия счастья мы также изучали в процессе опросов учащейся молодежи в Республике Саха (Якутия) с 2009 по 2012 гг. Но использовали для этой цели невербальные методы, а именно ассоциативные изображения. В рамках исследования были опрошены 1317 респондента. Самой многочисленной группой изображений стали рисунки, акцентирующие внимание на эмоциональном восприятии «счастья»: «Радость», «Улыбка», «Улыбающееся Солнце», «Улыбающийся человек» и пр. (51 %). Также многочисленными были группы рисунков «семья», «друзья» и «деньги». Но изображение «здоровья» как синонима счастья было всего лишь одно. О чем это свидетельствует? Мы полагаем, что кроме влияния возраста отвечающих важен факт обобщенного изображения самого отношения. Здоровье скорее являлось одним из обязательных условий состояния счастья, нежели самостоятельной ценностью.

Этот пример, позволил сделать нам заключение, что более емкие по содержанию и многозначные рисуночные презентации отношения представляют информацию в обобщенном виде, в то время как вербализация дает, с одной стороны, более конкретную информацию, но с другой – не всегда позволяет без дополнительных вопросов однозначно интерпретировать полученный ответ и определить его место в созданных типологиях.

Анализ данных позволил сделать заключение, что формирование ощущения счастья, скорее всего, предшествует его вербализации как концепта. А графический образ счастья, который

может описать или изобразить респондент, является в данном случае не отрефлексированным посредником в коммуникации.

Такое понимание логики формирования концепта поясняет многовариантность вербальных интерпретаций «счастья», которые на уровне обобщенного изображения приобретают более концентрированную форму, передающую главное содержание – отношение и переживания респондента.

Литература

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 272.
2. Много ли нужно для счастья? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2014. 8 дек. № 2731. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=654> (дата обращения: 15.08.2020).
3. Что такое счастье? [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». 2018. 16 ноя. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14129> (дата обращения: 15.08.2020).

А.Б. Ди迪кин

Институт государства и права РАН
(Москва, Россия)
abdidikin@bk.ru

ТОЖДЕСТВО ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРЕИМУЩЕСТВА НАРРАТИВНОГО ПОДХОДА

Дискуссии о тождестве личности являются характерной чертой современной аналитической философии. В зависимости от обоснования конкретного подхода тождество личности может рассматриваться в контексте моральной и правовой ответственности. Ведь аргументация в пользу того, что может представлять собой тождество личности в разные периоды жизни человека, а также интерпретация его действий и осознания человеком самости, в конечном итоге определяет и позицию относительно сущности сознания и степени разумности волевого поведения человека.

В современных дискуссиях о тождестве личности широкую популярность приобрели *психологические подходы* [1; 2], характеризующие ряд мысленных экспериментов, в которых проявление личностных качеств у субъекта может быть протяженным во времени, зафиксированным не только в его памяти, но и в различных индивидуальных особенностях. Популярность этих подходов обусловлена, прежде всего, необоснованностью претензий *физикализма* на объяснение феномена тождества личности, поскольку между изменениями физических свойств у организма человека и его представлениями об идентичности нет прямой взаимосвязи. Если человеческий организм травмирован в физическом смысле, это не означает ограничения самости у самого человека. Аналогично утрата памяти и воображения у конкретного человека предполагает утрату идентичности, но не безусловные изменения в человеческом организме. В отличие от представлений о сознании, эти аргументы полностью подтверждаются не только мысленными экспериментами, но и экспериментами в естественных науках. Тем самым с 70-х гг. XX в. происходит «психологический поворот» в дискуссиях о тождестве личности [3]. Особенности психологического подхода и его методологические ограничения уже ранее рассмотрены нами в [4. С. 84–87], при этом было отмечено, что наилучшей альтернативой пониманию тождества личности в классической философской традиции является нарративный подход с более гибкой аргументацией. В чем состоит разница?

В классической философии (в частности, в рассуждениях Дж. Локка, Т. Рида и Д. Юма) вопрос о тождестве личности тесно связан со спецификой осмыслиения термина «личность». Сам термин «личность» может иметь морально-юридический оттенок ввиду того, что отдельные действия во внешнем мире позволяют сообществу интерпретировать субъекта с точки зрения наличия или отсутствия личностных качеств. Вопрос о том, сохраняется ли тождество личности при изменениях характера воспоминаний, непрерывности осознания себя одним и тем же существом, и в состоянии сна, позволяет в отдельных случаях разделить значение

терминов «тождество» и «личность». Это становится необходимым, учитывая характер противоречий, происходящих из рассуждений Дж. Локка, на которые обращает внимание Т. Рид: «если разумное существо утратит осознание действий, совершенных им, – что, несомненно, возможно – то оно не является личностью, которая совершила те действия; так что одно разумное существо может быть двумя или двадцатью разными личностями, если оно будет столь часто утрачивать осознание своих предшествующих действий» [5. С. 95].

Нarrативный подход в его модифицированной форме позволяет иначе обосновать тождество личности в контексте правовой ответственности. Суть его состоит в том, что для установления ответственности конкретной личности нет необходимости устанавливать тождество, достаточно лишь найти каузальное или логическое объяснение, характеризующее эту личность и позволяющее приписывать ей ответственность [6. С. 167]. Отсюда последовательность событий будет описываться не по хронологии (как в случае определения последовательности операций работы головного мозга) и не в силу скорости психологических переживаний, а исходя из *смысла существования событий*. Такие события могут восприниматься как извне, так и самим человеком, формулирующим нарратив своих поступков. Д.Б. Волков отмечает, что «нарратив реализуется в первую очередь в автобиографическом рассказе. Эта опора на оценку от первого лица составляет вторую особенность нарративного подхода» [6. С. 167]. Не углубляясь в дискуссию о степени состоятельности нарративного подхода, уже представленную в работах [7] и [8], отметим, что для обоснования связи между персональной идентичностью и ответственностью недостаточно лишь принятия собственной истории и автобиографии, составляющей существо личностного нарратива. Ведь любое произвольное конструирование истории поступков человека в структуре нарратива не исключает и опровержения смыслов, заложенных в ней.

Тождество личности является условием возложения моральной и правовой ответственности только в том случае, если нарратив приобретает *поведенческий характер*, выходит за рамки исключительно внутренних ментальных процессов в человеке. Поступок порождает последствия и ответственность за них, если имеется *социальный контекст действий*, воспринимаемых сообществом, для которого нарратив является рациональным объяснением того, что произошло в прошлом и проявляется в настоящем. Именно в этом смысле сомнения в отождествлении личности (как в ситуации с «двойником», «раздвоением сознания» у одной личности) исключают применение ответственности даже в случае надлежаще обоснованного нарратива.

Тождество личности как поведенческий нарратив хорошо иллюстрируется аргументами Г. Райла о том, что «не существует метафизического глазка, через который мы непрерывно подглядываем и понимаем самих себя, хотя на основе повседневного поведения в общественной и частной жизни мы выучиваемся объяснять самим себе свои мотивы и действия» [9. С. 181]. Каждый человек может проследить отношения между своим личным опытом и внешними действиями, и потому становится возможным провести аналогию и понять действия других людей. С помощью особых *диспозициональных утверждений*, по мнению Г. Райла, следует описывать и толковать *ментальные предикаты* не как внутренние, ненаблюдаемые, таинственные процессы и события, а как предрасположенность и способность к совершению действий, которые возможно наблюдать. Тем самым вопрос адекватности моральной и правовой ответственности за поступки применим лишь в том случае, если существует слияние двух элементов – *рациональной ментальной истории*, описывающей смыслы событий, происходивших в прошлом с личностью, а также внешним проявлением этих событий в *поведении* этой же личности, доступном наблюдению.

Литература

1. Нехаев А.В. Дерек Парфит: забота ни о ком, как о себе самом // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2018. Т. 3. № 4. С. 49–59.
2. Беляев М.А., Гаспаров И.Г. Вспоминая Дерека Парфита // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2017. № 1. С. 165–172.
3. Секацкая М.А. Тождество личности как онтологический факт: возражение Дереку Парфиту // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVII. № 3. С. 76–84.
4. Остроглазова Н.А. Философские основания теории тождества личности (personal identity) в «Опыте о человеческом разумении» Джона Локка // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2018. № 1. С. 110–114.
5. Рид Т. Опыты об интеллектуальных способностях человека. Опыт III «О памяти». IV «О тождестве» / пер. Д.П. Еремина // Финиковый компот. 2018. № 13. С. 89–98.
6. Волков Д.Б. Преимущества нарративного подхода к проблеме тождества личности // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 166–175.
7. Секацкая М.А. Нарративный подход и проблема двойников // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 176–179.
8. Левин С.М. Нарративный подход: фикция и реальность // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 184–187.
9. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.

С.М. Левин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия)
serg.m.levin@gmail.com

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПОДХОД ПЕРЕБУМА К БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-011-00840 «Тождество личности и проблема
ответственности субъекта»*

Ключевым элементом в борьбе с преступностью сегодня является наказание. Наказание – это намеренное причинение

вреда (например, лишение прав и свобод) человеку за нарушение закона. Целями наказания иногда называют восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (УК РФ ст. 43). Эффективность меры объясняется тем, что из страха наказания часть людей не будет совершать преступления. Преступления совершаются ради субъективно желательных последствий, а наказание, наоборот, нежелательно. Наказание также должно служить исправлению преступника и восстанавливать социальную справедливость. Последнее достигается за счет того, что «выгода» от преступления уравновешивается «потерей» от наказания. При этом подразумевается, что те, кто виновен в совершении преступления, сами заслужили наказание своими действиями. То есть наказание не должно быть применено к невиновным людям даже, если оно будет достигать всех или некоторых из перечисленных целей.

Существуют теории, согласно которым никто не несет моральную ответственность за свои действия и, соответственно, не заслуживает наказания ни за какие поступки [1; 2; 3; 6; 10]. Например, потому что все наши действия — это совокупность взаимодействия генов, среды, состояния мозга и ситуации — а, значит, они являются результатом факторов вне нашего контроля. Перед сторонниками подобных теорий встает дилемма — сохранять ли наказания или отказаться от них. Сохранение наказаний кажется проблематичным с точки зрения морали, т.к. получается, что мы причиняем вред одним невиновным людям ради безопасности других невиновных людей. Отказ от сохранения наказания представляется проблематичным с практической точки зрения, ведь в отсутствии страха наказания количество преступлений может возрасти, а опасные преступники, даже если и не считать их морально ответственными, продолжат оставаться опасными, и их изоляция требуется для общественной безопасности.

Одно из возможных решений предлагает американский философ Перебум. Он пишет, что мы должны обращаться с

опасными преступниками аналогично тому, как мы обращаемся с носителями заразных болезней [6; 7]. Соответственно, опасных преступников нужно изолировать от общества подобно тому, как мы помещаем людей на карантин. С находящимися в изоляции обращаться следует настолько гуманно, насколько это возможно. Также заключенным нужно обеспечить условия для реабилитации и искоренения криминальных склонностей. Изолирование от общества может продолжаться до тех пора, пока преступник не перестанет быть опасен для окружающих.

Система борьбы с преступностью Перебума обещает быть более гуманной и эффективной альтернативой существующему уголовному праву и системе исполнения наказания. Отказ от моральной ответственности в смысле базовой заслуги позволяет видеть в преступниках не негодяев, заслуживающих порицания, а людей, которые в силу обстоятельств стали опасны для окружающих и которым требуется помочь в исправлении. В рамках этой системы никто из преступников не будет страдать от лишения свободы больше, чем это необходимо для общественной безопасности. А общество будет защищено от опасных преступников и будет тратить на это, как полагает Перебум, меньшее количество ресурсов, т.к. в тюрьмах не будут содержаться те, кто не представляет существенной опасности для окружающих.

Критика модели Перебума довольно разнообразна. Сол Смилянский указывает на то, что такая система будет неэффективной из-за недостаточности устрашения, которую она обеспечивает [8]. Также он пишет, что Перебум основывает свою систему на деонтологических ограничениях и противопоставляет ее утилитаризму, однако, сама деонтологическая этика базируется на идеях свободы воли, автономии личности и моральной ответственности, которые Перебум отрицает [9]. Майкл Коррадо и Джон Лемос пишут, что подход Перебума приведет к тому, что в заключении окажется еще больше людей, чем сейчас, т.к. некоторые люди могут считаться опасными до того как совершили преступления [4], и т.к. требования к доказательствам вины будут снижены [5]. Диалектическая сложность позиции Перебума в том,

что, отвечая на эти и другие возражения, он должен будет в то же время сохранить аналогию своей модели с медицинским карантином, что мне представляется невозможной задачей.

Литература

1. Секацкая М.А. Этические идеалы, логические ограничения и проблема свободы // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 81–91.
2. Харрис С. Свобода воли, которой не существует. М.: Альпина Паблишер, 2015.
3. Blackmore S. et al. Exploring the Illusion of Free Will and Moral Responsibility / Ed. by G.D. Caruso. Lanham, MD: Lexington Books, 2013.
4. Corrado M.L. Chapter One. Two Models of Criminal Justice // SSRN Journal. 2016.
5. Lemos J. Moral Concerns About Responsibility Denial and the Quarantine of Violent Criminals // Law and Philos. 2016. Vol. 35. № 5. С. 461–483.
6. Pereboom D. Living without free will. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 2001.
7. Pereboom D. Free will, agency, and meaning in life. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014.
8. Smilansky S. Pereboom on Punishment: Punishment, Innocence, Motivation, and Other Difficulties // Criminal Law, Philosophy. 2017. Vol. 11. № 3. P. 591–603.
9. Smilansky S. Free Will Denial and Deontological Constraints // Free Will Skepticism in Law and Society: Challenging Retributive Justice / Ed. by E. Shaw, D. Pereboom, G.D. Caruso. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 29–42.
10. Waller B.N. Against moral responsibility. Cambridge, Mass: MIT Press, 2011.

В.В. Петров

Новосибирский государственный университет;
Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
vvpetrov@mail.nsu.ru

«КОНЦЕНТРАЦИЯ ТАЛАНТОВ» В МОДЕЛИ УНИВЕРСИТЕТА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ

В условиях перехода к ценностям информационной цивилизации отношения между университетом и средой, в которой он существует, характеризуются все возрастающей асимметрией

между запросами этой среды и способностью университета отвечать на них. В настоящее время существует достаточно большое количество концепций и моделей университета «нового поколения», разработанных зарубежными (Й. Виссема, Б. Кларк, Дж. Салми и др.) и отечественными (В.Н. Врагов, В.А. Журавлев, Г.В. Майер и др.) исследователями. Несмотря на разнообразие подходов, практически во всех концепциях можно выделить в явном или неявном виде следующие основные блоки: во-первых, грамотная система менеджмента, во-вторых, достаточный объем материальных и нематериальных активов, в-третьих – наличие кадрового потенциала, который включает в себя лучших студентов, лучших преподавателей и лучших исследователей, что мы, соглашаясь с Дж. Салми, можем обозначить как «концентрацию талантов» [1]. Говоря о кадровом потенциале, как правило, не упоминают откуда и за счет чего он возникает – в лучшем случае речь идет о процессе обучения студентов, иногда дополняясь общими схемами привлечения абитуриентов. Но университет, как известно, не ограничивается только студенческим сообществом – представляя собой некую корпорацию студентов, преподавателей и исследователей, он нацелен и на воспроизводство кадров, способных и готовых продолжить свою не только научную, но и образовательную деятельность *в университете* после завершения освоения образовательной программы.

В последнее десятилетие, судя по официальным источникам, отмечен устойчивый тренд повышения доли молодых исследователей – с 2013 г. она стабильно превосходит 20 % [2], а в октябре 2019 г. помощник президента А.В. Фурсенко заявил, что «у нас устойчиво растет количество людей в науке до 39 лет последние 10 лет. У нас выросло при сохранении общей численности, у нас количество научных работников, исследователей до 39 лет выросло в полтора раза» [3]. Схожие данные представлены в 2019 г. в ходе реализации Проекта «Молодость» [4].

В этой связи нам представляется интересным сфокусироваться на опыте Новосибирского национального исследо-

вательского государственного университета, который, будучи интегрирован в исследовательскую деятельность, в первую очередь был ориентирован на подготовку научных кадров для Сибирского отделения Академии наук СССР (впоследствии – Сибирского отделения академии наук России).

Мы обратились к результатам ежегодных социологических исследований, проводимых Центром развития карьеры НГУ [5]. В результате выявлено, что 79,8 % выпускников 2019 г. живут в Новосибирске и Новосибирской области, в столичных городах – 13,5 %; 2,3 % живут за границей. Нахождение молодых выпускников НГУ за границей обусловлено, преимущественно, получением образования, причем уровня аспирантуры, программ PhD. По уровню соответствия трудовой деятельности полученной в НГУ специальности 51,1 % занятых сочли, что их основная работа полностью соответствует полученному в НГУ образованию; 27,7 % считают, что работают по близкой специальности; 19,8 % работают не в соответствии с полученным образованием.

Прогнозируемым оказался результат, что доминирующей сферой деятельности выпускников НГУ по-прежнему остается наука и научное обслуживание: 27,4 % работающих респондентов отнесли свою работу к данной сфере; каждый пятый выпускник (21,0 %) занят в сфере информационных технологий, таких, как ИТ, программирование, техническая поддержка компьютерных сетей и т.д.; на третьем месте (11,3 %) стоит занятость выпускников сфере юриспруденции, в то время, как доля занятых в образовании составила 9,2 %.

Если соотнести полученные данные 2019 г. с предшествующим периодом, то выясняется, что доля выпускников, ориентированных на научную деятельность после окончания университета неуклонно снижается: так, в 2015–2018 гг. она составляла 31,4–31,8 %, а в 2019 г. снизилась до 27,4 %. Что касается сферы образования, которая не может развиваться в отрыве от научной деятельности, то здесь провал еще более резок: с 17,2 % в 2015 г.

до 9,2 % в 2019 г., причем снижение происходило достаточно линейно.

Примечательно, что этот тренд обозначился в исследовательском университете, интегрированном в научный центр мирового уровня. Причины, по которым происходит снижение количества выпускников университета, готовых заниматься научной и образовательной деятельностью, на наш взгляд могут заключаться в следующем:

Во-первых, за период с конца 1990-х годов произошло серьезное снижение престижа научной деятельности в общественном сознании. Во-вторых, падение престижа науки и образования усугубляется относительно невысоким уровнем зарплатной платы на начальном этапе научной деятельности. И, наконец, в-третьих, (применительно к Новосибирскому научному центру) снижение притока молодых специалистов в научную деятельность может быть связано с ограниченными социальными условиями, что выражается в проблематичности решения жилищной проблемы, а также – четко выраженная недостаточность развития благоприятной социальной инфраструктуры, что в целом соотносится с данными социологических исследований [6. С. 1987; 7. С. 114; 8. С. 67], проведенных нами в 2016–2018 гг. среди студентов выпускных курсов высших учебных заведений.

Литература

1. Салми Д. Создание университетов мирового класса. М., 2009. 132 с.
2. Омоложение науки: в России увеличилось число исследователей в возрасте до 30 лет [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://iq.hse.ru/news/212895868.html> (дата обращения: 19.12.2019).
3. В России число молодых ученых выросло в 1,5 раза за десять лет [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191008/1559539138.html> (дата обращения: 18.03.2020).
4. Проект «Молодость»: в России выросло число ученых до 39 лет [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/843111/egor-sozaev-gurev-anna-urmantceva-sergei-izotov/proekt-molodost-v-rossii-vyroslo-chislo-uchenykh-do-39-let> (дата обращения: 13.02.2020).

5. Мониторинг трудоустройства выпускников 2019 [Электронный ресурс] // Новосибирский государственный университет. URL: <https://www.nsu.ru/n/career/statistika/monitoring-trudoustroystva-vyupusknikov-2019/> (дата обращения: 24.03.2020).
6. Петров В.В. Формирование образовательного запроса в условиях капитализации знаний // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. № 3. С. 1981–1989.
7. Петров В.В., Филатова В.М. Формирование образовательного запроса: студенческий вектор // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 113–116.
8. Петров В.В. Сдерживающие факторы формирования социального потенциала в условиях системных трансформаций // Философия образования. 2019. № 3. С. 57–70.

Т.А. Сидорова

Новосибирский государственный университет
(Новосибирск, Россия)
t.sidorova@g.nsu.ru

НЕЙРОТЕХНОЛОГИИ: ОТ ТЕРАПИИ К УЛУЧШЕНИЮ, ОТ УЛУЧШЕНИЯ К УПРАВЛЕНИЮ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 17-29-02053*

Концепт нейротехнологической революции отражает в последние десятилетия более явные успехи по сравнению с близкой по значению биотехнологической революцией, которая включает разнородные достижения в области биомедицины и фармации, чтобы иметь отсылку к конкретным событиям. Так, по-настоящему революционной стала высокоточная визуализация мозга, отображающая паттерны мозговой активности, направленной на выполнение физических или когнитивных задач. Изначально нейровизуализация использовалась в клинических и исследовательских целях, сегодня она становится «распространенной технологией», интегрируется в потребительские устройства для здоровых пользователей с неклиническими целями. Распространенные нейротехнологические приложения включают интерфейсы мозг-компьютер (BCI) для

управления устройствами или для нейромониторинга в реальном времени, нейросенсорные системы управления транспортными средствами, средства когнитивного обучения, электрическую и магнитную стимуляцию мозга. BCI на основе ЭЭГ все чаще используются в качестве гаджетов для игр и дистанционного управления. Нейротехнологические новинки могут быть очень полезными для людей и общества, но они также могут быть использованы не по назначению, создавать беспрецедентные угрозы свободе ума и способности людей свободно управлять своим поведением [4].

В когнитивной сфере, где возможность человеческого самосовершенствования и стремления к улучшению всегда имели свою позитивную значимость, переход от терапевтических целей к Human enhancement происходит особенно быстро. Распространенные нейротехнологии применяются для самоконтроля, когнитивной тренировки и развлечений уже не для пациентов неврологических клиник, а вполне обычными пользователями.

Другой причиной перехода от терапии к улучшению в нейротренде является его «технонаучный» характер [2]. Нейротренд оформляется как результат фундаментального углубления в биологию и физиологию мозга, нацеленный на прикладное использование получаемых знаний. Так, в рамках американского проекта Brain Initiative конечной задачей выступает получение технологий для точной модуляции активности определенных нейронных сетей и для неинвазивного контроля деятельности человеческого мозга; определение связей деятельности мозга с поведением человека; создание инструментов анализа данных, для выявления биологических основ психических процессов. В канадской программе Brain Research Strategy практическим результатом должно быть увеличение знаний о механизмах работы нервной системы, лежащих в основе высших когнитивных функций, создание нового поколения искусственных нейронных сетей, вычислительных устройств и интеллектуальных роботехнических систем [3].

Развитие нейротренда от терапии к улучшению на следующем витке ведет от улучшения к управлению в ментальной сфере. Иллюстрацией может служить проект цифрового двойника. Цифровой двойник – искусственный электронный субъект в виде системы социальных, когнитивных, медицинских описаний реальных людей. Если собрать наши информационные следы и соединить их с вполне легитимной медицинской, банковской и другой социальной информацией, то можно воссоздать образ человека. Так утверждают специалисты, работающие над проектом «цифрового двойника». Цифровой двойник позволяет сделать управляемыми когнитивные и телесные процессы, поэтому для его функционирования необходимы различные данные биологического и нейрологического характера, в том числе «результаты детектирования нейронной активности ключевых зон мозга при выявлении и интерпретации мыслительных команд в увязке с получаемыми извне информационными сообщениями» [1].

В онтологии цифрового двойника человек понимается не просто как социальный конструkt, а мультимодальный блок. Нейрокогнитивная деятельность в этом блоке создает не трансцендентальный и автономный мир как продукт творческого воображения, а семантические контуры, которые можно декодировать, а затем воспроизвести в искусственных нейросетях, далее встраивать эту информацию в мультиагентные, распределенные системы и через них влиять на личность, отслеживать лояльность или деструктивность его поведения. Например, одной из задач по проекту цифрового двойника является изучение «воздействий на доминантный очаг эмоционально-образного блока с выходом на возможность комплексной дистанционной когнитивной коррекции мнений» [1].

Таким образом, нейротренд, основное направление которого было связано с решением медицинских задач приходит к тому, что стать частью единой системы управления поведением человека с помощью новых нейро- и био-интерфейсов.

Литература

1. Логинов Е.Л., Шкута А.А. Искусственный интеллект и BIG DATA для управления социумом в условиях стратегических бифуркаций: цифровой двойник человека как партнера-клиента-оппонента органов управления [Электронный ресурс] // Искусственные общества. 2019. Т. 14. Вып. 3. URL: <https://ras.jes.su/artsoc/s207751800006309-8-1> (дата обращения: 04.09.2020).
2. Сидорова Т.А. Методологические аспекты регулирования нейроисследований и нейротехнологий в нейроэтике // Философия и культура. 2020. № 8. С. 29–45.
3. Хамдамов Т.В. Практическая сторона нейроэтики и основания нейрофилософии в крупных проектах изучения мозга человека // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. IV. № 1. С. 42–84.
4. Jenca M., Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology [Электронный ресурс] // Life Sciences, Society and Policy. 2017. Vol. 13. № 5. URL: <https://doi.org/10.1186/s40504-017-0050-1> (дата обращения: 01.02.2020).

С.А. Смирнов

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
smirnoff1955@yandex.ru

ЦИФРА КАК СОБЛАЗН. ЧЕЛОВЕК И НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД

Вопрос

Уже никого не удивляет тот факт, что миллионы людей фактически живут в виртуальном мире, не могут жить без социальных сетей. Мы постепенно привыкаем к другой реальности. Например, миллионам молодых японцев поставлен психологический диагноз – зависимость от гаджетов. Уже появилось медицинское понятие «цифровое слабоумие». Более 90 % молодежи в мире «живут» в интернете, находясь там по 5–8 и более часов ежедневно. А какой-нибудь пятилетний внук осваивает на раз очередной умный гаджет и обучает этому своего деда.

Возникает вопрос – что с нами со всеми происходит? Что мы понимаем не про технологии, а про самих себя? И понимаем ли?

Диагноз

А происходит то, что человек испытывает глубинный, онтологический соблазн. Наш брат, человек, переживает соблазны периодически. Это понятно. Но нынешний тренд развития, связанный с разработкой и внедрением умных технологий в повседневность, во все сферы жизнедеятельности, загоняет человека в принципиально новую для него ситуацию, из которой он пока выходить не собирается. Более того, ему нравится этот соблазн. И бороться он с ним не хочет, предпочитая отаться сладкой зависимости от умного гаджета. Поэтому важнейшим вопросом становится не вопрос о самих по себе новых технологиях, цифровой школе, работах-учителях, сетевых программах, виртуальной педагогике и проч.

Вопрос состоит в том, что при внедрении умных технологий происходит с самим человеком, его базовой идентичностью, т.е. с его мышлением, волей, воображением, памятью, т.е. с его «высшими психическими функциями», которые (мы так всегда полагали) делали и делают его самим собой?

Дело в том, что человек впервые реально испытывает именно онтологический соблазн – он впервые испытывает искушение отказаться от самого себя. То есть, он может не быть. Точнее, он дает себе право не быть.

Мы привыкли к тому, что каждый человек, являясь в этот мир, имеет шанс быть, сбыться, состояться как человек, реализоваться. У него всегда была такая амбиция – стать человеком! И все усилия образования и культуры как институций были направлены на это: Ты человек! Ты имеешь шанс и право быть человеком! Все мировые антропологические учения только про это и говорили, пытаясь разобраться в главном кантовском вопросе – что есть человек? Спор шел лишь о том, в чем специфика бытия человека. Но все же бытия! И это понималось как норма человека (см. подр. [1]).

И что же случилось? Бытие человека можно сдать в утиль. А самого человека поместить в зоопарк в качестве экзотического существа, вымирающей особи. И провоцирует это его желание

именно умный гаджет, цифра, забирающая его у него самого. Человек так увлекся техническим прогрессом, что по привычке, отдавая технике всё новые и новые функции и работы, постепенно стал отдавать ей и самого себя, свои умные функции и работы, те, которые он выполнял ранее сам и которые делали его самим собой. Именно умному гаджету человек отдает свои привычные работы – он может более не делать того, что делал раньше: писать, считать, запоминать, работать, прогнозировать, принимать решения и много чего еще. Делая эти работы, он и становился собой. А теперь все это можно отдать умной машине, которая год от года становится все умнее и умнее.

Тем самым, человек, испытывая онтологический соблазн и поддаваясь на него, сам же себя онтологически дезориентирует. Попав в ситуацию онтологического соблазна, возможности не быть, он, получая в свои руки умную, сверхумную игрушку, начинает всерьез полагать, что он может стать бессмертным, превратившись в постчеловека (киборга, мутанта, клона). Введя в себя нанороботы, он не будет болеть, о чем говорит идеолог трансгуманизма Р. Курцвейл. Всерьез обсуждается проект 120-летнего человека. Человек, полагая, что он победил (почти) смерть, а главное – страх смерти, он тем самым избавляет себя и от другого, главного своего собеседника – Бога. Постчеловеку Бог не нужен. А если Бога нет, то...

Тем самым вовсю заработал (как следствие соблазна и дезориентации) мощный тренд – тренд ухода человека как активного субъекта, замены его умными техническими устройствами.

Следствием тренда ухода становится и другой тренд – виртуализация. Но это не про то, что человек сидит в интернете. Само по себе количество часов, проведенных за компьютером или в соцсетях, ни о чем пока не говорит. Главное в другом – в том, что основной ценностью и смыслом для человека становится именно присутствие, жизнь в интернете, в виртуале. Ведь проблема не в том, что подростки сидят днями в сетях. Они там не сидят. Они там живут! Проблема в том, что главная

событийность и главная ценность их жизни перемещается для них туда, в виртуал. В этой привычной нам социальной жизни много проблем, нужно прилагать какие-то усилия, самому думать, за что-то отвечать, брать на себя ответственность, совершать поступки. А в виртуале всего этого не требуется. Там можно быть героем, не затрачивая усилий и ни за что не отвечая. Происходит ценностный сдвиг, смещение смыслового и событийного центра, смещение границы – и человек уходит туда, там он живет, там он герой, там его любят.

Сила соблазна

Почему сработала провокация умного гаджета? Почему гаджет оказался таким провоцирующим фактором, триггером, толкнувшим человека на радикальный соблазн?

Весь технический прогресс строился по логике органопроекции, на том, что человек стремился усилить себя, свое бренное тело, свои способности. Он от рождения слабее цыпленка. По принципу органопроекции он усиливал себя, свои органы, наращивая и приделывая к себе разные технические устройства. Начинается все со вполне простых и безобидных, но весьма нужных вещей. Перестал хорошо видеть – надел очки, потерял руку – надел протез. Заболели, сгнили зубы – вставил новые. Слабые больные органы – сделал им искусственные заменители. А новые материалы уже позволяют преодолевать отторжение имплантов. Человек, его органы, оказались в принципе заменимы. Он сам оказался в принципе заменим. И его это устраивает!

Схема «протеза» при понимании логики развития до сих пор остается базовой. И тогда вожди трансгуманизма решили, что человек заменим постчеловеком! Зачем нам больной, страдающий и смертный, когда можно сделать почти бессмертное существо? Они утверждают так именно потому, что для них человек – функциональное устройство, набор функций, хотя и сложных. А значит его можно смоделировать и поместить в новое бессмертное тело.

Итак, первая причина соблазна и ухода: человек строил своё развитие по логике технического усиления себя с помощью орудий. И чем дальше, тем больше он развивал сферу техники, в результате чего не техника становится средством, а человек становится приладой к машине.

Но есть и вторая причина, более глубинная. Она заключается в том, что человек уже давно, когда-то однажды, в самом Начале, с сотворения себя Богом, уже испытал соблазн. Ведь как искушал его змей: «...нет, не умрете. Но знает бог, что в день, в который вы вкусите..., откроются глаза ваши и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 2, 4-5). Искушение уже состоялось. Еще тогда. И человек уже вкусили запретный плод. Но соблазн велик. Можно взять – и стать! И без усилий. Просто взять. И не надо думать, работать, мыслить чувствовать, отвечать, страдать. Можно и нужно брать – и тем сам ты получишь Силу и Власть. И... И тут подоспел умный гаджет, дающий (якобы) великую силу.

Поэтому отныне человек не хочет страдать, думать, чувствовать, мыслить. Работа горя ему не нужна. Зачем? Но если раньше, испытывая соблазн, человек все же работал, трудился, страдал, молился Богу, понимая, что это его удел, то сейчас он допустил, что страдания закончились. И пришло тысячелетнее царство блаженства. Раньше у него не было умного гаджета. А теперь он есть. И он освободит его от тягот земных. И наступит Царствие Небесное. И замаячила перспектива безболезненного существования без страданий. Чем не рай? Но рай необретенный, не выстраданный, не обетованный. Его человек хочет получить как готовую вещь.

Поиск альтернативы

В этой ситуации трудно искать альтернативу трансгуманизму, поскольку он крайне соблазнителен. Поэтому представители альтернативы пока крайне немногочисленны. Лишь некоторые авторы стали делать попытки вводить институцию этической и гуманитарной экспертизы. В реальной практике

проводения и описания гуманитарная и этическая экспертизы отождествляются. Пока это различие институционально и понятийно не закрепилось (см. также [3; 4]).

Я предпочитаю говорить об антропологической альтернативе, альтернативе тренду ухода человека. Антропологическая экспертиза и альтернатива связаны не с защитой человека как слабого существа, а с выработкой разного рода антропологических практик испытания, преображения, становления и развития человека, всякий раз восстанавливающих норму человека. Но такие практики требуют личного усилия, преодоления, превозмогания.

В ближайшие 50 лет будет решаться вопрос: какой тренд побеждает? Тренд ухода человека или тренд альтернативы? Решать вопрос придется уже не нам. И решаться он будет не в технологической сфере, а в сфере антропологии: хочет человек быть или он хочет уйти?

Литература

1. Смирнов С.А. Онтология человека: рамки и топика // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 38–49.
2. Смирнов С.А., Яблокова Е.П. Антропологические границы гуманитарной экспертизы // Философская антропология. 2019. Т. 5. № 1. С. 26–44.
3. Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Гуманистическое знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 214–237.

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А.Ю. Алексеев*, Е.А. Алексеева**, Р.Ю. Хасанов**

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
aa65@list.ru

** Государственный академический университет гуманитарных наук
(Москва, Россия)
alteratum@gmail.com

*** Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
hasanov582@mail.ru

МАШИНА КОРСАКОВА-ТЬЮРИНГА КАК ТЕОРЕТИКО-АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ДИСПОЗИЦИЯ КОННЕКЦИОНИЗМА И СИМВОЛИЗМА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-311-90088: «Роль символного подхода в исследованиях
общего искусственного интеллекта»*

Развитие стратегического направления современной технологии – общего искусственного интеллекта – предполагает решение по крайней мере двух принципиальных проблем. Во-первых, должен быть функционалистски охвачен широкий спектр когнитивных феноменов. Необходимо, чтобы в компьютерных репликациях, презентациях и репродукциях имелась возможность воплощать когнитивные феномены витального, психического, личностного и социального содержания [1]. Во-вторых, необходима интеграция коннекционистского и символического подходов в программировании интеллектуальных систем. Сегодня отсутствуют теоретико-алгоритмические принципы такого гибридного подхода. Данный доклад предлагает один из

возможных вариантов гибридного подхода к построению общего ИИ в предположении построения коннекционистско-символьного автомата путем совмещения двух фундаментальных абстракций: машины Корсакова (МК, 1832 г.) и машины Тьюринга (МТ, 1936 г.).

Машину Корсакова в [2] предлагается изучать в виде протонейрокомпьютера. Это чистая коннекционистская машина, состоящая из пяти параллельных механизмов (гомеоскопов) сравнения сложных идей. Механизмы предложены в труде С.Н. Корсакова (1832 г.) «Очерк о новом способе исследования посредством машин для сравнения идей», переведенном с фр. на русский язык под научн. редакцией одного из соавторов данного доклада лишь через 175 лет, в 2007 г. Показано, что «вычисления» (коннекционистские сетевые вычисления) в смысле Корсакова двойственны к классическим теоретико-алгоритмическим подходам (А.Тьюринга, Дж. фон Неймана, А. Черча, А. Маркова, А.Н. Колмогорова и др. Двойственность прослеживается и к семантической теории алгоритмов В.С.Успенского, А.Л.Семенова.

Совместить две машины можно следующим образом. В каждой ячейке ленты Тьюринга располагаются перфокарты Корсакова. Именно на них разворачивается динамика формирования символа (выход машины Корсакова), исходя из субсимвольных сочетаний связей признаков. Например, один из механизмов МК («идеоскоп») явно демонстрирует, как формируются слова из ассоциаций, не имеющих символьных обозначений. Для МТ как формализации понятия символьного алгоритма главной остается проблема остановки. Для МК главной проблемой является формирование символа. Изучается когнитивная установка С.Н. Корсакова по поводу облечения мыслей в физическую форму и усиления интеллекта. Раскрываются принципиальные отличия МК от МТ. Эти отличия формируют диспозицию МК и МТ. Диспозиция включает, соответственно, коннекционизм/символизм; активность/пассивность; параллелизм/последовательность; интерактивность/автономность; открытость/замкнутость; кративность/

реактивность: формализация работы художника/формализация работы математика и пр. Существенно то, что использование МТ в функционалистских теориях (например, в машинном функционализме Х. Патнэма) приводит к имитации феноменов сознания. МК, благодаря богатому презентативному содержанию, ориентирована на усиление когнитивных компетенций. Машина не исключает человека, а помогает ему.

Авторы полагают, что на основании гибридной теоретико-алгоритмической концепции необходимо пересмотреть существующую индустрию программирования интеллектуальных компьютерных систем.

Литература

1. Алексеев А.Ю. Общефункционалистский концепт искусственной потребности как основа общего искусственного интеллекта // Философские науки. 2019. № 62 (11). С. 111–124. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-11-111-124>.
2. Алексеев А.Ю. Протонейрокомпьютер Корсакова // Нейрокомпьютеры: разработка и применение. 2013. № 7. С. 6–17.

А.В. Антипова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
annaantipova1415@gmail.com

АРГУМЕНТ ГЕДЕЛЯ-ЛУКАСА-ПЕНРОУЗА И КОННЕКЦИОНИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ

Тезис Джона Лукаса и Роджера Пенроуза [1] говорит нам о ложности механистического подхода к проблемам искусственного интеллекта. Суть аргумента заключается в применении теоремы Геделя о неполноте к кибернетическим системам, например, к роботам. Всегда будет существовать формула, которой робот не сможет присвоить значение «истина», поскольку первоначально данную формулу необходимо доказать,

что, согласно ее содержанию, невозможно. Тем не менее, любой человек в состоянии признать истинность формулы «Эта формула недоказуема в системе». Таким образом, существует истина, которую робот не сможет определить как таковую. Следовательно, машина никогда не сможет быть полной и адекватной моделью человеческого разума, что доказывает слабость ИИ по сравнению с мощью естественного интеллекта.

Авторами тезиса подробно разбираются возможные контраргументы, в том числе бесконечное применение операции гёдельизации, проблемы интерпретации человека как согласованной системы, вопросы о целостности человеческого сознания.

1. Предположим, что некто свел ошибку первой разумной машины в выводении какой-либо истинной формулы к несовершенству ее устройства и решил построить вторую машину, более точную, которая определяет эту формулу как истинную. Таким образом вводится бесконечный оператор гёдельизации. Однако Лукас и Пенроуз отмечают, что и усовершенствованная машина будет иметь собственную формулу Геделя. Даже если этот процесс будет продолжаться бесконечно, машина не сможет выйти за пределы собственной системы.

2. Контраргумент от согласованности систем заключается в применимости теоремы Геделя исключительно к дедуктивным системам, в то время как люди таковыми не являются. Однако, как считает Лукас, непоследовательная машина, подверженная заблуждениям, не стала бы идеальной моделью человеческого разума [4]. Машина работает либо наугад, либо по определенным правилам. Поведение людей более сложно, и его нельзя свести к подобным крайностям.

3. Сознательное существо может иметь дело с геделевскими вопросами так, как не может машина, поскольку оно рассматривает себя и свои действия, не отличаясь при этом от того, кто это представление осуществляет. Машина может быть построена похожим образом, дабы «учитывать» собственную производительность, но она не может принять это во внимание, не станов-

вясь при этом иной машиной, а именно, старой машиной с добавленной новой деталью. Нашему сознательному уму присуще то, что он может размышлять над собой и критиковать собственные действия, и для этого не требуется никакой дополнительной детали. Парадоксы сознания возникают именно потому, что сознательное существо способно осознавать себя, но все же не может быть истолковано как делимое на части.

Убедительность тезиса Лукаса-Пенроуза строится на двух предположениях. Лукас считает, что для того, чтобы мы могли считать интеллект компьютера равным интеллекту человека, компьютер должен быть способен проделать любое интеллектуальное задание, на которое способен человек. Помимо этого, данный тезис приложим только к машинам в трактовке Тьюринга, т.е. любая система, способная обойти парадокс Геделя, не будет кибернетической машиной. Таким образом, Лукас и Пенроуз используют процедуру гёделизации в качестве критерия для определения механической машины. Попробуем ответить на оба предположения.

Как показал Дуглас Хофтадтер [3], по мере того, как сложность формальных систем возрастает, наша способность «гёделизации» также начинает ослабевать. Если мы не можем объяснить, как применить метод Гёделя в каждом отдельном случае, то рано или поздно мы, столкнувшись со слишком сложным случаем, не сможем сообразить, что делать. С этого момента формальные системы такой сложности, хотя и неполные из-за возможности приложения к ним гёделева метода, сравняются по мощи с человеческим разумом.

Согласно Лукасу, теорема Геделя должна применяться к кибернетическим системам, поскольку сущность машины заключается в том, чтобы быть конкретным воплощением формальной системы [4]. Если какой-либо системе удастся обойти проблему Геделя, то такая система уже не является кибернетической машиной. Однако тогда мы лишь попадаем в логический круг определений. Лукас, таким образом, допускает возможность создания системы, мощность которой сравнима с

естественным интеллектом, которая, по сути уже не будет машиной Тьюринга.

Данный аргумент показывает границы символьного подхода к искусственному интеллекту. Если человеческое познание действительно является цифровой последовательной обработкой инструкций символьной программы, то мы неизбежно столкнемся с ограничениями формальной арифметики. Если мы хотим развивать ИИ и преодолеть эти ограничения, то необходимо двигаться в ином направлении. Для этого необходимо переосмыслить определения компьютера и интеллекта в целом, на что неявно указывают Лукас и Пенроуз, говоря о нетьюринговых машинах. Именно с такими машинами технология сегодня и столкнулась. Акценты сместились от моделирования символьных операций к моделированию строения мозга и нейронных сетей или поведения рациональных агентов.

Коннекционистский подход к ИИ утверждает, что информация хранится не в виде символов, а в виде весов связей (коннекций), определяющих силы связи между элементами нейронной сети. Обработка информации представляется как динамика активности нейронной сети. Когнитивные представления распределены внутри сети нейронов и остаются хорошо сохраненными, даже когда части представления разрушаются. Из коннекционистских моделей и методов обучения сетей, в частности, следует, что презентация когнитивной информации в мозге скорее не локализована в отдельных нейронах или нейронных узлах, а распределена. Это свойство роднит нейросети с мультиагентными системами, интеллектуальные агенты которых автономны и взаимодействуют друг с другом по простым настраиваемым правилам. Характерной особенностью таких систем является отсутствие централизованного управления и отсутствие у агентов представления о состоянии системы в целом. Если также учитывать современное развитие параллельных вычислений и суперкомпьютерных технологий, то становятся очевидными отличия новой парадигмы искусственного интеллекта от классического подхода.

Классицисты убеждены, что коннекционистские модели не соответствуют эффективности классических моделей при объяснении человеческих когнитивных способностей, связанных с функционированием знаково-символического мышления. На наш взгляд, наиболее интересным применением коннекционистского подхода как раз является изучение человеческого разума при помощи искусственных нейросетей. Так, например, уже сейчас нейросети помогают лучше классифицировать ЭЭГ, а в будущем предполагается замкнуть естественные и искусственные нейросети в кольцо с постоянной обратной связью, т.е. создать идеальный нейроинтерфейс [2].

Указанный подход обращает внимание на те свойства, которые не учитывались в аргументе Лукаса-Пенроуза: эмерджентные свойства сетей, результаты функционирования которых не линейны и качественно отличны от предыдущих состояний; влияние структуры на свойства системы при исполнении интеллектуальных операций; возможность высокоскоростных параллельных вычислений. Меняется понятие машины. Она все больше сближается с человеческим интеллектом, подпадая под более общее понятие интеллектуального агента, как бы оправдывая сомнения Лукаса по поводу сближения машины и человека. Собственная динамика такого агента уже невыразима нумерацией Геделя. Таким образом, аргумент Лукаса-Пенроуза не работает в эпоху нейротехнологий, но проясняет ход развития исследований ИИ.

Литература

1. Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Едиториал РУСС, 2013.
2. Попов Е.Ю., Фоменков С.А. Детектирование событий движения руки в сигналах ЭЭГ головного мозга // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2015. № 4. С. 131–140.
3. Хоффштадтер Д. Гедель, Эшер, Бах: Эта бесконечная гирлянда. М.: Бахрах-М, 2001.
4. Lucas J. Minds, machines and Gödel // Philosophy. 1961. Vol. 36. P. 112–127.

Н.С. Ильюшенко

ГНУ «Институт философии Национальной академии наук Беларусь»
(Минск, Республика Беларусь)
n.ilishenko@gmail.com

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ В ЭПОХУ БИОКАПИТАЛИЗМА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ,
проект № Г19РМ-051 «Социальные ожидания от развития технологий
в эпоху биокапитализма»*

Биокапиталистическая эпоха характеризуется переходом от политики и экономики к биополитике и биоэкономике, отличительной особенностью которых является превращение человеческой жизни, взятой в ее целостности, в объект управления и контроля, а также в средство извлечения прибыли из существования субъекта как особого рода «биологического капитала». Основу данного перехода составляют широкие возможности современных биотехнонаук, позволяющих реализовывать биовласть (М. Фуко) непосредственно над телесностью и биологией человека (гигиеной, рождаемостью, продолжительностью жизни и другими параметрами), превращая витальные процессы организма в фундамент получения экономических выгод [4].

Нейротехнологии – технологии, затрагивающие и влияющие на когнитивные и, в целом, адаптивные возможности индивидов [6], – сегодня вызывают большой исследовательский интерес, прежде всего, в силу объема впечатляющих достижений во многих практических областях: экономике, медицине, маркетинге, образовании и др. Приведем несколько примеров из сферы медицины. Так, настроенный определенным образом интерфейс способен помочь слепым людям, имеющим повреждения сетчатки глаза, увидеть окружающий мир. В нейрохирургии обращение к передовым технологическим средствам открывает путь к обнаружению и удалению злокачественных новообразований. В области реабилитации новые технические

средства позволяют добиться ощутимых результатов у парализованных людей, значительно повышая качество их жизни, открывая перед ними перспективы трудовой занятости и преодоления зависимости от окружающих людей (родственников, специалистов помогающих профессий) [2]. Одновременно нейротехнологии оказываются перспективным объектом инвестирования в сфере торговли. Стратегии, основанные на принципах нейромаркетинга, помогают получать информацию о вкусах потребителей, их привязанностях, привычках и т.п. Эти предпочтения, как правило, не осознаются самими людьми, и в силу такого своего статуса, остаются открытыми внешнему маркетинговому воздействию. В итоге происходит увеличение объемов продаж, наращивание прибыли и, как следствие, повышение благосостояния отдельных предприятий и общества в целом. Положительное восприятие перспектив использования нейротехнологий обнаруживает себя и в сфере доминирующих социальных ожиданий, связанных с потребностью в обеспечении безопасного существования в обществе. Так, нейротехнологии сегодня все чаще включаются в системы, служащие контролю надлежащего качества предоставляемых услуг, предвосхищения чрезвычайных ситуаций. Примером могут служить системы, предотвращающие засыпание водителя во время управления транспортным средством. Они также применяются для контроля значимых психофизиологических показателей у работников, занятых на опасных и стратегически важных объектах. Применяемые в сфере образования, нейротехнологии способны значительно повысить уровень инклузии, стимулируя индивидуализацию обучения, а также обеспечить учет персональных особенностей обучающихся [1].

Однако несмотря на описанные положительные следствия и ощутимую практическую пользу от внедрения нейротехнологий, их не стоит определять как несомненное технологическое благо. Сегодня все чаще звучат призывы ученых подвергнуть всестороннему этическому анализу различные аспекты их применения. Отмечаются случаи как открытого недовольства, так и в целом

настороженного, скептического отношения к практикам использования нейротехнологий со стороны не только представителей научного сообщества, но и среди рядовых обывателей [3]. При этом в самой этической проблематике выделяются не только узко понятые биоэтические риски, но также профессионально-этические и гуманистические аспекты применения нейротехнологий, касающиеся оценки их воздействия на здоровье и жизнедеятельность людей в целом, профессиональную активность широкого круга специалистов (медиков, маркетологов, педагогов и др.), возможность сохранения за каждым человеком статуса субъекта, а не объекта нейротехнологического воздействия.

Примером очевидного блага и неочевидных рисков применения нейротехнологий могут служить набирающие популярность когнитивные тренинги, реализуемые на базе различных специальных программных средств и ориентированные в наибольшей степени на пожилых людей. Такие средства преподносятся как направленные на предотвращение «риgidности» мышления «стареющего мозга» и поддержание его «нормального» функционирования. Распространенное убеждение, что с возрастом в мозгу человека накапливаются многочисленные негативные изменения, приводящие в итоге к замедлению когнитивных функций и снижению адаптивности к окружающей среде, встречает критику со стороны современных открытий в области нейроплатичности – свойства мозга претерпевать трансформации под влиянием жизненного опыта индивида. Предположение о том, что тренировка когнитивных функций будет поддерживать мозг в «рабочем» состоянии до глубокой старости, сегодня находит подтверждения в доводах, согласно которым, профессиональная активность, занятия музыкой, а также подготовка к экзаменам способны служить развитию мозга не только в детском, но также во взрослом и пожилом возрасте [5], [7]. Такие следствия закрепляют взгляд на пожилых людей, как на тех, кто способен достичь высоких когнитивных показателей вне зависимости от своего биологического возраста. Это, в свою очередь, поддерживает высокие социальные ожидания по

отношению к таким людям, и, в конечном итоге, вменяет им в обязанность поддержание своей когнитивной «функциональности». Неспособность добиться высоких показателей в когнитивных тренингах может оцениваться обществом как несостоятельность субъекта, признак его слабоволия, несобранности, лени и иных негативных проявлений личности. Манипулирование общественным мнением на этот счет способно в итоге привести к закреплению биокапиталистического контроля не только над активным трудоспособным населением, но и расширить его на возрастные группы, ранее относительно свободные от такого воздействия. Вопрос, который в связи с этим требует дальнейшей проработки, касается этических рамок, препятствующих распространению биокапиталистического контроля, в том числе, на некоторые возрастные группы. В этой связи актуальность приобретает разработка нейроэтики как самостоятельного направления современных этических исследований.

Литература

1. Абабкова М.Ю., Леонтьева В.Л. Нейрообразование в контексте нейронауки: возможности и технологии // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2018. Т. 13. № 1. С. 451–459.
2. Будущее уже здесь: как в России развиваются нейротехнологии // Skolkovo [Электронный ресурс]. URL: <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2018/10/03/buduschee-uzhe-zdes-kak-v-rossii-razvivayutsya-neyrotehnologii.aspx> (дата обращения: 20.06.2020).
3. Молchanov Н.Н., Муравьева О.С., Галай Н.И. Нейротехнологии: оценка перспектив развития в России // Вестник удмуртского университета. 2019. Т. 29. Вып. 2. С. 142–149.
4. Negri A. Труд множества и ткань биополитики [Электронный ресурс] // POLIT.RU. URL: <https://polit.ru/article/2008/12/03/negri/> (дата обращения: 03.06.2020).
5. Draganski B., May A. Training-induced structural changes in the adult human brain // Behavioural Brain Research. 2008. № 192. P. 137–142.
6. Holman C., De Villers-Sidani E. Indestructible plastic: the neuroscience of the new aging brain [Электронный ресурс] // Critical Neuroscience: The context and implications of human brain research / Frontiers of Human Neurosciences. 2014. Vol. 8. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2014.00219/full> (дата обращения: 03.06.2020).

7. Maguire E., Gadian D., Johnsrude I., et al. Navigation-related structural change in the hippocampi of taxi drivers // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2000. № 97. P. 4398–4403.

М.А. Ковалев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
kovalev_max@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ГИБРИДНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ОБЩИЙ БАЗИС ДЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБЩЕГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-311-90088 «Роль символного подхода
в исследованиях общего искусственного интеллекта»*

Сама по себе идея создания некоего единого подхода к решению задачи по созданию общего искусственного интеллекта поднимается практически с первых дней возникновения самого понятия «искусственный интеллект». Практически сразу же возникли и проблемы в этой области. Примером могут служить попытки и провалы в этой области со стороны таких исследователей как Саймон, Ньюэлл, Минский и т.д. Критика этих подходов, в частности необходимость сведения задач к тем или иным «ad hoc-гипотезам», изложена, например, в известной работе Дрейфуса «Чего не могут вычислительные машины» [3]. О возможных путях создания «верховного алгоритма», объединяющего все подходы и связанных с этим надеждах пишет, например, в своей работе Домингос [2].

Отличительной чертой, которая в то же время, является и основным недостатком большинства попыток объединения различных исследовательских программ является тот факт, что все они преследуют цель не более чем технического объединения.

нения преимуществ отдельных алгоритмов. Таким образом проблема «ad hoc» остается неизменной.

Господствующие сегодня дискуссии вокруг искусственного интеллекта, а также явный приоритет в финансировании исследовательских программ в сторону коннекционистских подходов, а также увлечение прохождением Теста Тьюринга в том или ином виде привели с одной стороны к возникновению явных перекосов и однобокости в поисках путей, которые могли бы привести к созданию общего искусственного интеллекта. С другой стороны, отсутствие общего, и что не маловажно, принимаемого всеми участниками дискуссии видения как целей, а как следствие, и путей решения этой задачи. Выражаясь языком синергетики, сегодня существует проблема выбора и дескрипции «странных аттрактора», той области которая могла бы являться общей точкой притяжения для всех.

Начало обсуждения данного вопроса с моей стороны положено в статье «От гибридных интеллектуальных систем к гибридному интеллекту», опубликованной в журнале «Искусственные общества» [4]. Одной из возможных концепций, среди тех, что могли бы послужить в качестве такого аттрактора, по моему мнению, является концепция гибридного интеллекта.

Идея гибридного интеллекта впервые была предложена В.Ф. Вендой в 1975 году [1] как решение задач по прогнозированию и адаптации человека и окружающей его среды. По моему мнению, в рамках такой идеи представляется возможным объединение всех существующих подходов, таких как символьный, коннекционистский, байесовский, аналогизаторский и эволюционистский [2], а также осуществляемых сегодня исследовательских программ.

Кроме того, подтверждением данного тезиса может служить сама по себе идея постнеклассической рациональности, выдвинутая В.С. Стёпиным в далеком 1987 году [5]. Позднее, в своем докладе на междисциплинарной конференции по философии искусственного интеллекта он указывает на то, что техническая революция сегодня основана на переходе к сложным системам,

выдвинется концепция о том, что искусственное и естественное неразличимы с точки зрения саморазвивающейся системы [6. С. 59–69]. Таким образом, рассматривать возможности решения такой сложной системы как система общего искусственного интеллекта невозможно исключительно путем комбинирования тех или иных технологических подходов или тех или иных алгоритмов.

На мой взгляд, возможные пути решения проблемы лежат в иной плоскости. А именно: в поиске того самого «странныго аттрактора», базисом для которого может послужить идея гибридного интеллекта в формулировке В.Ф. Венды, подкрепленная идеями о сложных саморазвивающихся системах постнеклассической рациональности.

Литература

1. Венда В.Ф. Системы гибридного интеллекта: Эволюция, психология, информатика М.: ЛЕНАНД, 2020.
2. Домингос П. Верховный алгоритм: как машинное обучение изменит наш мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
3. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
4. Ковалев М.А. От гибридных интеллектуальных систем к гибридному интеллекту [Электронный ресурс] // Искусственные общества. 2020. Т. 15. Вып. 2. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800009722-3-1/>
5. Стёpin B.C. Научные революции как точки бифуркации в развитии знания // Научные революции в динамике культуры. Минск, 1987. С. 38–76.
6. Философия искусственного интеллекта. Труды Всероссийской междисциплинарной Конференции, посвященной шестидесятилетию исследований искусственного интеллекта, 17–18 марта 2016 г., Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова / под ред. В.А. Лекторского, Д.И. Дубровского, А.Ю. Алексеева. М.: ИИнтел, 2017.

А.А. Почуев

Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск, Россия)
andrew-pochuev@ya.ru

НЕЙРОТЕХНОЛОГИИ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время, время глобальных перемен, катализируемых технологическим прорывом во всех научных сферах, перед человечеством встал целый ряд вопросов. Эти вопросы затрагивают проблемы гуманности, эффективности, целесообразности и многие другие. Научные сообщества разделяются на противников и сторонников глобальных нововведений, а власти государств принимают сложнейшие решения, которые повлияют не только на их рейтинг доверия, но и на жизнь будущих поколений граждан страны. Например, CRISPR – технология генной модификации – с каждым годом становится популярной темой для обсуждений, а аргументы «за» и «против» звучат ярче и убедительнее. Теоретическое избавление человечества от таких болезней как рак – один из множества аргументов в поддержку технологии. Но существуют опасения, что в будущем это может привести к дизанингу, доступному только богатой прослойке общества, самого человека. Проблема заключается в выборе: решение одной проблемы, но появление другой – спорная альтернатива.

Социальное проектирование становится не только более популярной областью изучения, но и часто используемым инструментом для формирования нового общественного порядка и адаптирования новых технологий, призванных создать более комфортные условия для людей и повысить эффективность системы государственного управления. Только в нашей стране государством составлено множество проектов, регулирующих и изменяющих целевые сферы: «Здравоохранение», «Физкультура и спорт», «Образование», «Доступное жилье» и т.д.

Социальное проектирование – создание проекта, призванного модернизировать или поддержать существующие в изменившейся социальной среде ценности, как материальные, так и духовные, или же создать новые. Объектами социального проектирования являются: человек как часть общества, элементы и подсистемы социальной структуры общества, общественные отношения. Субъектами – личности, социальные группы, проектные группы, т.е. созданные специально для осуществления проектной деятельности, организации, социальные институты и т.д. Социальное проектирование может быть связано и с нейротехнологиями. Ярким примером является пилотный проект CoBrain, принадлежащий российской НТИ «НейроНет», одной из целью которой является создание проектов с использованием нейротехнологий в медицине, образовании и социальном страховании.

Нейротехнологии – это технологии, призванные углубиться в понимание человеческого мозга, а также повысить эффективность его работы. Нейротехнологии могут играть важную роль в бизнесе. Например, на хакатоне NeuroHive 2018 была представлена нейротехнология Dressing/Undressing via CycleGAN, разевающая и одевающая людей. Помимо шуточного контекста, которым и прославилась данная технология, она вполне может быть использована магазинами одежды для примерки покупателями.

Вопросы, поднимаемые научным сообществом, довольно часто касаются сферы нейротехнологий. Популяризация науки повысила интерес к ранее элитарным научным сферам, таким как генетика и астрономия. В этот длинный список входят и нейротехнологии. Одна из причин повышения внимания к некоторым наукам или научным отраслям – их социальная направленность, даже если сами науки в своем фундаменте не являются социально-ориентированными, например, как астрономия.

Процесс цифровой трансформации (цифровизации или диджитализации) неразрывно связан с развитием технологий

Big Data и нейротехнологиями, конкретно – с искусственным интеллектом (AI) и виртуальной реальностью (VR). В узком смысле цифровизация – преобразование информации в цифровую форму, которое ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т.д. В широком – преобразование информации в цифровую форму в большинстве сферах жизнедеятельности человека: медицине, образовании и тд. В нашей стране, отношение к цифровизации не однородно.

29 апреля 2020 г. на сайте юридической компании видного общественного деятеля и популярного Instagram-блогера (почти 900 тыс. подписчиков) Екатерины Гордон «Гордон и сыновья» было опубликовано открытое письмо к президенту России Владимиру Путину против цифровизации образования в РФ. Письмо начинается со слов «От родителей и учителей Российской Федерации», подчеркивая непосредственное участие граждан России в протесте и актуальность проблемы. По мнению Гордон, цифровизация образования неизбежно приведет к «деградации общества, росту преступности, упадку общего уровня культуры и ликвидации как класса учителей, педагогов и думающих людей». Основная цель письма заявлена, как защита российских учащихся и педагогов от «антинародного» проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации».

За проектом «Современная цифровая образовательная среда в РФ» стоит Герман Греф – государственный деятель, бывший глава министерства экономического развития и, в настоящем, президент и председатель правления публичного акционерного общества «Сбербанк» – государственного финансового конгломерата и крупнейшего транснационального банка России.

Гордон в открытом письме заявила, что Греф не обладает должным уровнем профессионализма и мировоззрением, которое, при его руководстве проектом цифровизации приведет к вышеизложенным проблемам.

Реализация приоритетного проекта в области образования «Современная цифровая образовательная среда в РФ» преду-

сматривает ряд ключевых направлений, разработка которых идет параллельно:

- принятие правовых и нормативных актов, направленных на развитие онлайн-обучения. В частности, фиксирующих статус онлайн-курсов как равноправных частей образовательных программ;
- создание информационного ресурса, обеспечивающего доступ к онлайн-курсам по принципу «одного окна» и объединяющего целый ряд уже существующих платформ онлайн-обучения благодаря единой системе аутентификации пользователей;
- создание к 2020 году 3,5 тысяч онлайн-курсов по программам среднего, высшего и дополнительного образования с привлечением ведущих разработчиков, как из государственных структур, так и бизнес-сообщества;
- формирование системы экспертной и пользовательской оценки качества содержания онлайн-курсов;
- создание десяти Региональных центров компетенций в области онлайн-обучения;
- подготовка и обучение не менее 10 000 преподавателей и экспертов в области онлайн-обучения.

Основной причиной конфликта не только между Гордон и Грефом, но и между учеными является, в первую очередь, разное понимание сущности цифровизации. Множество педагогов боятся полного перехода на цифровое образование, несмотря на основные цели проекта, в котором говорится о цифровизации как лишь о дополнении к существующей системе. Взгляды Грефа на проблему несоответствия современной системы действительности и желании изменить ее фундаментально пугают многих специалистов в области образования, но сам проект цифровизации не уничтожит существующую систему, а улучшит ее и модернизирует.

Проект цифровизации российского образования – создание законодательной базы и онлайн-платформ для дистанционного обучения – лишь начальная стадия. Ориентируясь на опыт

Соединенных Штатов, можно предположить, что российская цифровизация так же пойдет по пути внедрения нейротехнологий, включая VR и AI, в онлайн-платформы для повышения эффективности работы системы образования.

Таким образом, российское общество не однородно относится к цифровизации образования и расширению использования нейротехнологий, в следствии отсутствия четких представлений об этих процессах. Но можно наблюдать положительные сдвиги в развитии этих сфер, в виде расширения государственной поддержки и увеличения количества государственных и частных инициатив: создание проектов, организация конференций, проведение хакатонов в сфере нейротехнологий.

Л.Б. Сандакова

Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск, Россия)
l.sandakova@mail.ru

НЕЙРОТЕХНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ СРЕДЫ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды
на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях»*

Понятие лингвокультурная среда фиксирует связь языка, культуры и мышления. Признание такой связи является ключевым для лингвокультурологии. В этом междисциплинарном исследовательском поле объединяют свои усилия специалисты различных научных областей, причем не только гуманистического профиля. Не удивительно, что возникают методологические сложности, которые, несмотря на долгую уже традицию исследования языковых картин мира, лингвокультурных концептов и особенностей национального характера и менталитета, обусловливают дискуссии о научной состоятельности лингвокультурологии. В первую очередь, по оценке,

например, С.Г. Воркачева, подвергаются критике ключевые установки лингвокультурологии, связанные с терминами «языковая картина мира» и «национальный характер/этнический менталитет» [3]. Критики указывают на метафоричность первого и мифологический характер второго понятия, подчеркивая отсутствие определенного предмета исследования в лингвокультурологии. Не отрицая наличия методологических проблем в дисциплинарной онтологии лингвокультурологии, необходимо указать, что сегодня мы имеем не только умозрительные основания для утверждения реальности предметного поля лингвокультурологии, но и эмпирические подтверждения различия лингвокультурных сред. Нейротехнологии, привнесшие в научные исследования человеческих форм деятельности, новые эмпирические данные и, соответственно, новые проблемы и возможности, заняли прочное место в связке когнитивных наук, включающей экспериментальную психологию, нейронауки, лингвистику, философию сознания, компьютерные науки и культурную антропологию [6]. В данной работе рассматривается опыт использования технологий нейровизуализации в исследованиях лингвокультурной специфики среды.

Исследования, проведенные в предметном поле «когнитивного шестиугольника» [5] не просто обнаруживают тесную связь между языком, культурой и мышлением человека, но и фиксируют устойчивые корреляции этих связей и интересные для понимания лингвокультурной среды факты. Так в работах, объединенных под термином «культурная нейронаука», обнаружена и доказана нейропластичность мозга [5]. В контексте лингвокультурологии это означает, что структурные и функциональные перестройки в коре головного мозга человека связаны с процессами социокультурной адаптации, т.е. освоением культурных форм жизнедеятельности, которые всегда опосредованы языком. Эксперименты показали, что культура задает характер видения и понимания информации, поступающей в мозг. Сам процесс вычленения некоторой области действительности как предметной уже оказывается культурно обусловлен.

У представителей разных культур активизируются различные участки мозга: «у европейцев это преимущественно затылочно-височные отделы коры мозга, ответственные за выделение отдельных объектов, а у представителей Восточной Азии – так называемая парагиппокампальная извилина (*gyrus parahippocampalis*), которая прежде всего обрабатывает контекст, фон, на котором находится объект. У восточных народов нейронные сети более активны в районах мозга, отвечающих за взаимодействие с другими носителями сознания и эмоциональной сферой, а у западных – в районах мозга, которые осуществляют функции самоописания и процессуальной эмоциональной реакции, относящейся к продолжающейся социальной деятельности» [1. С. 140–141].

В когнитивном направлении нейролингвистики было обнаружено существенное различие в характере восприятия информации у представителей культур с фонологическим (для записи речи используются буквы) и логографическим (для записи используются иероглифы, непосредственно не связанные со звучанием речи) языками [4]. Интересными для лингвокультурологии оказались и некоторые результаты изучения особенностей мышления и познавательной деятельности у носителей двух и более языков: обнаруживается сложная многоаспектная связь социокультурных условий, субъективных установок и языковой деятельности [2]. В современном поликультурном пространстве глобализирующегося мира выявленная в исследованиях социальная и лингвистическая вариативность билингвизма, позволяет говорить о специфике лингвокультурных сред различных коммуникативных сообществ и социальных страт [2].

В целом, можно сделать вывод, что использование нейротехнологий в изучении лингвокультурной специфики среды открывает новые возможности для расширения эмпирической базы, но о концептуальных прорывах в лингвокультурологии, об изменении парадигмальных установок в этом предметном поле говорить пока не приходится.

Литература

1. Бажанов В.А. Современная культурная нейронаука и природа субъекта познания: логико-эпистемологические измерения// Epistemology & Philosophy of Science. 2015. Т. XLV. № 3. С 133–149.
2. Башкова И.С., Овчинникова И.Г. Нейропсихологическая характеристика билингвизма [Электронный ресурс] // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyropsihologicheskaya-harakteristika-bilingvizma> (дата обращения: 23.07.2020).
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 12–20.
4. Савостьянов А.Н., Пальчунов Д.Е. Когнитивные исследования и нейролингвистика: Современное состояние и перспективы дальнейших исследований // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 133–140.
5. Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4–18.
6. Miller G.A. The cognitive revolution: A historical perspective. Trends in Cognitive Sciences, 2003. Vol. 7. № 3. P. 141–144.

Н.А. Синюкова

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
sinuknat@gmail.com

«ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ» В МЕДИЦИНЕ: К ВОПРОСУ О ГРАНИЦЕ НОРМЫ ЧЕЛОВЕКА

Внедрение в социальную практику умных технологий способствовало возникновению рисков, связанных с изменением идентичности человека, его отношения к самому себе. Человек столкнулся с угрозой подмены самого себя умными технологиями, отказа от себя как субъекта мысли и действия и, соответственно, с вызовом самоопределения, необходимостью переопределения своего места в новом высокотехнологичном мире. В этой связи в научных сообществах происходит переосмысление образа человека, границ человека (человеческого).

А также и унаследованных от эпохи Просвещения способов и условиях познания человека.

Развитие новых медицинских технологий, их стремительное внедрение в жизнь современного человека и общества способствовало «размытию», изменению границы нормы и патологии человека. Принципиально изменились возможности медицины управлять течением тяжелейших форм патологий в пограничных случаях длительных и хронических заболеваний, а также повышать качество жизни человека как больного, так и здорового. В этой связи современный человек оказывается в условиях подвижности, эластичности границ нормы и патологии. В следствии радикальных техно-медицинских вмешательств граница нормы и патологии, естественного и искусственного в пограничных случаях болезни перестает быть привычной, принятой, понятной в обыденном сознании человека. Проявляется разрыв между тем, что принято считать границей нормы человека в техно-научной медицине и тем, как понимается данная граница в повседневной жизни людей.

В техно-научной медицине человек оказывается перед выбором границ собственной нормы. Причем он вынужден принимать решение о мере медицинских воздействий по восстановлению в границах нормы и брать на себя ответственность за его последствия. Подобного рода ответственность не может быть в полной мере детерминирована профессиональными медицинскими знаниями и научными прогнозами. Не существует и универсальной, априорной шкалы ценностей, фиксирующей рассматриваемую границу. Она создается каждым человеком индивидуально в процессе мышления, выстраивающем разные шкалы понимания. Поэтому в медицинской практике появляется «активный пациент», обладающий правом на самоопределение и разделяющий ответственность с врачом за последствия медицинских воздействий [3. С. 110–111]. Постепенно происходит вытеснение традиционных типов взаимодействия врача и больного, переход к партнерской модели, предполагающей внедрение новых институциональных практик оценки границ нормы

человека на основе стратегий солидарности – этической и гуманитарной экспертизы медицинских случаев.

Этическая экспертиза медицинских случаев зародилась в США и ее внедрение в клиническую медицину тесно связано с пост-секулярными и либеральными тенденциями развития североамериканского общества второй половины XX века. Она формировалась как практика достижения консенсуса в отношении оценки допустимых границ медицинских манипуляций, согласования различных и противоречивых позиций всех участников конкретного случая болезни. Ее цель связывалась с защитой больного в реализации его собственной позиции в оценке границ своей нормы в сложившихся социокультурных условиях отсутствия единого духовно-нравственного центра. Практики этической экспертизы, как утверждается в исследованиях, «центрированы» вокруг человека [2. С. 47–49] и его неотчуждаемого права на самоопределение.

В рамках американской традиции развития практик этической экспертизы были предприняты попытки «канонизации» или создания стандартов, обеспечивающих рамки практик этической экспертизы посредством рационализации моральных суждений. Допускалось, что морально корректный выбор обусловлен операционализированными нормами и образцами поведения. В этой связи предпринимались попытки разработки универсальных принципов и стандартов этической экспертизы медицинских случаев. По оценкам специалистов данные поиски не привели и не могли привести к заявленным ожиданиям разработки таких нормативных ориентиров, которые могли бы выступать в качестве единой и однозначной «точки отсчета» в оценке нормы человека в пограничных случаях болезней [1. Р. 151–152]. Важно, что развиваясь по «сценарию», ориентированному на результат экспертизы и доминирующую роль экспертных и профессиональных знаний, во многих западных странах в практиках этической экспертизы наметился существенный крен в сторону ее нормирования, формализации, а в итоге бюрократизации. В этой связи сегодня во многих исследо-

ваниях отмечается, что этическая экспертиза развивается сугубо как новая сфера услуг, индустрия по управлению технологическими рисками и организационными проблемами медицинских учреждений. И поэтому она не соответствует своей изначальной цели – защиты больного в обеспечении его свободного самоопределения.

Преодоление «дефектов» в развитии этической экспертизы медицинских случаев представляется возможным через расширение гуманитарных оснований этической экспертизы, переходом к гуманитарной экспертизе, предполагающей отход от стандартизированной, фиксируемой нормы человека, переопределением границ нормы на принципах коммуникативной рационализации. Практики гуманитарной экспертизы связаны с формированием не просто совместного, но принципиально нового видения на медицинский случай, в котором востребуется экзистенциальное усилие каждого участника обсуждения, включающиеся процессы его личностной трансформации. Гуманитарная экспертиза ориентирована не столько на результат обсуждения, сколько на сам его процесс [4. С. 131]. В рамках гуманитарной экспертизы речь идет о разворачивании своеобразной двойной герменевтики, когда с одной стороны участники в оценке пограничных случаев болезни рефлексируют на свою позицию профессионалов, погруженных в конкретный медицинский случай, а с другой – на позицию обыденного наблюдателей, руководствующихся своей личной системой ценностей. Благодаря формированию «двойного сознания» каждый участник обсуждения приобретает возможность и способность к изменению своей точки зрения, запуская предпосылки к разворачиванию внутренней трансформации, необходимой для проявления новой смысловой перспективы в оценке пограничных случаев болезни. При этом наиболее важно, что сам больной человек, участвующий в гуманитарной экспертизе на институциональной основе в таком контексте приобретает не просто право на самоопределение, но опыт рефлексивности, опосредующий процесс самоопределения, вступления в субъектную позицию, а

тем самым обретает возможность включиться в процесс управления своей нормой на новой основе, стать не больным, но выздоравливающим.

Литература

1. Engelhardt T. Why clinical bioethics so rarely gives morally normative guidance // Bioethics critically reconsidered / Ed. Engelhardt T. Springer Netherlands. 2012. P. 151–176.
2. Fahr U. Die diskursetische Grundlage der Ethikberatung // Klinische Ethikberatung / Hrgs. F. Steger. Münster: Menster Verlag, Gmbh. 2013. S. 45–63.
3. Тищенко П.Д. Феномен биоэтики // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 104–113.
4. Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 126–135.

Г.А. Тимошенко, М.Ю. Мазнева

Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск, Россия)
merl05@mail.ru

ЭТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИЗБЫТОЧНОСТИ ПСИХОДИАГНОСТИКИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 17-29-02053 «Регулятивные возможности нейроэтики
в предупреждении дискриминации личности»*

Общеизвестно, что практическая психодиагностика – это весьма ответственная область профессиональной деятельности психологов. Она требует не просто наличия у специалиста психологического образования, но и профессионального мастерства и определенных квалификационных компетенций.

Любое исследование личности, по мнению T.Ward, подчиняется определенным правилам и нормам [6]. Нормы, которые должны обязательно учитываться при проведении психодиагностического обследования – это прежде всего этические нормы, которые направлены на то, чтобы практика осуществлялась теми методами и в тех количественных показателях, которые прино-

сили бы пользу и не могли бы навредить испытуемым [2]. В пенитенциарной системе психодиагностика используется как метод изучения личности подозреваемых, обвиняемых и осужденных, поступающих в места лишения или ограничения их свободы. Психодиагностика в работе психолога исправительного учреждения (далее, ИУ) занимает одно из центральных направлений его деятельности и порой рассматривается как основная миссия психолога. Проведение психодиагностических процедур в системе ФСИН России регламентируются ведомственными указаниями.

Профессиональная этика пенитенциарного психолога предусматривает, что исследователь при проведении психодиагностики в ИУ (колонии, следственные изоляторы) будет уважать человеческое достоинство и учитывать право добровольного участия в психологических мероприятиях. По мнению Appelbaum, психологи – исследователи сосредотачивают свое внимание на вопросах подбора участников и преодолении психологических барьеров, возникающих на пути исследований в пенитенциарных учреждениях закрытого типа, а не на системном решении этических вопросов, стоящих перед каждым исследователем в этой области психологической науки [2].

Психолог пенитенциарной системы оказывается в ситуации дileммы: с одной стороны, условием его работы с клиентом являются доверительные отношения, открывающие возможность работать с комплексом внутренних проблем личности, с другой, наблюдается в некотором роде, принудительный характер психологического сопровождения, что превращает его работу в дисциплинарную меру и ставит психолога в один ряд с профессионалами, применяющими такие меры. Полагаем, что важным инструментом для верного выхода из замкнутого круга является пристальное внимание к этическим правилам, по которым должно выстраиваться взаимодействие психолога и осужденного. Нами исследованы роль и положительное влияние применения этических принципов и правил информированного

добровольного согласия (далее – ИДС) на эффективность взаимодействия пенитенциарного психолога и осужденного в ИУ. Внедрение ИДС показало, что уважение к личности и качественное информирование о работе психолога повышает качество психологической помощи [4].

В практической деятельности психологов ИУ отмечается избыточность проведения психодиагностических мероприятий с осужденными. Об этом говорят сами практикующие психологи и обследуемые (осужденные). В научной литературе отсутствуют публикации на эту тему. Нет оценки этической и практической целесообразности применения такого количества психоdiagностических процедур к одному лицу. С одним и тем же осужденным, прибывшим в карантинное отделение ИУ, и прошедшего углубленное психоdiagностическое обследование, в течение полугода может быть организована дополнительная исследовательская работа в случае обнаружения различного рода склонности к деструктивному поведению, а также тестирование при подготовке ходатайства на условно-досрочное освобождение. Осужденные, состоящие на профилактических учетах (склонные к суициду, к побегу и т.д.), тестируются через каждые 6 месяцев. При проведении психоdiagностических процедур имеют место систематические нарушения добровольности участия в обследовании и, в целом, нарушение «этического равновесия» проведения обследований осужденных в пенитенциарных учреждениях [2].

Необходимо отметить, что набор психоdiagностического инструментария в процессе многократного исследования личности существенно не отличается. Доминирование инструментально ориентированной диагностики смещает диагностическое мышление в плоскость описания и использования методик. Психоdiagност превращается в пользователя привычной для себя методики или нескольких субъективно предпочтаемых тестов [3].

Человек, находящийся в местах лишения свободы, нуждается более всего в живом общении с психологом, нежели в

формальном сборе самоотчетов своего психологического состояния. При диагностике слишком много внимания уделяется патологическим реакциям клиента и недостаточен интерес к здоровым и творческим аспектам его жизни [1].

Литература

1. Ардашкин И.Б., Дубинина И.А. Психодиагностика: Учебное пособие. Томск: Изд. ТПУ, 2001.
2. Дебольский М.Г., Зеленина М.М. Основные этические проблемы психологических исследований в исправительных учреждениях [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. Т. 4. № 2. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53523.shtml (дата обращения: 01.09.2020).
3. Посохова С.Т. Современная психологическая диагностика: проблемы теории и этики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Вып. 3. 2010. С. 7–17.
4. Тимошенко Г.А. Эмпирическое исследование практики информированного согласия в психологическом сопровождении осужденных без изоляции от общества // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты: сб. мат-лов международ. научно-практ. конф. (Новосибирск, 23 мая 2019 г.). Новосибирск; Новокузнецк, 2019. С. 145–150.
5. Appelbaum K.L. Correctional mental health research: Opportunities and Barriers // Journal of Correctional Health Care. 2008. № 14. P. 269–277.
6. Ward T. Ethical issues in forensic and correctional research// Aggression and Violent Behavior. 2010. № 15. P. 399–409.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

И.А. Гущин

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
cfuffy@mail.ru

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА МАТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-011-00301*

В современной философии математики существует множество различных подходов к основаниям математики [2], традиционно относимые к одному из двух противоположных полюсов: реализму или антиреализму. Первый подход чаще всего принимает вид платонизма, а второй – конструктивизма (хотя возможны версии этих подходов не сводящиеся к платонизму или конструктивизму) [3]. Основным вопросом, в ответе на который расходятся сторонники реализма и антиреализма является вопрос о том, что изучает математика. Реалисты полагают, что она изучает объективную реальность (ее математическую часть), антиреалисты настаивают на том, что математика изучает собственные построения. Иными словами, краеугольным камнем разногласий между реализмом и антиреализмом является проблема онтологического статуса математических объектов: являются ли они чем-то, что реально существует в мире и, следовательно, должно быть изучено математикой, или математические объекты – это человеческие конструкты, создаваемые исследователями намеренно для обеспечения работы определенных математических инструментов или возникающими «в нагрузку» к таким инструментам.

Несмотря на очевидные противоречия между реализмом и антиреализмом, во многом эти подходы схожи: они предполагают, что целью математического исследования является знание о каких-то математических фактах, будь оно результатом открытия (в концепции реализма) или же результатом построения (в концепции антиреализма) [1]. В силу научности математических исследований получаемое знание должно как минимум претендовать на общезначимость (а лучше быть общезначимым), быть достоверным и обоснованным, а достигаются эти цели через процедуру доказательства.

Таким образом, доказательство оказывается универсальной процедурой для принципиально расходящихся в вопросе философских оснований математики подходов. Это позволяет поставить вопрос о том, зависят ли друг от друга процедура доказательства и онтологические обязательства в отношении математических объектов. Если ответ на этот вопрос отрицательный, то доказательство оказывается исключительно технической процедурой, которая не зависит от объектов, знание о которых она делает общезначимым, обоснованным и достоверным. Если ответ положительный, то доказательство рассматривается уже не просто как техническая процедура, а как процедура, влияющая на онтологический статус математических объектов и зависящая от этого статуса. Также возможны и другие, промежуточные версии ответа на этот вопрос (например, признание частичной или односторонней зависимости), но для всех них верно одно – последствия от принятия того или иного ответа могут иметь серьезное значение для построения доказательств в рамках математических исследований. Такие параметры как доступный при доказательстве арсенал технических приемов, требования к строгости и содержательности доказательства, степень достижимого через доказательство уровня общезначимости, обоснованности и достоверности знания оказываются разными в зависимости от ответа на вопрос о взаимосвязи доказательства и онтологического статуса математических объектов. Иными словами, исследование этой проблемы является как минимум прагматически интересным.

Однако к нему возникают некоторые возражения. Одно из наиболее значительных возражений – методологическое.

У него можно выделить два аспекта. Первый аспект основывается на том, что вопрос об онтологическом статусе математических объектов является вопросом онтологии/метафизики, в то время как вопрос о доказательстве – вопросом эпистемологии. Смешение этих областей философского знания зачастую кажется бессмысленным из-за принципиальной несвязанности конкретных проблем онтологии с конкретными проблемами эпистемологии: вопросы о том, что есть, слишком отличны от вопросов о том, как мы познаем то, что есть. Соответственно, постановка проблемы взаимозависимости построения доказательства и онтологического статуса математических объектов не выглядит осмысленной.

Описанный аспект методологического возражения является серьезным препятствием перед постановкой этой проблемы, однако нельзя сказать, что невозможно обнаружить контрприимеры для него. Так, одним из таких контрпримеров является представление о доказательстве в рамках позиции конструктивизма: оно является значительно более строгим, чем классическое представление о доказательстве. Это связано с отличным от классического представлением об онтологическом статусе математических объектов в рамках конструктивизма – этих объектов нет, пока их наличие не доказано. Таким образом, в конструктивизме доказательство оказывается одновременно и эпистемологической, и онтологической процедурой.

Другой аспект методологического возражения заключается в том, что даже если допустимо сводить друг с другом онтологические и эпистемологические вопросы, то у нас отсутствуют средства для строгого адекватного анализа онтологических и эпистемологических контекстов одновременно. В отношении этого аспекта методологического возражения у автора на данный момент нет подходящего ответа. Однако наличие таких инструментов как формула Баркан, позволяющая переводить de re в de dicto, и большого разнообразия высокопорядковых

систем позволяют автору выражать некоторый оптимизм относительно будущего ответа на данное возражение.

В качестве заключения следует отметить, что представленное возражение не умаляет прагматического интереса к исследованию проблемы взаимозависимости построения доказательства и онтологического статуса математических объектов.

Литература

1. Ламберов Л.Д. Понимание доказательства и простота оснований: набросок методологии для философии математики // Философия науки. 2019. № 4 (83). С. 66–79.
2. Целищев В.В. Философия математики. Новосибирск: Наука, 2002.
3. Hellman G. Mathematics without Numbers: Towards a Modal-Structural Interpretation. Oxford: Clarendon Press, 1994.

А.В. Думов

Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)
avdumov@inbox.ru

АБСТРАКЦИИ ОСУЩЕСТВИМОСТИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Исследования в области искусственного интеллекта представляют собой одну из наиболее активно развивающихся междисциплинарных областей современной науки. Несмотря на то, что тематика ИИ широко освещается в специальной и научно-популярной литературе, а также является одной из острых тем современной социальной мысли, ответ на вопрос о том, что же кроется за понятием «искусственный интеллект» является отнюдь не очевидным при ближайшем рассмотрении. Однако, в качестве основания для дальнейшего рассмотрения необходимо выделить возможные направления экспликации содержания данного понятия. В частности, ИИ может пониматься как направление, интегрирующий принцип и конечная цель специализированных междисциплинарных исследований [1. С. 52–53].

В контексте обсуждения практической реализации результатов моделирования ИИ в виде технологий наибольший интерес представляет понимание ИИ как исследовательской цели. При таком рассмотрении присутствует определенная семантическая неоднозначность. Двойственность ИИ как цели научного поиска подчеркивается Р. Пенроузом: с одной стороны, речь идет о стремлении к максимальному увеличению возможностей имитации когнитивной активности человека, с другой – о выработке способов увеличения возможностей человеческого разума посредством применения полученных знаний о нем [2. С. 53]. Наконец, предельное значение данных направлений исследования состоит в выявлении сущности интеллекта как такового.

Понимание ИИ как цели исследования закономерно сопряжено с вопросом осуществимости. Проблематика осуществимости «наследуется» сферой ИИ от кибернетики, в которой связанные вопросы впервые обсуждались начиная с работ Н. Винера как в качестве философских проблем кибернетики, так и в виде вопросов разработки и применения ее математических средств. В обсуждении возможности (осуществимости) ИИ актуальность сохраняет замечание Ю. А. Петрова о том, что прежде всего необходимо уточнение содержания понятий возможности и осуществимости соответственно [3. С. 6]. В этой связи необходимо учитывать существующие различия между потенциальной, абсолютной и фактической осуществимостью. Исследования содержания утверждений об осуществимости ИИ имеют значение для понимания эпистемологической специфики сферы изучения ИИ, а также для установления онтологического содержания понятия искусственного интеллекта.

Зачастую обсуждение ИИ и перспектив его создания определяется именно абстракцией абсолютной осуществимости. Такое понимание осуществимости предполагает отвлечение как от наличных возможностей осуществления объекта, так и от существования эффективного способа его воплощения [3. С. 36]. Признание того, что нечто осуществимо, является следствием возможности непротиворечиво мыслить и определять это в

данном контексте рассуждений. Очевидно, что сам ИИ при этом представляет собой сильную абстракцию. Построение рассуждения об ИИ подобным образом характерно для оклонаучных спекуляций и футурологической прогностики. Ими предполагается создание устройства, функциональные характеристики которого позволяют заключить о полноценном воспроизведении всех возможностей человеческого мозга. Подобным рассуждениям, в то же время, не свойственно определение границ множества «всех возможностей» мозга человека: предполагаемое совершенствование такого ИИ и достижение его превосходства над человеческим разумом говорит о том, что эти возможности понимаются как неограниченные. Игнорируются и проблемы значения отелесненности человеческого разума: когнитивные возможности человека, обобщаемые в понятии интеллекта, рассматриваются вне того, в чем они естественным образом реализуются.

Абстракцией потенциальной осуществимости полагается дискретность процессов построения объекта и наличие соответствующих операций осуществления, независимость рассматриваемого осуществления данных процессов от материальных условий для их реализации [3. С. 14]. Она используется в рассуждениях о развитии конкретных технологий ИИ. Так, решение задачи по повышению точности распознавания образов может быть представлено как поэтапная реализация методов машинного обучения. Акцент делается на методологических средствах для реализации поставленной цели, от материальных условий, необходимых для выполнения шагов реализации, отвлекаются, т.е. они предполагаются выполненными. Абстракция фактической осуществимости предполагает дискретное представление осуществления с учетом используемых методов, но учитывает границы возможностей [3. С. 55]. Например, невозможным на настоящий момент шагом было бы создание системы с ИИ, обладающей креативными способностями на человеческом уровне. Отсутствие ресурсов (удовлетворительной совокупности знаний о природе креативности) влечет за собой методологическую недостаточность, что обуславливает фактическую неосуществимость при данных условиях.

Рассмотрение типов абстракций, применяемых в рассуждениях об ИИ, позволяют сделать вывод о существовании двух способов онтологического представления ИИ – спекулятивно-метафизического, в рамках которого ИИ представляется как некий данный в своей целокупности структурно-функциональный комплекс, и аналитического, основанного на исследовании когнитивной активности человека и поэтапном применении полученных знаний в совершенствовании технических систем. Сторонниками первого подхода ИИ представляется в качестве некоего завершенного образа, тогда как второй подход не подразумевает данности образа ИИ – он формируется в ходе развития практики исследований и воплощается в действительности технологического развития.

Литература

1. Философские и прикладные вопросы методологии искусственного интеллекта. М.: Машиностроение, 2009.
2. Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2020.
3. Петров Ю.А. Логические проблемы абстракций бесконечности и осущестимости. М.: Наука, 1967.

А.С. Зайкова

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
zaykova.a.s@gmail.com

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ

Среди англоязычной философии последних лет можно заметить особый интерес к восприятию и сознанию времени. С одной стороны, это непрекращающаяся дискуссия между презентизмом – убеждением, что реально лишь настоящее, – и этернализмом – предположением, что все модусы времени одинаково реальны. Другая дискуссия ведется вокруг связи грамматического времени с реальным или же с воспринимаемым временем.

Еще одна дискуссия касается темпоральной структуры сознания и, в частности, реальности существования «какущегося» настоящего. И, наконец, до сих пор не прекращаются споры – как правило, в контексте обсуждения теории МакТаггарт о двух сериях времени [3] – о том, является ли наш опыт времени реальным или же просто особенностью нашей психики.

При этом неизменно обращение не только к феноменологии времени, но и к аналитической философии, и к натурализму, и даже к фундаментальным физическим законам. Как полагают Дж. Торренго и Р. Чуни, «с одной стороны метафизическое утверждение о том, что определенная времененная особенность нашего опыта не является подлинной чертой реальности, требует психологического обоснования того, почему мы обычно склонны думать об этом как о части реальности; а с другой стороны, объяснения нашего опыта временной реальности зависят от того, что мы воспринимаем как временную реальность. Таким образом, кажется, что ответ на вопрос о том, что такое время, и ответ на вопрос о том, как работает наш временной опыт, зависят друг от друга» [10].

Как пишет В.И. Молчанов, «временность сознания – лейтмотив феноменологии, и Гуссерль подчеркивает это и в своих ранних, и в своих поздних работах» [4. С. 144]. Гуссерль последовательно анализирует все возможные аспекты темпорального сознания и темпорального восприятия: так, в книге «Феноменология внутреннего сознания времени» он различает длительность ощущений и ощущение длительности, последовательность ощущений и ощущение последовательности [1]. Он исследует имманентные временные объекты и их модусы явления, ретенцию и репродукцию, воспоминание и схватывание. Несмотря на глубочайший феноменологический анализ сознания времени, предложенный Гуссерлем, который и по сей день является одним из лучших в аналитической феноменологии, его исследование сопровождают две неизменные ошибки: во-первых, игнорирование психофизической стороны процесса, и, во-вторых, пренебрежение логическим анализом полученных результатов, равно как и прагматическим анализом временных форм в языке.

Более подробный логический анализ темпоральных аспектов и их соотношений можно обнаружить у Б. Рассела в работе «Эссе об опыте времени» [5], где он, в частности, описывает опыт временных отношений «прежде и после», и в работе «Проблемы философии» [6], где он отмечает наше знакомство с темпоральными отношениями. К сожалению, несмотря на интригующий подход к анализу темпоральности сознания и попытку сохранить точность понятий и строгость выводов, Рассел в своем «Эссе об опыте времени» при анализе времени рассматривает только опыт, получаемый из ощущений, и игнорирует ментальный опыт. Подобное игнорирование, а также отрицание опыта будущего и ограниченность исследования временных отношений делает работу Рассела, оригинальную методологически, чрезмерно поверхностной.

В настоящее время анализ темпоральных аспектов использует как данные феноменологии, так и естественнонаучные данные, а также логический анализ. Так, в первую очередь мы должны вспомнить труды Ф. Варелы [11], который отстаивал нейрофеноменологический подход как основной источник знания о сознании. Еще одним популярным направлением, комбинирующим идеи феноменологии и натурализма, является энактивизм, сторонниками которого выступают Э. Рош, Э. Томпсон [12], а также Е.Н. Князева [2]. Эти направления, безусловно, затрагивают темпоральные отношения как неизменную структуру сознания, а также отстаивают взаимосвязь реального времени и имманентного сознанию времени. По словам Матураны, «все биологические процессы протекают как циклическая рекурсивная динамика, через которую живые системы возникают как исторические сингулярности» [9. Р. 92]. Иной подход, тоже имеющий немало сторонников, предложил Дж. Фодор в книге «Модульность психики» [8]. Центральной идеей такого подхода является утверждение о том, что все психические процессы (включая и восприятие времени) делятся на отдельные модули, которые при определенном взаимодействии и продуцируют психические явления.

Аналитическая феноменология времени давно вышла за пределы, очерченные Гуссерлем. Сейчас она не исключает, а, наоборот, поощряет и логические исследования, и включение естественно-научных данных. При этом феноменология как взгляд от первого лица по-прежнему выступает начальной точкой для построения аналитических теорий и проведения естественно-научных экспериментов, а также той точкой, из которой можно оценить правильность сделанных выводов. Время, как неизменный спутник сознания, его предмет и вместе с тем его вместилище, обладает особым статусом как внутри феноменологии, так и внутри аналитической философии.

Литература

1. Гуссерль Э. Собрание сочинений. М.: РИГ «ЛОГОС», 1994. Т. I. Феноменология внутреннего сознания времени.
2. Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 91–104.
3. Мактагgart Дж.Э. Нереальность Времени / пер. и вступ. статья Ю.Н. Олейник [Электронный ресурс] // Vox. Философский журнал. 2019. № 26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nerealnost-vremeni> (дата обращения: 03.08.2020).
4. Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. Моногр. М.: Высш. шк., 1998.
5. Рассел Б. Об опыте времени // Логос. 2004. № 5 (44). С. 29–44.
6. Рассел Б. Философия логического атомизма. // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / пер. с англ., нем.; отв. ред. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.
7. Barrett H.C., Kurzban R. Modularity in cognition: framing the debate // Psychological review. 2006. Vol. 113. № 3. P. 628–647.
8. Fodor, J.A. Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1983.
9. Maturana H.R. Self-consciousness: How? When? Where? // Constructivist Foundations. 2006. Vol. 1. № 3. P. 91–102.
10. Torreng G., Ciuni R. Introduction: Time and Time Experience // Topoi. 2015. № 34. P. 133–136.
11. Varela F.J. Neurophenomenology: A Methodological Remedy for the Hard Problem // Journal of Consciousness Studies. 1996. Vol. 3. № 4. P. 330–349.

12. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. Cambridge (MA): The MIT Press, 1991. (7th printing 1999).

О.А. Козырева

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
olgakozyreva@mail.ru

КРИТИКА ИНТЕРНАЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МЕНТАЛЬНОГО И ПРОБЛЕМА ЗНАНИЯ О СЕБЕ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-311-00324 «Проблема приватности в контексте
взаимоотношения аналитической и постструктураллистской философии»*

Интерналистскую концепцию ментального можно резюмировать в трех следующих положениях: а) ментальные состояния не обладают независимым от агента – носителя этих состояний – существованием; б) способ, каким агент приобретает знание о своих ментальных состояниях (знание о себе), отличается от способа, каким агент приобретает знание о ментальных состояниях других агентов; в) как ментальные состояния агента, так и его знание о них прозрачно для него самого. Такое представление о ментальном зачастую именуется картезианским вследствие глубоко укоренившегося в аналитической философии убеждения о том, что именно на Р. Декарте лежит ответственность за наделение ментального характеристикаами приватности и интериорности.

Из множества вариантов критики интерналистской (картезианской) концепции ментального особый интерес представляет подход Т. Уильямсона. Этот интерес вызван, прежде всего, тем, что реализуемая им критика является не столько эксплицитной критикой интерналистской концепции, сколько критикой традиционного представления о понятии знания, которое эта концепция, по его мнению, предполагает. Следующий за такой

критикой пересмотр содержания понятия знания имеет важные следствия для проблемы знания о себе, т.е. проблемы объяснения особого характера знания, которым обладает агент в отношении своих ментальных состояний.

Объектом критики Т. Уильямсона выступает классическое представление о знании как о состоянии из двух различных компонентов – ментальном (убеждение агента в том, что P) и нементальном (истинность P , обоснованность P) [4. Р. 533] – вследствие чего оно не может рассматриваться как подлинно ментальное состояние. В рамках такого представления а) понятие знание признается понятием сложного состояния, анализ которого возможен посредством анализа более базовых понятий; б) «концептуальный приоритет» остается за понятием убеждения, а понятие знания оказывается подчиненным ему; в) свойство убеждения «быть ментальным» описывается как свойство «быть внутренним». Цель Т. Уильямсона состоит в том, чтобы доказать, что знание – это неанализируемое понятие, которое обладает «концептуальным приоритетом» и представляет собой самую общую фактивную пропозициональную установку (т.е. такую пропозициональную установку, в которой агент может находиться только по отношению к истинной пропозиции: если S знает, что P , то P) [5. Р. 21–41].

В контексте проблемы знания о себе критика Т. Уильямсона сосредотачивается вокруг идеи наличия у агента эпистемического доступа к своим ментальным состояниям и КК-принципа (если S знает, что P , то S знает, что он знает, что P). Наличие у агента эпистемического доступа ко своему ментальному состоянию возможно тогда, когда ментальное состояние удовлетворяет условию «светимости» (luminosity): «Для каждого случая α верно, что если в α имеет место [условие] C , то субъект в состоянии знать о том, что C имеет место» [3. Р. 95]. Иными словами, ментальные состояния агента таковы, что они являются «светящимися», и эта их «светимость» дает возможность агенту «увидеть» их наличие у себя и, соответственно, приобрести о них знание. Т. Уильямсон предлагает аргумент против

«светимости» с целью продемонстрировать, что «светимость» не является сущностным свойством ментального, как то утверждается в интерналистской концепции [5. Р. 96–98]. В случае успешной демонстрации будет устранено одно из препятствий для признания знания ментальным состоянием, а именно: если ментальное состояние – это такое состояние, о котором агент всегда в состоянии знать, находится он в нем или нет, то знание не является ментальным состоянием, т.к. КК-принцип может нарушаться. Однако если «светимость» не является сущностным свойством ментальных состояний, то ничего более не мешает считать и знание одним из таких состояний.

Суть аргумента Т. Уильямсона, основывающегося на принципе предела погрешности (margin of error principle) и принципе безопасности знания (safety principle), состоит в том, что любое состояние, которое агент может постепенно терять и постепенно приобретать (например, ощущение холода), не является «сияющим», т.к. агент не в состоянии знать, в какой именно момент времени он перестает ощущать холод и начинает ощущать тепло. Несмотря на многочисленные возражения этому аргументу [1; 2; 3], сомнения в том, что КК-принцип всегда соблюдается, а агент обладает абсолютным эпистемическим доступом к своим ментальным состояниям, остаются. По всей видимости, Т. Уильямсона не устраивает присутствие следования в интерналистской концепции ментального от приватности ментального состояния агента к наличию у него привилегированного эпистемического доступа к этому состоянию. Ментальное состояние действительно приватно, агент обладает доступом к нему, т.к. именно он является носителем этого состояния, однако утверждать, что этот доступ гарантирует, что знание агента об этом состоянии является непогрешимым, неверно. Фактически отрицая свойство непогрешимости у знания о себе, Т. Уильямсон должен следом признавать, что знание о себе является когнитивным достижением агента. Это вытекает из того, что если знание – это наиболее общая фактивная пропозициональная установка, то агент не обладает

знанием о своем ментальном состоянии только потому, что это именно его ментальное состояние, а должен сначала удостовериться в том, что его ментальное состояние действительно имеет место быть. В таком случае знание о себе не отличается от знания других объектов, которые существуют вне самого агента, и не требует специального объяснения.

Литература

1. Berker S. Luminosity Regained // Philosophers' Imprint. 2008. Vol. 8. № 2. P. 1–22.
2. Brueckner A., Fiocco M. O. Williamson's Anti-Luminosity Argument // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition. 2002. Vol. 110. № 3. P. 285–293.
3. Stalnaker R. Luminosity and the KK thesis // Externalism, Self-Knowledge, and Skepticism: New Essays / Ed. by S. Goldberg. Cambridge: Cambridge University Press. P. 19–40.
4. Williamson T. Is Knowing a State of Mind? // Mind. 1995. Vol. 104. № 415. P. 533–565.
5. Williamson T. Knowledge and Its Limits. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Л.Д. Ламберов

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
lev.lamberov@urfu.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ, МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ИНТУИЦИЯ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-011-00301 «Эпистемология компьютерного доказательства
с точки зрения теоретико-типового подхода к основаниям математики»*

Одной из наиболее острых проблем, связанных с компьютерными доказательствами, является проблема обеспечения обозримости компьютерного доказательства на всех уровнях. Многие нетривиальные компьютерные доказательства не являются локально обозримыми (нет возможности проверить каждый переход от одного шага доказательства к другому), но являются глобально обозримыми (понятна общая идея построения доказательства). Представляется, что в области оснований матема-

тиki уже сейчас разработан инструментарий, который позволяет в некотором смысле преодолеть разрыв между локальной обозримостью и обозримостью глобальной. Данный инструментарий основывается на конструктивном подходе, теории типов, теории категорий и теории гомотопий (последняя изначально возникла как раздел алгебраической топологии).

Указанный выше инструментарий представляет собой вариант соответствия Карри-Говарда (другими словами, доктрины «высказывания-как-типы»), получившем название доктрины «высказывания-как-некоторые-типы». В общем случае соответствие Карри-Говарда представляет собой нетривиальную связь логики и типизированных вычислений, при которой логика получает (новую) теоретико-типовую интерпретацию. В соответствии с конструктивным подходом (и в противовес укорененному формализму в духе метаматематики Д. Гильберта) определение значений логических констант и обоснование логических законов даются не путем очищения их от всякого смысла, а наоборот – путем придачи им особого смысла. При этом подхде доказательство, например, непротиворечивости является не столько синтаксическим (как невозможность выведения произвольной формулы и ее отрицания), сколько скорее семантическим (как невозможность построения в интуиционистском смысле доказательства того, что ложь истинна). Такая интерпретация позволяет приравнять, с одной стороны, высказывания и типы, а с другой – доказательства и типизированные термы (того или иного варианта типизированного лямбда-исчисления). В конечном счете удается выделить динамику и статику доказательства (т.е. объекты, которые являются доказательствами, и вычислительные процессы, которые реализуются в ходе доказательства).

Само по себе соответствие Карри-Говарда позволило построить и успешно реализовать в виде специальных языков для написания программ и доказательства теорем ряд мощных формализмов, в числе которых можно назвать, например, исчисление построений Т. Кокана и Ж. Юэ, реализованное в языке *Coq*. Однако в области оснований математики указанная доктрина

послужила основанием для разработки разновидности формализмов, которые способны обеспечить «мезоскопический» (термин А. Родина) уровень обозримости. При этом подходе не все типы являются высказываниями, но любой тип может быть «обрезан» от уровня высказывания, причем тип-высказывание имеет не более одного терма. Таким образом, любой тип (уровня выше уровня высказываний) «заселен» термами-доказательствами, от различия между которыми можно абстрагироваться, сведя их к одному единственному терму, представляющему положительное истинностное значение (если же тип-высказывание не «заселен», то соответствующее высказывание ложно, а на более высоких уровнях термы-доказательства отсутствуют).

Такая ситуация со сведением разных доказательств к одному истинностному значению возможна в гомотопической теории типов в том числе благодаря мощному понятию тождества. Таким образом, на уровне «чисто» логического у нас имеются правила введения и удаления логических констант (т.е. логические законы), а на более высоких уровнях, где типы понимаются как фундаментальные группоиды, у нас имеются правила построения математических структур, лежащих за пределами «чистой» логики. При этом логические формы все еще выполняют свою формообразующую роль. Соответственно, «логические операции оказываются специальными случаями математических операций более общего вида» [15. Р. 95], а логика становится «частным случаем геометрии» [12. Р. 329]. Теория типов, таким образом, представляет собой более мощный инструмент для анализа понятия доказательства, чем традиционная «чистая» логика, что позволяет строить системы для автоматических и интерактивных доказательств, во многом приближенные к обычным математическим рассуждениям и математической интуиции.

Подход к основаниям математики с точки зрения гомотопической теории типов (унивалентные основания) и использование этого формализма в качестве основы для построения систем интерактивного доказательства теорем сближают компьютерные доказательства с человеческим пониманием благодаря обращению

к гомотопической интуиции и интуиции пространства. Поскольку код, реализующий доказательство, оказывается («пространственно») понятным, поскольку унивалентный подход обеспечивает возможность более глубокого уровня обозримости, чем глобальный, но без обращения к техническим подробностями локального уровня. Соответственно, при унивалентном подходе исследователь получает больше контроля над тем, как выполняется доказательство, что естественным образом увеличивает убедительность последнего. Однако следует отметить, что обращение к гомотопической интуиции может оказаться непродуктивным в ряде несвязанных с алгебраической топологией областях, хотя имеются примеры приложения этого подхода в том числе и вне математики. Последнее еще предстоит выяснить.

Литература

1. Доманов О.А. Структурализм и конструктивизм в гуманитарных науках и математике // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 3. С. 39–50.
2. Ламберов Л.Д. Основания математики: теория множеств vs. теория типов // Философия науки. 2017. № 1. С. 41–60.
3. Ламберов Л.Д. Понятие доказательства в контексте теоретико-типового подхода, I: доказательство программ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 49–57.
4. Ламберов Л.Д. Понятие доказательства в контексте теоретико-типового подхода, II: доказательства теорем // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 34–41.
5. Ламберов Л.Д. Понятие доказательства в контексте теоретико-типового подхода, III: доказательства как (некоторые) типы // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. Готовится к печати.
6. Ламберов Л.Д. Унивалентность и понятие структуры в философии математики // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16. № 1. С. 20–32.
7. Хлебалин А.В. Интерактивное доказательство: верификация и генерирование нового математического знания // Философия науки. 2020. № 1. С. 87–95.
8. Целищев В.В. Философия математики. Ч. 1. Новосибирск: Наука, 2002 .
9. Целищев В.В. Эпистемология математического доказательства. Новосибирск: Параллель, 2006.
10. Целищев В.В., Хлебалин А.В. Формальные средства в математике и концепция понимания // Философия науки. 2020. № 2. С. 45–58.

11. Bassler O.B. The Surveyability of Mathematical Proof: A Historical Perspective // *Synthese*. 2006. Vol. 148. № 1. P. 99–133.
12. Homotopy Type Theory: Univalent Foundations of Mathematics. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://homotopytypetheory.org/book/> (дата обращения: 27.07.2019).
13. Lawvere F.W. Quantifiers and Sheaves // *Actes du congrès international des mathématiciens* / Ed. by M. Berger, J. Dieudonné et al. Nice: Gauthier-Villars, 1971. P. 329–334.
14. Martin-Löf P. Intuitionistic Type Theory. Napoli: Bibliopolis, 1984.
15. Martin-Löf P. On the Meanings of Logical Constants and the Justifications of the Logical Laws // *Nordic Journal of Philosophical Logic*. 1996. Vol. 1. P. 11–60.
16. Rathjen M. Constructive Hilbert Program and the Limits of Martin-Löf's Type Theory // *Synthese*. 2005. Vol. 147. № 1. P. 81–120.
17. Rodin A. Formal Proof-Verification and Mathematical Intuition: the Case of Univalent Foundations // 16th International Congress on Logic, Methodology and Philosophy of Science and Technology (Prague, August 5–10, 2019), Book of Abstracts. 2019. P. 418.
18. Rodin A. How Mathematical Concepts Get Their Bodies // *Topoi*. 2010. Vol. 29. № 1. P. 53–60.
19. Sørensen M.H., Urzyczyn P. Lectures on the Curry-Howard Correspondence. Amsterdam: Elsevier, 2006.

A.Ю. Моисеева

Институт философии и права СО РАН
 (Новосибирск, Россия)
 ajumto@yandex.ru

СТАТУС «КОНЬЮНКТИВНОГО ЭФФЕКТА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНТЕРРОГАТИВНОЙ ТЕОРИИ ОШИБОК Я. ХИНТИККИ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
 проект № 18-311-00113 «Скептицизм и метаэпистемология:
 познание истины в условиях принципиальной погрешимости знания»*

Так называемая «ошибка конъюнкции» или «конъюнктивный эффект» известен среди исследователей когнитивных искажений достаточно давно, однако новый всплеск внимания к нему произошел в связи с книгой «Суждение в условиях неопределенности: Эвристики и искажения» (Judgment under Uncer-

tainty: Heuristics and Biases, 1982), написанной в качестве развития идей знаменитой премиальной статьи А. Тверски и Д. Канемана «Теория перспектив: Анализ принятия решений в условиях риска» (D. Kahneman and A. Tversky, Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk, 1979). В статье утверждается, что многие особенности принятия людьми решений в условиях риска обусловлены тем, что в тех случаях, когда интуиция подсказывает человеку какое-то «очевидное» решение проблемы, то сознательное рассудочное мышление не подключается к анализу ситуации, в результате чего люди часто допускают совершенно нелепые, с рациональной точки зрения, ошибки. В книге исследуются различные примеры таких ошибок, в качестве одного из которых рассматривается ситуация, когда люди приписывают большую вероятность такому описанию событий, которое содержит некоторую правдоподобную, с их точки зрения, деталь, чем точно такому же описанию, не содержащему этой детали. Например, человеку предлагается описание некой гипотетической персоны: «Линде 31 год, она одинокая, откровенная и очень яркая. Она специализировалась по философии. Будучи студенткой, она была глубоко обеспокоена вопросами дискриминации и социальной справедливости, а также участвовала в антиядерных демонстрациях». После этого требуется оценить вероятность различных утверждений, среди которых встречались (не подряд) следующие:

(A) Линда – кассир банка;

(A & B) Линда – кассир банка и активно участвует в феминистском движении.

Как пишут авторы исследования, экспериментальные данные подтверждают, что люди, вопреки законам вероятности, считают более вероятным утверждение (A & B), чем утверждение (A). Что удивительно, специалисты по теории вероятности оказываются в своих ответах единодушны с теми, кто практически не знаком с этой областью знаний. Как полагают авторы, это происходит потому, что, встречая информацию,

которая выглядит знакомой, мы (т.е. наш мозг) автоматически распознаем ее как более достоверную.

Я. Хинтикка в своей статье «Ошибочная ошибка?» (J. Hintikka, A Fallacious Fallacy?) оспаривает точку зрения А. Тверски и Д. Канемана на то, насколько примитивно работает человеческая интуиция, в частности, применительно к «конъюнктивному эффекту». Как утверждает Я. Хинтикка, впечатление ошибочности возникает у исследователей потому, что они некритически применяют здесь байесианский подход к вероятности, который опирается на «априорную» оценку агентом вероятностей различных исходов. Эта априорная оценка принимается как неизменная данность, и даже не встает вопроса о том, как агент ее получает. Однако, как справедливо замечает Я. Хинтикка, «выбор таких предпосылок (priors) представляет собой нетривиальные предположения о мире. Невозможно *a priori* знать, что эти предположения являются правильными, и поэтому нас можно в принципе заставить поменять их под давлением [вновь полученных] свидетельств» [1. Р. 213–214]. Далее Я. Хинтикка задается вопросом, что же является реальным коррелятом байесианской априорной оценки вероятности, и отвечает на него: чаще всего это оценка того, насколько достойны доверия те источники информации, из которых мы получаем описания исходов, вероятность которых мы должны оценить. В простейшем случае это слова других людей. Но как мы оцениваем достоверность источника информации? Чаще всего по тому, *какую* информацию он нам дает. Если все ответы того или иного свидетеля согласуются друг с другом и с другими данными, которые у нас имеются, то мы склонны считать информацию от этого свидетеля достоверной. Если же свидетель «путается в показаниях» и противоречит известным из других источников фактам, то мы склонны считать, что он нас дезинформирует.

Таким образом, сами описания исходов, вероятность которых мы должны оценить на основании оценки вероятности того, что тот или иной источник информации надежен, могут влиять на наши оценки этих самых «априорных» вероятностей. Если такая

переоценка надежности источника произойдет, итоговая оценка вероятности исхода, который он выбирает как истинный, также изменится. Иначе говоря, «при наличии подходящих сопутствующих свидетельств некоторые сообщения являются само-подтверждающими постольку, поскольку они повышают нашу уверенность в их источнике» [1. Р. 217]. Если мы посмотрим теперь на наш пример, то будет очевидно, что, если об исходах (A) и (A & B) сообщают *разные* источники, мы будем склонны считать второй источник более достойным доверия. А раз так, то условная вероятность исхода (A & B) также может оказаться больше условной вероятности (A). Ошибка возникает только в том случае, если считать, что об исходах (A) и (A & B) сообщает один и тот же источник (например, как если бы речь шла не об одной девушке Линде, а о множестве девушек, подходящих под описание, и нужно было оценить частотное распределение среди этого множества свойств (A) и (A & B)). Однако в эксперименте нет ничего, что склоняло бы респондентов к этой точке зрения. Поэтому, заключает Я. Хинтикка, нет оснований считать, что человеческая интуиция в данном случае пускается по ложному пути. Скорее на ложном пути находятся исследователи.

Как замечает Я. Хинтикка далее, этот способ рассмотрения «конъюнктивного эффекта» находится в полном согласии с его интерропативной теорией познания. С точки зрения этой теории, ошибка представляет собой не нарушение какого-то правила рассуждения, а лишь относительно неэффективный ход в познавательной игре [2. Р. 231–232]. Притом, что эффективность того или иного хода в изоляции невозможно оценить – только в контексте целой познавательной стратегии, примененной в конкретном исследовании, – очевидно, что для того, чтобы сказать, является ли та или иная когнитивная закономерность ошибкой, искажением, нужно не только теоретически описать (формализовать) правило, которому соответствует эта закономерность, но и проследить контекст проявления этой закономерности в реальных познавательных ситуациях. Иначе, как показывает Я. Хинтикка, мы не будем в состоянии отличить

правильную формализацию от неправильной, чрезсчур упрощенной и не отражающей стратегическое значение того хода, который она формализует. Проще говоря, тогда мы сами как исследователи окажемся неэффективны, т.е. совершим ошибку.

Литература

1. Hintikka J. A Fallacious Fallacy? // J. Hintikka. Socratic Epistemology: Explorations of Knowledge-Seeking by Questioning. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 211–220.
2. Hintikka, J. The fallacy of fallacies // Argumentation. 1987. № 1. P. 211–238.
3. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases / D. Kahneman, P. Slovic and A. Tversky (Eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
4. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. № 47 (2). P. 263–291.

С.Е. Овчинников

step.ovch@gmail.com

МОДАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТА-МЕТАФИЗИКА

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ,
проект № 19-011-00120 «Метафизические основания научной онтологии:
реальные паттерны и проект мета-метафизики»*

В рамках аналитической философии модальность традиционно рассматривалась в контексте пропозиций и являлась проблемой логики. Обращение с середины XX века к вопросам онтологии [1] определило иное поле обсуждения модальности. В новом контексте речь идет не об истинности пропозиций, а о существовании некоторого «положения дел» [2. Р. 10]. Таким образом, возникает модальная онтология, центральным вопросом которой является описание сущностных свойств «вещей» в различных возможных мирах. Но если в дискуссии о модальности пропозиций проблемой была дилемма между необходимыми, но бессодержательными и верифицируемыми, но случайными утверждениями, то в рамках модальности метафизической возникает вопрос о том, существуют ли вообще необходимые сущности или

свойства, и если да, то в каком отношении они находятся с другими сущностями. Этот вопрос предполагает как реалистическую (концепция Крипке-Плантигги), так и антиреалистическую интерпретацию онтологии (Д. Льюис), поскольку сущностные свойства могут рассматриваться как зависимые от субъективного выбора. Реалистическая и, по нашему мнению, более интересная интерпретация, требует предъявления метода, который позволил бы выстраивать соответствующую иерархию свойств и сущностей по степени их фундаментальности, а значит, нужна специальная модальная эпистемология, которую Д. Лоу определяет как: «априорный процесс понимания того, что есть объект» [2]. Это процесс необходимо дополнить апостериорным исследованием актуального, для того чтобы описать процесс познания в его полноте. Здесь представляется перспективным обратиться к проекту мета-метафизики, который направлен на преодоление концептуальной многоголосицы в обсуждении проблем интерпретации метафизических оснований онтологии (в частности, речь идет о научной онтологии, но мы полагаем ее фундаментальной).

Поскольку, как отмечалось ранее, установление иерархии подразумевает задание некоторой шкалы «фундаментальности» среди сущностей, то требуется описать специальное несимметричное отношение между ними. Проект мета-метафизики предлагает способ описания такого отношения между более фундаментальными и менее фундаментальными объектами, а именно «онтологическую зависимость», роль которой выполняет отношение «укорененности» (grounding). В двух словах, укорененность может быть выражена следующим образом: X укоренен в Y, если X возникает в силу Y, или если X укоренен в Y, то Y объясняет X [3]. Стоит отметить, что одной из первых концепций, в которой проблема реализма рассматривалась вне семантической трактовки существования (т.е. когда подразумевается, что объекты существуют, потому что соответствующая теория истинна) был экспланационализм Р. Бойда [4], в рамках которого успешность научного знания объясняется при помощи понятия «объяснение». Понятие метафизической укорененности (по крайней мере, в одной из интерпре-

таций), в свою очередь, является тесно связанным с объяснением. Новым здесь является переход от традиционного каузального отношения и редукции к несимметричному отношению онтологической зависимости, которое, ко всему прочему, не зависит от субъективной точки зрения. Так, например, правила шахмат могут объяснять конфигурацию фигур на доске, но, последняя ничего не говорит о правилах. Таким образом, правила являются более фундаментальными, чем фигуры в некотором метафизическом смысле. Если фигуры вдруг исчезнут, то это не повлияет на правила, тогда как, удалив правила, мы автоматически удалим все фигуры, превратив их в объекты странной формы.

Вопрос состоит в том, есть ли у этой иерархии основание, т.е. существуют ли метафизически необходимые сущности, которые не укоренены в других сущностях. Возникает парадоксальная ситуация. Если такие сущности есть, то цепь укорененных сущностей заканчивает на сущности, которая сама не укоренена ни в чем и, таким образом, требуется специальное обоснование этой «конечной» сущности (хотя история философии предлагает множество примеров конечных сущностей, не нуждающихся в обосновании). Если же таких сущностей нет, то цепь продолжается до бесконечности. Очевидным выходом из ситуации было бы утверждение существования «самообъясняющих» сущностей, но такой подход привел бы к нарушению строгой несимметричности отношения метафизической укорененности. Возможно, подходящей стратегией было бы типизировать классы отношений и рассматривать различные понятия укорененности для каждого класса (например, отношения типа *часть – целое*, отношение целого к самому себе и т.д.). Таким образом, не смотря на возникающие в рамках развития инструментария модальной эпистемологии проблемы, понятие онтологической зависимости проливает определенный свет на дискуссию об иерархии сущностей (а значит, о взаимосвязи необходимого и случайного существования) внутри модальной онтологии, поскольку позволяет описывать несимметричные отношения между ними.

Литература

1. Страйд Б. Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия. Избранные тексты. М.: Изд-во Московского университета, 1993. С. 159–174.
2. Lowe E. The Possibility of Metametaphysics: Substance, Identity, and Time. Clarendon Press, 1998.
3. Tahko T. An Introduction to Metametaphysics. Cambridge University Press, 2015.
4. Boyd R. Scientific Realism and Naturalistic Epistemology // Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association / Ed. by P. Asquith, R. Geire 1980. Р 613–662.

Е.И. Поротиков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
eropotikov@gmail.com

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ПОДХОД Д. СТОЛДЖАРА И «РАСКОЛДОВЫВАНИЕ» СОЗНАНИЯ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-311-00113 «Скептицизм и метаэпистемология: познание
истины в условиях принципиальной погрешимости знания»*

В книге Дэниела Столджара «Неведение и воображение: Эпистемическое происхождение проблемы сознания» (D. Stoljar, Ignorance and Imagination: The Epistemic Origin of the Problem of Consciousness, 2006) предлагается то, что автор назвал эпистемическим подходом к решению проблемы сознания. Этот подход подразумевает, что научные факты, необходимые для решения проблемы сознания, просто еще не появились, и решение этой проблемы – дело будущего (возможно, далекого). Грубо говоря, у современной науки о сознании еще нет своего Ньютона, Эйнштейна или Дарвина. При этом подразумевается, что проблема сознания должна решаться строго в рамках физикализма, без привлечения дополнительных метафизических сущностей. Согласно точке зрения, изложенной в «Неведении и воображении», лучшим ответом на проблему сознания является

предположение о том, что мы чего-то не знаем о некотором типе физической внеопытной истины. Как поясняет Д. Столджар, этот ответ хорош постольку, поскольку он может помочь объяснить то, почему некоторые аргументы, используемые в философии сознания, имеют такую власть над нашим воображением, и то, почему ошибочно опираться на их заключения [6].

Действительно, аргументы, используемые многими философами, занимающимися проблемой сознания, часто приводят к парадоксальным и «неудобным» заключениям, таким как дуализм, эпифеноменализм или панпсихизм, и такие заключения находятся в очевидной оппозиции к большинству интерпретаций физикализма. Многие сторонники физикализма разделяют подобную интуицию. Например, Патриция Черчленд в своей книге «Прикасаясь к нерву: Я как мозг» (P. Churchland, Touching a Nerve: The Self as Brain, 2013) пишет: «Еще в XIX веке ученые были согласны в том, что свет – это фундаментальное свойство вселенной, которое никогда не удастся объяснить чем-то более фундаментальным. Что же произошло позднее? К концу XIX века Джеймс Клерк Максвелл показал, что свет есть форма электромагнитного излучения. <...> Представьте предсказание, сделанное во 2-м году н.э., согласно которому никто и никогда не поймет природу огня. <...> Или представьте себе прогноз, сделанный в 1300 году, согласно которому наука никогда не поймет, как оплодотворенная яйцеклетка может превратиться в детеныша животного. Или предсказание, сделанное в 1800 году, согласно которому никто и никогда не сможет создать нечто, способное контролировать инфекции. Предположим, кто-то предсказал в 1970 году, что наука никогда не сможет найти способ записать уровни активности здорового человеческого мозга, не вскрыв череп. Он бы ошибся. Такое техническое достижение пережило расцвет в 1990-е годы, когда была разработана функциональная резонансная томография (МРТ). Поскольку скептицизм часто строится на необоснованных прогнозах, он не должен удерживать нас от движения вперед» [2. Р. 57–58].

Такой подход, несмотря на некоторые очевидные трудности (например, совершенно не ясно, какие именно факты могут помочь решить проблему в будущем, т.к. будущее не является прозрачным) кажется перспективным и многообещающим, однако мы попробуем показать, что научные концепции, необходимые для решения проблемы сознания, вовсе не обязательно должны относиться непосредственно к науке о сознании; они могут появиться в других, смежных, областях и изначально не быть нацелены на решение проблемы.

Для начала рассмотрим пример эпистемического подхода в истории философии, когда философская проблема не имела решения в рамках физикализма, но потом, со временем, появились концепции, которые позволили эту проблему решить. Такой философской проблемой, на наш взгляд, была проблема сущности жизни. Действительно, долгое время для определения феномена жизни использовались метафизические понятия, такие как «жизненная сила», «творение», «естественная теология», а подход к феномену жизни был сугубоteleологическим. Так было до 1859 года, когда в свет вышел труд Ч. Дарвина «Происхождение видов». После этого на смену телеологии пришло понятие биологического смысла, и проблема жизни получила физикалистское решение. До этого момента просто не существовало инструментов и теоретической базы, приемлемых в рамках физикализма. Таким образом, метафизические понятия оказались избыточными и ничего не объясняющими, уступив место понятиям научным (впрочем, такие термины, как «жизненный порыв», были в ходу и в XX в., но сейчас представляют лишь исторический интерес). Этот пример, на наш взгляд, наглядно иллюстрирует эпистемический подход Д. Столджаара. С этой точки зрения, сейчас у нас необходимых научных концепций для решения проблемы сознания, однако со временем они появятся.

В то же время, помимо собственно решения проблемы, может иметь место и ее снятие, «расколдовывание». В истории философии такой проблемой, на наш взгляд, была проблема бога. Нельзя сказать, что эта проблема была решена какой-то

конкретной научной концепцией (или концепциями). Здесь мы имеем дело с другим случаем: рост научных данных и сама трансформация мировоззрения (как научного, так и философского) привели к тому, что проблема бога стала попросту неактуальной. И произошло это не в результате разработки каких-то конкретных аргументов (как, например, в случае с проблемой жизни), а просто потому, что само понятие бога оказалось вытеснено из актуального проблемного поля философии. Проблема не была решена, но она была «расколдovана» (сохранившись, тем не менее, в некоторых областях религиозной философии и метафизики). В этом случае мы тоже можем утверждать, что проблема была снята в результате роста объясительной силы научных теорий, однако эти теории не были направлены на решение проблемы, и ее снятие стало «побочным продуктом» такого роста. Эту интуицию, как нам кажется, разделяют многие философы-физикалисты, занимающиеся проблемой сознания [см. 2; 3; 5]. Они утверждают, что решение проблемы сознания непременно должно лежать в плоскости физикализма, однако аргументы в пользу этой точки кажутся противоречивыми и неполными, что позволяет противоположному лагерю (так называемым «квалиафилам») утверждать, что проблема сознания принципиально нерешаема в физикалистской парадигме и требует привлечения дополнительных метафизических сущностей [см. 1; 4].

Этот аргумент можно назвать «аргументом деда Мороза»: каждый ребенок до какого-то момента верит в деда Мороза, однако его отказ от этой веры происходит не в результате действия каких-то конкретных фактов, а просто потому, что его «когнитивная мощность» возрастает, и этой вере просто не находится места в актуальном мировоззрении. Нечто подобное произошло с такими понятиями, как «бог», «душа», «энтелехия» и т.п., и нечто подобное может произойти и с нашим восприятием проблемы сознания. Таким образом, есть основания предположить, что в результате прироста научных знаний и появления новых научных концепций проблема сознания будет

не решена, а также «расколдovана». Иными словами, каких-то конкретных сильных аргументов в пользу физикализма может и не появиться, однако изменится само восприятие проблемы сознания, изменится мировоззрение, и проблема будет не решена, но снята и вытеснена из актуального проблемного поля философии.

Литература

1. Chalmers D. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. New York: Oxford University, 1996.
2. Churchland P. Touching a Nerve: The Self as Brain. New York: W.W. Norton & Company, 2013.
3. Dennett D.C. Kinds of minds: Toward an understanding of consciousness (The science masters series). New York: Basic Books, 1996.
4. Goff P. Consciousness and Fundamental Reality. Oxford: Oxford University Press, 2017.
5. Smart J.J. Sensations and Brain Processes // The Philosophical Review. 1959. Vol. 68. № 2. P. 141–156.
6. Stoljar D. Ignorance and Imagination: The Epistemic Origin of the Problem of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2006.

В.А. Сухарева

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
Siberian-pegas@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ЕДИНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-013-00813 «Образовательный потенциал медиасферы
как пространства развития правовой культуры и культуры права человека
в современной России»*

Присвоение статуса реальности различным феноменам (таким, например, как феномен медиасферы и его продукты) невозможно без опоры на ясное определение понятия реальности. К любым практикам подобного рода, игнорирующим указанное требование, следует относиться скептически. Вместе

с тем, вопрос о едином и однозначном определении понятия реальности нельзя считать решенным.

Понятие реальности в самом общем смысле обозначает все сущее [1. С. 878]. Однако данное определение представляется слишком широким и малоинформационным, поскольку не позволяет провести границу между понятием реальности и понятием существования.

В более узком смысле понятие реальности употребляется для обозначения такого сущего, которое существует независимо от познающего агента (т.е. не зависит от языка, мышления, восприятия, теоретических допущений и т.п.) [7. Р. 2]. Такая трактовка реальности является традиционной. Однако реальность, понимаемая во таком смысле, является предметом спора представителей метафизического реализма и метафизического антиреализма [5; 10. Р. 90–91]. Согласно первым, образующие мир объекты, свойства и отношения существуют объективно и не зависят от способов их репрезентации. Таким образом, метафизические реалисты принимают указанное определение реальности. Метафизические антиреалисты, в свою очередь, отрицают независимость мира от разума и, т.о., не могут принять указанное определение реальности, поскольку с их точки зрения под это определение не подпадает ни один объект.

Еще одно определение понятия реальности базируется на этимологии термина «реальность»¹. В соответствии с этим определением реальность понимается как «вещественный аспект бытия» [2. С. 86]. В этом смысле, характеристики реальности должны совпадать (по крайней мере частично) с основными характеристиками вещественности, к которым можно отнести следующие: обладать свойствами, находиться в отношении, претерпевать изменения [9. Р. 871]. Данный перечень характеристик вещественности является довольно коротким и сближает понятие вещи с понятием объекта и понятием субстанции, что

---

¹ Термин «реальность» происходит от лат. «realis» (вещественный, относящийся к вещам).

позволяет уклониться от некоторых проблем и ограничений, с которыми вынужденно сталкиваются сторонники позиции реизма¹. Действительно, такие выделяемые реистами характеристики вещественности как конкретность (пространственно-временная определенность), количественная определенность и материальность [6. Р. 426] полностью исключают из сферы реальности события, процессы, факты, положения дел, математические объекты, пространство и время как самостоятельные сущности, интенциональные содержания и объекты, пропозиции, предложения, абстрактные смыслы и значения [11. Р. 3]. И все же, даже такой лаконичный перечень характеристик вещественности не позволяет рассматриваемому определению реальности охватить некоторые представляющиеся релевантными онтологические категории, например свойства и отношения.

Реальность свойств и отношений, в свою очередь, также проблематична и является предметом спора представителей реализма (утверждающих реальность свойств и отношений) и номинализма (отрицающих реальность свойств и отношений), уходящего корнями глубоко в историю философии². Среди прочих в рамках современной дискуссии, продолжающей данный спор, ставится вопрос о природе объектности. И здесь можно выделить две крайние позиции: 1) примат субстанции и 2) примат свойств. Первая позиция является традиционной и восходит к Аристотелю, который полагал, что свойства существуют *in rebus* (в вещах), т.е. укоренены в подлежащей субстанции – носителе свойств, которая и представляет собой ‘ядро’ объектности. Согласно второй позиции, объект представ-

---

¹ Основные представители реизма – Ф. Брентано, Т. Котарбиньский.

² Так, явно выраженной реалистической позиции придерживался Платон. Более умеренного реализма придерживался Аристотель. Первый широко известный представитель номинализма – Иоанн Росцелин. Первый сторонник более ‘мягкой’ формы номинализма – концептуализма – Пьер Абеляр. Среди современных представителей реализма стоит отметить Д. Армстронга, а среди современных представителей номинализма – У.В.О. Куайна, Н. Гудмена, К. Кэмпбелла.

ляет собой простой набор свойств, связанных между собой только совместным существованием в пространстве и времени (т.н. bundle theory) [см. напр.: 3. Р. 190]. Как понятие субстанции, так и понятие свойства не являются элементарными в рамках рассматриваемых позиций. Следовательно, существуют аргументы в пользу и против фундаментальности как свойств, так и субстанций. Однако эти аргументы аналогичны друг другу (основным аргументом является применимость/неприменимость принципа тождества неразличимых [см. напр.: 8; 12]). Поэтому невозможно указать критерий, позволяющий предпочесть, например, субстанцию свойствам, и наоборот. Таким образом, природа и сущность объекта также остается предметом дискуссий.

Наконец, можно выделить еще один способ конкретизировать понятие реальности, который заключается в объяснении реальности через понятие фундаментальности (понимаемого преимущественно в смысле нередуцируемости) [4. Р. 8]. Однако, содержательность понятия фундаментальности тесно связана (в рамках указанной интерпретации) с метафизическим понятием редуцируемости, которое, в свою очередь, подвергается критике со стороны целого ряда исследователей¹ как пустое (лишенное содержания) либо как неясное (имеется в виду, прежде всего, отсутствие ясного критерия, позволявшего бы однозначно определить, что и к чему должно быть редуцировано в каждом конкретном случае).

Таким образом, можно констатировать, что понятие реальности на данный момент лишено ясного и однозначного определения. Однако можно выделить ряд смежных с понятием реальности категорий (некоторые из которых в определенных трактовках представляются, увы, взаимоисключающими), позволяющих если не конкретизировать его смысл, то хотя бы сделать шаг в этом направлении: существование, объективность (незави-

---

¹ К. Файн упоминает в этой связи С. Блэкберна, Р. Дворкина, А. Файна, Х. Патнэма и Г. Роузена. [См.: 4. Р. 12].

симое существование), познаваемость, наличие отношений с другими элементами реальности, вещественность, пространственно-временная, качественная и количественная определенность, тождество, фундаментальность и др¹.

Литература

1. История философии: Энциклопедия. Минск: Интерпресссервис; Книжный Дом. 2002. 1376 с.
2. Пивоваров Д.В. Категории онтологии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 552 с.
3. Denkel A. Object and Property. New York: Cambridge University Press, 1996.
4. Fine K. The Question of Realism // Philosophers' Imprint. 2001. Vol. 1. №. 1. P. 1–30.
5. Khleintzos D. Challenges to Metaphysical Realism [Электронный ресурс] // The Stanford encyclopedia of philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/realism-sem-challenge/> (дата обращения: 30.07.2020).
6. Kotarbinski T. Gnosiology. The scientific approach to the theory of knowledge. Oxford: Pergamon Press, 1966.
7. Kuelpo O. Contribution to the History of the Concept of Reality // The Philosophical Review. 1912. Vol. 21. № 1. P. 1–10.
8. Lowe E.J. The Metaphysics of Abstract Objects // Journal of Philosophy. 1995. Vol. 92. № 10. P. 509–524.
9. Lowe E.J. Things // The Oxford Companion to Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 871–872.
10. Nagel T. The View From Nowhere. Oxford: Oxford University Press, 1986.
11. Simons P. How to Do Things with Things: Brentano's Reism and its Limits // Objects and Pseudo-Objects: Ontological Deserts and Jungles from Brentano to Carnap. Berlin: De Gruyter, 2015. P. 3–16.
12. Zimmerman D. Distinct Indiscernibles and the Bundle Theory // Mind. 1997. Vol. 106. № 422. P. 305–309.

---

¹ Например, категориальная пара публичность-приватность, которая в рамках данного исследования не рассматривалась.

А.В. Хлебалин

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
sasha_khl@mail.ru

ВЫЧИСЛИМОСТЬ И ПОНЯТИЕ В МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-011-00723 «Формально-логические модели представления
знания: доказательство, интерпретация, понимание»*

В отношении природы математического доказательства можно выделить две противостоящие позиции, одна из которых связана с именем Декарта, а другая – с именем Лейбница.: «В картезианской методологии, для того чтобы постичь истину, вы должны держать в голове все доказательство сразу... Не пробегайте быстро по моей аргументации, но осваивайте его во всей его полноте и держите его в голове. Вы должны быть способны пробежать доказательство как целое, видеть его в целом, прежде чем правильно его понять. <...>. Лейбниц прозорливо нащупал концепцию доказательства, которую мы учим в курсе элементарной логики. Доказательство-как-конечная-последовательность-предложений-каждое-из-которых-есть либо аксиома-или-выводится-из предыдущих-членов-последовательности-однократным-применением-правила-вывода» [1. С. 41–42]. При таком разделении находит свое место и компьютерное доказательство, непосредственно вытекающее из понимания Лейбница. В. Воеводский работал над процедурами проверки proof-checkers на основе унивалентных оснований, так чтобы все математические доказательства для публикации сопровождались их машинно-роверяемыми эквивалентами. Картезиансское доказательство часто ассоциируют с эффектом «ага!», когда понимание приходит внезапно. Лейбницевское доказательство больше похоже на систему инструкций. Но общим для них является то, что в обоих случаях желательна такая экспликация концепции понимания, которая была бы

применима, в том числе, и к «крайности» Воеводского. Более точно, речь идет о том, какого рода понимание есть в случае проверяющих математические доказательства программ.

Речь идет о том, что есть различие между знанием, что математическое утверждение истинно, и пониманием, почему оно истинно. Если в обыденном математическом дискурсе соотношение открытия и обоснования более или менее интуитивно понятно, то какого рода оно в случае компьютерных доказательств? Комбинаторная методика сочетаний математических определений и аксиом, которая может быть свойственной для компьютерного доказательства, противостоит математическому творчеству. Последнее заключается в отборе «хорошо отобранных» определений и аксиом. В математике представлены множества такого рода возможностей, но только понимание обеспечивает навигацию среди них. Можно согласиться с такой трактовкой математического творчества, но при этом встает вопрос, чем же на самом деле является понимание в ходе доказательства. Другими словами, хотелось бы получить такие же философские объяснения природы понимания, какие есть в философии математики в отношении понятия доказательства.

Для прояснения различий двух типов понимания важны два рода размышлений и аргументации. Один тип связан с совокупностью математических методов и особенностями математического дискурса. Другой тип предполагает философский анализ концепции понимания в математическом дискурсе. В этой связи возникает вопрос, в какой степени нынешняя философия математики может прояснить вопрос о природе такого понимания. Даже более общим вопросом является то, может ли вообще философия математики внести какой-то вклад в обсуждаемые особенности математического дискурса. Ввиду расплывчатости самой концепции понимания в обыденном неформальном математическом дискурсе, первое приближение к экспликации понимания следует пытаться сделать в более ограниченном контексте формального доказательства, где нет места перечисленным выше вариантам понимания. В частности,

экспликацией понимания в формальном доказательстве могло бы быть понятие интерпретации. На уровне семантики понимание явилось бы гораздо более естественным элементом математического дискурса.

Следует заметить, что обсуждение концепции понимания математического доказательства стала обсуждаться в философском плане относительно недавно. Проблематика подобного рода возникла в связи с программой Х. Патнэма «сколемизацией всего». Для языков первого порядка, полагает он, тотальное использование языка фиксирует единственную «намеренную интерпретацию» не в большей степени, чем это делает любая аксиоматическая система. В философском плане это сходно с утверждением Витгенштейна, что значения выражения не могут быть исчерпывающим образом заданы правилами. Таким образом, требуется еще и «понимание». Действительно, если наше использование математических терминов не «схватывается» аксиомами, тогда мы нуждаемся в дополнительном объяснении. Это дополнительное объяснение должно представлять теорию того, как употребляется математический язык. П. Бенацерраф полагает по этому поводу следующее: «Математическая практика отражает наши интенции и контролирует наше использование математического языка такими способами, которые могут не осознаваться нами в любой заданный момент, и которые превосходят то, что мы точно устанавливаем в любом заданном объяснении» [2. Р. 111].

На наш взгляд, экспликация концепции понимания формализованного доказательства, если мы хотим уйти от простого противопоставления синтаксического вычисления и эпистемологического понимания, консервированного двумя почтенными традициями, должна быть связана с выявлением дистрибутивности понимания внутри структуры математической практики.

Литература

1. Хакинг Я. Почему вообще существует философия математики. М.: Канон+, 2020.
2. Benacerraf P. Skolem and Sceptic // Proceedings of Aristotelian Society, Suppl., vol. 59, 1985. P. 85–113.

А.О. Шабалина

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
nastyaplr1003@gmail.com

ПОНЯТИЕ КОРРЕЛЯЦИИ В НЕЙРОФИЗИОЛОГИИ

Идея нейронного субстрата сознания впервые была сформулирована во влиятельной работе Ф. Крика и К. Коха 1990 года «На пути к нейробиологической теории сознания» [3]. С этих пор в нейрофизиологических публикациях широко распространялось убеждение в том, что каждое состояние сознания коррелирует с неким минимальным нейронным субстратом, достаточным для его возникновения. Предполагается, что это соответствие выполняется как естественный закон. Это положение носит название «тезис о минимально достаточном нейронном субстрате», или кратко «тезис о минимальном субстрате» [5].

В недавней публикации К. Коха и его коллег [4] производится важное уточнение: ни одна отдельно взятая область мозга не может выступать в качестве коррелята сознательного опыта, но работа нескольких областей может рассматриваться в качестве нейронного субстрата сознательного опыта [4. С. 317]. Сознательный опыт включает в себя фоновое сознание и содержание. Часть мозговой активности не отражается в сознании, но участвует в подготовке сознательного опыта. Часть мозга, например, ретикулярная формация ствола головного мозга или парамедиальные артерии таламуса участвуют в обеспечении фоновых условий для полного осознания, в то время как другие области (теменно-затылочная зона, префронтальные области) являются содержательно-специфическими. Тем не менее, четкой линейной закономерности не выявлено. Например, альфа-активность, характерная для нормального бодрствования, может быть зарегистрирована у пациентов в тяжелой постреанимационной коме [4. С. 317].

Ввиду сложности нейронной системы и нелинейности ее взаимосвязи с сознательным опытом возникает вопрос о применении понятия корреляции, которое является ключевым для тезиса о минимальном субстрате. Философский словарь определяет это понятие так: «Отношение между двумя одинаковыми по форме связями». Корреляция не предполагает причинно-следственного взаимоотношения, но отсутствие корреляции может говорить об отсутствии причинно-следственных связей.

Корреляция может существовать между двумя отдельными значениями. Для нейронной теории это означает наличие такого значения как сознательный опыт наряду с таким значением как нейронное событие.

Для того чтобы получить представление о субъективном сознании, Джон Серл предлагает ущипнуть себя за руку [6. С. 97–99]. Рассмотрим понятие корреляции на примере возникшего переживания. Легкое повреждение кожи активирует ноцицепторы – сенсорные нейроны, ответственные за передачу сигналов от болевых раздражителей. Сигнал сначала обрабатывается в спинном мозге и затем поднимается в головной мозг. По проводящим путям импульс попадает в таламус, где находятся центры, связанные с передачей боли. На этом этапе боль не достигает сознания и может быть блокирована разными способами анальгезии. Далее сигнал распределяется в разные части мозга – кору больших полушарий и гипоталамус. И с этого момента боль возникает как сознательное переживание. В гипоталамусе находятся центры, связанные с эмоциональной реакцией на стресс. За счет работы гипоталамуса боль окрашивается неприятным эмоциональным переживанием [1]. Это неприятное переживание является одной из важнейших составляющих, характеризующих боль по определению. Далее основной поток сигналов от гипоталамуса передается в кору больших полушарий. В теменной коре находится «карта тела», там производится оценка болевого сигнала, его расположения и интенсивности. Часть сигнала распределяется в мозге, обеспечивая общее фоновое торможение всех процессов, поскольку

для мозга болевой сигнал является приоритетным относительно остальных [2. С. 305]. Кроме того, на восприятие болевого сигнала будут влиять другие системы в мозге. Например, уровень серотонина в крови может повлиять на интенсивность негативной реакции на боль в силу способности серотонина тормозить центры негативных эмоций [2. С. 306].

Таким образом, боль, воспринимаемая как относительно единое переживание, обеспечивается не одним участком мозга, а сложным сочетанием действий разных участков нейронной системы. В этой схеме не обнаруживается ограниченный субстрат, ответственный непосредственно за переживание боли. Все перечисленные зоны мозга, участвующие в создании переживания боли, могут быть задействованы по отдельности в обеспечении других переживаний. Например, центр отрицательных эмоций в гипоталамусе обеспечивает неприятные ощущения от любых негативных событий, в том числе нефизиологического происхождения, а карта тела участвует в анализе не только болевых, но и сенсорных сигналов. Таким образом, болевой сигнал может быть представлен как определенное сочетание событий в мозге, но в целостное переживание он складывается только в сознании. Корреляцией может считаться связь между сознательным переживанием и сложной системой событий в мозге, но не с конкретным локализуемым нейронным субстратом. Таким образом, корреляция обнаруживается между потоком сознательных переживаний и нейронной системой в целом. Однако, по всей видимости, именно сознание объединяет нейронные процессы в целостное переживание.

Понятие корреляции может отражать устоявшуюся дуалистическую предпосылку в проблеме сознания-мозга. Однако с точки зрения функционального анализа, сознательное переживание и нейронные события являются частями единого процесса в организме живого существа и выполняют разные задачи для поддержания его жизни. Нейронная система фильтрует сигналы и распределяет ресурсы организма для реагирования на источник опасности, а сознательное

переживание интегрирует значимые сигналы в переживание, которое учитывается живым существом для выстраивания поведения. Поэтому с этой точки зрения выражение «нейронные корреляты сознания» можно сравнить с такими выражениями как «мышечные корреляты бега» или «желудочные корреляты пищеварения».

Литература

1. Овсянников В.Г., Бойченко А.Е., Алексеев В.В., Алексеева Н.С. Инициальные механизмы формирования боли // Журнал фундаментальной медицины и биологии. 2015. № 3. С. 4–12.
2. Раимкулов Б.Н., Раимкулова К.Б., Раимкулова Х.Б., Баевов Р.А., Бхат Н.А. Общая характеристика боли. Механизм развития боли (обзор литературы) // Вестник Казахского Национального медицинского университета. 2016. № 2. С. 304–307
3. Crick F., Koch C. Towards a neurobiological theory of consciousness // Seminars in the neurosciences. Saunders scientific publications. 1990. Vol. 2. P. 263–275.
4. Koch Ch., Massimini M., Boly M., Tononi G. Neural correlates of consciousness: Progress and problems // Nature Reviews Neuroscience. 2016. № 17. P. 307–321.
5. Noë A., Thompson E. Are there neural correlates of consciousness? // Journal Of Consciousness Studies. 2004. № 11 (1). P. 3–28.
6. Searle J.R. The Mystery of Consciousness. L., 1998 (1997).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

А.З. Ананьев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
alinamankunian@gmail.com

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ БЕРНАРДА УИЛЬЯМСА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-311-90085 «Политическая философия Бернарда Уильямса (1929–2003)»

Речь пойдет о британском философе Бернарде Уильямсе (1929–2003), авторитетном мыслителе в области нормативной этики и моральной философии, чьи поздние политико-философские труды, написанные в 1990-х – начале 2000-х годов, позволяют относить его к ряду ключевых политических философов своего времени.

Наиболее часто в работах Уильямса звучит тезис о том, что если политическая философия и способна состояться в том, чтобы прояснить смысл политической жизни, то политические философы обязаны обращаться к истории концептов (понятий), которые они используют. Согласно Ницше, «нехватка чувства истории – вот наследственный изъян всех философов» [1. С. 23], и Уильямс отмечает, что в своих суждениях о необходимости истории в философии испытывает огромное влияние философии Ницше.

Поскольку политическая философия, по мнению Уильямса, существует только с той целью, чтобы раскрывать смысл форм политической деятельности и привносить пользу в политическую жизнь сообщества, то исследование истоков базовых политических концептов (понятий) обладают наибольшей силой объяснения в политической философии. Наряду с обращением к формам исторического знания о политике еще одним важным требованием, которое Уильямс выдвигал политическим философам, является

отсутствие попытки превратить политическую философию в «системы мысли», поскольку любая систематизация мысли, по мнению Уильямса, так или иначе предполагает исключение конфликта между идеями или сведение его к минимуму, что особенно противоречит реальной политической жизни, которая всегда «включает в себя не только конфликты интересов, но противоположные принципы, вступающие в противоречие ценности, и более того, конфликт интерпретаций одних и тех же ценностей...» [4. С. 164]. С этими аргументами Уильямс выступает главным образом против того, что он сам называет политическим морализмом – против точек зрения, которые отстаивают приоритет морального над политическим [5. Р. 4], в результате чего политическая философия оказывается под влиянием строгих моральных ограничений и становится формой прикладной этики. Любые моральные ограничения находятся за пределами исторического времени и лежат в плоскости универсальной системы моральных убеждений, вследствие чего политический философ лишается возможности критиковать их. Отсутствие этой возможности приводит Уильямса к убеждению в решающей роли «философствования в историческом ключе», поскольку оно освобождает политические представления от предписывающего характера либеральных идеологий, которые часто позиционируются как «единственное морально верное решение в политике» [2. С. 215].

Примечательно, что обращение Уильямса к истории в работах позднего периода заметно отдаляет его от сложившейся «антиисторической» (*ahistorical*) традиции в аналитической философии, оглядываясь на которую Уильямс писал свои популярные труды об этике и морали. Однако подобный сдвиг в сторону контингентности, по словам Уильямса, делает практически невозможным перемещение политической философии в русло аналитического стиля, поскольку крайне непросто задать четкую область значений таких понятий, как справедливость, свобода, равенство [2. С. 213].

Современные исследователи политической философии Уильямса называют его подход «этикой достоверности» или «этикой

верности фактам» (*the ethic of truthfulness*) [З. С. 284], что означает необходимость свободного восприятия политической действительности, – свободного от внешних, несоотносимых с конкретными историческими обстоятельствами, моральных суждений.

Литература

1. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. / Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2011. Т. 2. 672 с.
2. Маргушева А.З. «Этика верности фактам» Бернарда Уильямса // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 211–216.
3. Hall E., Sleat M. Ethics, Morality an Hall E., Sleat M. Ethics, Morality and the Case for Realist Political Theory // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2017. № 20. Р. 276–290.
4. Williams B. Philosophy as a Humanistic Discipline. Princeton: Princeton University Press, 2008.
5. Williams B. Realism and Moralism in Political Theory // Contemporary Political Philosophy: An Anthology, Third Edition / Ed. by R.E. Goodin and P. Pettit. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2019. Р. 3–12.

С.В. Бердаус

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
s.berdaus@yandex.ru

МЕТАФАКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ Э. ГУССЕРЛЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-011-00911 «Предпосылки формирования феноменологической
философии и перспективы феноменологического метода»

Общеизвестно, что одним из центральных понятий феноменологии является интенциональность. Если мы в пропедевтических целях позволим себе некоторое концептуальное огрубление базовых феноменологических установок, то можно сказать, что посредством интенциональности Гуссерль пытается снять жесткую дискретность и одновременно детерминированность сознания чувственной и рациональной (понятийной) стадиями познания. И это явный шаг в сторону преодоления спекуля-

тивной философской традиции, акцентирующей свое внимание на феномене рациональности, на проблеме образования понятия, связанной с этим широкой проблематикой дедуктивного выведения категорий и т.д. Гуссерль же смешает или точнее возвращает наше внимание от чисто рационалистического (абстрактного) способа философствования к более широкому контексту человеческого познания, обильно насыщая его эмпирической составляющей. Платформой для подобного расширения и служит интенциональность, в рамках которой мы можем попытаться не разрывать (что прежде делалось по самым разным причинам: просто для анализа или же в интересах, носящих эпистемологические или онтологические корни) чувственное и рациональное, а, напротив, описать, или, по Гуссерлю, осуществить дескриптивный анализ этих областей в той их однородности, которая и имеет место в обыденной жизни сознания. Тогда мы вслед за П.П. Гайденко можем сказать: «интенциональность является одновременно и активной и пассивной, в ней совпадают и действие и созерцание, в ней уже нет различия между теоретическим и практическим отношением: это различие характерно лишь для эмпирического мира» [1. С. 83].

Эта установка феноменологии, на самом деле проявляющаяся не только в интенциональности, но и в рамках практически всего учения, оказалась очень привлекательной для современной психологии в лице таких ее направлений, как экзистенциальная психология и гуманистическая психология, которые в той или иной мере держат своим ориентиром феноменологический подход к работе с сознанием. Одной из находящихся в центре внимания этих школ психологии является проблема восприятия. Как пишет Альфрид Лэнгле, основоположник такого психоаналитического направления, как экзистенциальный анализ: «с практической точки зрения феноменология – это средство, которое мы выбираем в ситуациях, где отсутствует ясность в восприятии, в принятии решения и в ориентировании» [2. С. 115]. Что такое ясность восприятия?

За примером мы обратимся к исследователю, не являющемуся профессиональным психологом или философом, автору научно-популярного бестселлера «Семь навыков высокоеффективных людей» С.Р. Кови, многие из выводов которого базируются на принципах гуманистической психологии. Пытаясь объяснить причину определенной ригидности нашего сознания для каких-то изменений и сдвигов, ригидность часто проявляющуюся именно в коммуникации, в ситуациях конфликта, Кови приводит в пример популярные картинки, где одновременно изображены и молодая и пожилая женщины, которых можно рассмотреть сменив угол зрения или точку восприятия. Не всегда удается сразу обнаружить двойной потенциал изображения, и может сложится впечатление, что над вами издеваются, указывая на эту картинку и говоря, что на ней изображена старуха, хотя вы видите молодую женщину. Таким образом, «каждый из нас склонен считать, что видит явления такими, каковы они в действительности, т.е. что он объективен. <Однако...> мы видим мир не таким, каков он есть, а таким, каковы мы сами, – или же таким, каким мы настроены его видеть» [З. С. 42]. Подобный пример, только с кроликом и уткой, приводил известный феноменолог аналитического направления Д. Фоллес达尔 в статье «Гуссерль об очевидности и обосновании». Этим примером Фоллес达尔 пытался проиллюстрировать проблему неоднозначности восприятия на языке ноэтико-ноэмматических структур, сводя ее к установлению невозможности фундаменталистского способа обоснования знания в рамках феноменологической парадигмы.

Обратившись к этим двум примерам, мы можем сформулировать ту проблему, которая составляет цель этих тезисов. Поскольку тема для нас новая, постольку вполне естественно, что формулировка проблемы и составляет цель работы. Итак, пассаж Кови нам полезен тем, что достаточно ясно и просто задает векторы дальнейших тематических затруднений феноменологической работы с восприятием, среди которых интересующий нас – мир такой, каким мы настроены его видеть. Нашей

исследовательской интуицией является вопрос к этой настроенности восприятия; более точная формулировка – не находится ли интенциональность под воздействием каких-то метафакторов? И какова природа этих факторов? Ответы на эти вопросы важны в плоскости психологии. Упоминание Фоллесдаля было необходимо для установления важности эпистемологической настроенности в вопросах обоснования знания, что актуально для философии. Суммируя эти позиции, можно сформулировать ряд гипотетических положений, актуальных в междисциплинарном плане. Мы предполагаем, что можно вести речь о следующих метафакторах, оказывающих влияние на интенциональность:

1. **Нормирование**, которое мы интерпретируем как способность или потребность сознания в формировании своего рода автоматизмов, обусловленных потребностью «экономии мышления». У Гуссерля понятия нормы и нормативности отсутствуют по причине универсального характера этих явлений, для потребностей феноменологии он вводит понятие «нормальности» как феномена [4] (особый интерес для нас представляет трактовка нормальности в поздней феноменологии [5], [6]). Нормирование в этом отношении можно понимать как своеобразную арматуру, состоящую из интенционального опыта, который прекратил свое развитие по разного рода причинам, но в то же время оказывает выраженное конститутивное действие на восприятие.

2. **Рационализация** – это вполне естественный метафактор, суть которого заключается в интеллектуализации любого опыта. Это метафактор нам важен для проблематизации усвоения опыта: рационализация может быть 1) корректной, когда опыт переходит в область суждения будучи адекватно и удовлетворительно концептуализированным и 2) некорректной, когда опыт интеллектуализируется искаженным образом (в этом и проходит расхождение между понятием бессознательного в психоанализе и интенциональным опытом в феноменологии, в которой понятие бессознательного не принимается, а есть место неадекватно воспринятыму опыту (например, в силу возраста,

каких-то социальных установок, уровня развития научного знания и т.п.)).

3. Сравнение, различие. Этот метафактор отсылает нас к такой аристотелевской предикабилии как род и видовое отличие. Также в более современном контексте можно указать на работы Ж. Деррида [7] и В. Молчанова [8], где различие понимается как первичный опыт сознания. Для нас этот метафактор важен как диалектический нормированию, т.е. как структура, обеспечивающая сдвиги в нормировании и дающая толчок к процессу корректировки опыта.

Литература

1. Гайденко П.П. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистическая категория трансценденции // Современный экзистенциализм. М., 1966. С. 77–108.
2. Лэнгле А. Феноменологический подход в экзистенциально-аналитической психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 110–129.
3. Кови С.Р. Семь навыков высокоеффективных людей: Мощные инструменты развития личности / пер. с англ. 13-е изд., доп. М.: Альпина Паблишер, 2018. 396 с.
4. Husserl E. Die Allgemeine Idee der Wissenschaftstheorie // Logik und Allgemeine Wissenschaftstheorie Vorlesungen 1917–1918 (Husserliana: Gesammelte Werke; Bd. 30). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1996.
5. Husserl E. Die Lebenswelt Auslegungen der Vorgegebenen Welt und ihrer Konstitution Texte aus dem Nachlass 1916–1937 (Husserliana: Gesammelte Werke; Bd. 39) / Herausgegeben von Rochus Sowa. Springer, Dordrecht, 2008.
6. Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität (Husserliana: Gesammelte Werke; Bd. 15. Dritter Teil / Herausgegeben von Iso Kern. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1973.
7. Деррида Ж. Differance // Гурко Е. Тексты деконструкции. Томск: Изд-во «Водолей», 1999. С. 124–158.
8. Молчанов В.И. Различие и опыт; феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. 328 с.

М.Н. Варламова

Государственный университет аэрокосмического приборостроения
(Санкт-Петербург, Россия)
boat.mary@gmail.com

ДУША КАК ПРИЧИНА ЭМБРИОГЕНЕЗА У АЛЕКСАНДРА АФРОДИСИЙСКОГО

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-011-00094 «Проблема соотношения разума, души и тела
в позднеантичных комментариях на Аристотеля»*

Обсуждая способности питательной души, а именно – питание, рост и порождение, Александр называет способность порождения наиболее совершенной из указанных. Процесс порождения подобен процессу питания и включает в себя три части: душа причиняет движение питания, тело осуществляет это движение, а пища, будучи подлежащим питания, превращается из неподобного в подобное, т.е. из пищи, поступающей через рот, в кровь, которая питает все члены тела [1. 36, 10–12]. По аналогии с питанием Александр указывает на три части процесса порождения: есть то, что является причиной порождения, то, чем движет эта причина и с помощью чего происходит возникновение – тело родителя и семя, и то, что порождается – живое существо, подобное родителям по виду. Если питание и рост осуществляются благодаря теплу и крови, которая и есть последняя пища животного, то порождение осуществляется благодаря семени. Семя возникает из последней пищи, т.е. из крови, при воздействии способности к питанию, и является наиболееенным продуктом питательной души, и именно с помощью семени душа производит возникновение [1. 35.26–36.5].

Питательная душа не только служит для возникновения семени, но и присутствует в семени как возможность, которая, получая пригодную материю, становится причиной формирования эмбриона после зачатия: именно питательная душа становится причиной составления тела животного, также как

причиной его бытия, развития и роста [1. 36,19–21, см. также 1. 32,1–5; 36,21–37,3; 2. 311,12–14]. При этом Александр, как кажется, определяет существо эмбриона двояким образом: с одной стороны, он говорит о том, что в эмбрионе действует питательная душа и он переваривает пищу и растет из самого себя ($\epsilon\acute{\xi}$ αὐτοῦ), т.е. посредством собственных органов, а значит, ведет растительную жизнь [1. 36,22–37,3]. С другой стороны, он указывает, что плод живет лишь как часть родителя, и сам по себе «не оказывается ни животным, ни просто живым» [1. 38,4–8; см. также 1. 74,15–23].

Является ли плод в утробе живым? Жизнью называется питание и рост, которые тело осуществляет из самого себя. Плод получает пищу от матери, но переваривает ее с помощью собственных органов, поэтому можно сказать, что он питается через самого себя, а значит – живет. Плод также движет частями тела, что является признаком животной жизни, но Александр считает, что плод движется не сам по себе, но как часть родителя, и потому он не является животным сам по себе и даже, будучи животным по виду, не может считаться живым сам по себе, поскольку не ведет жизнь, которая соответствует его органической структуре. Итак, в эмбрионе действует только растительная душа. Почему же растительная душа становится причиной формирования органической структуры животного или человека?

Возникновение под воздействием питательной души происходит не случайным образом, но ради определенной цели, поскольку природа всегда действует ради чего-то – ради порождения подобного по виду и участия в вечном и божественном через продление бытия вида [1. 32,11–14; 1. 36,16–17]. Согласно Симликию, Александр связывает последовательность возникновения с видовой природой, которая содержится в семени наряду с питательной душой. Александр (а также и Симпликий) определяет природу как $\alpha\acute{\lambda}o\acute{y}\oslash\delta\acute{u}n\acute{a}m\acute{c}$ – как силу, которая действует ради цели, но стремится к этой цели не в результате решения, выбора, знания или искусства, т.е. не в

результате некоторого логоса, но по необходимости [2. 310.25–311.1]. Именно поэтому неразумная сила природы не имеет альтернатив и действует лишь в одном направлении и лишь в одной возможной последовательности, как в случае автоматов: одна часть движет другую, вторая – третью и т.д., последовательность движения этих частей неизменна. Целью природного развития Александр называет форму или природу вида, существующую в родителе. Поскольку неотделимая форма органического тела – это душа [1. 17.9–17.15; 5. Р. 356–358], то природа вида – это и есть его животная (или разумная) душа как форма определенной актуально живущей особи, и именно эта форма в материи является формальной причиной или образцом для возникновения нового существа того же вида [2. 311.1–7; 3. Р. 7–8, 11; см. также 5. Р. 359]. Видовая форма или природа действует в родителе, но находится в возможности в эмбрионе, и цель порождения состоит в переходе этой возможности в действительность, т.е. в том, чтобы природная форма или душа в эмбрионе стала из возможности актуальным состоянием ($\epsilon\xi\varsigma$), или первой энтелехией сформированного тела. Рассуждая о душе как состоянии ($\epsilon\xi\varsigma$), Александр сравнивает обладание душой как первой энтелехией с обладанием некоторым искусством, например, искусством борьбы или игры на флейте [1. 23.6–24.4; 4. Р. 551–553]. Продолжая это рассуждение, формирование эмбриона под воздействием родителя можно сравнить с научением какому-либо искусству: ученик, еще не обладающий искусством как первой энтелехией, овладевает необходимыми навыками под воздействием учителя. В это время искусство находится в ученике в возможности (он может научиться, поскольку он человек), а в учителе – в действенности, и ученик движется под действием формы, которая находится в учителе. Также и душа как природная форма вида находится в родителе в действенности, а в эмбрионе – лишь в возможности. Сам по себе эмбрион действует лишь в силу растительной души, но, будучи животным по природе, он движется под воздействием родительской души, которая является формальной причиной и целью

этого движения, именно поэтому Александр говорит, что эмбрион живет лишь как часть родителя.

Литература

1. Bruns I., ed. *Alexandri De anima Liber cum Mantissa // Alexandri Aphrodisensis Praeter Commentaria Scripta Minora*. Vol. II. Part 1. Berlin: Reimer, 1887.
2. Diels H., ed. *Simplicii in Aristotelis physicorum libros quattuor priores commentaria*. CAG, IX. Berlin: Reimer, 1882.
3. Henry D. *Embryological Models in Ancient Philosophy // Phronesis*. 2005. Vol. 50. 1. P. 1–42.
4. Mittlemann J. *Neoplatonic Sailors and Paripatetic Ships: Aristotle, Alexander and Philoponus // Journal of the History of Philosophy*. 2013. Vol. 51–4. P. 545–566.
5. Moraux P. *Der Aristotelismus bei den Griechen*. Vol. 3. Berlin: Walter de Gruyter, 2001.

В.И. Вовченко

tovsteinshmuell@gmail.com

«НОВИЗНА» В ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И Ж. ДЕЛЁЗА

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00582
«Метод позднего Витгенштейна: сведение (девальвация) традиционных
проблем метафизики к философской головоломке».*

«Дело в том, что философские проблемы возникают, когда язык пребывает в праздности»
Л. Витгенштейн «Философские исследования», параграф 38.

Согласно Витгенштейну, философия является практикой, а не учением. Это истинно как для «раннего», так и для «позднего» Витгенштейна. Задача философии – предъявлять, а не «высказывать тезисы», поскольку она возможна до всякого нового «открытия» или обнаружения очередного факта. Философия хранит новизну опыта иным способом, нежели наука: она снимает заикленность нашего внимания на кажущихся проблемах, но не *уходит* от них, а указывает основание их возникновения, «скрытое» в повседневности. Форма указанного «скрытого» есть «явленное», лежащее на поверхности.

Перенаправляя наше внимание на то, что обычно не бросается в наши глаза именно в силу «привычности», философ распутывает путаницу, освобождает нас от власти «привычного», показывает его внутреннюю подвижность и открытость. Философское исследование не служит последующей регламентации языка. Оно оставляет «*все, как есть*». Именно подобное высказывание заставляет Делёза и ряд других авторов считать Витгенштейна «консервативным мыслителем».

Для Делёза философия – это создание концептов (в отличие от функций науки и перцептов искусства). «Творчество» для французского философа выступает алиби от обвинений в консервативности. Как и для Витгенштейна, философия в трактовке Делёза существенно связана с «не-философским измерением»: концепты позволяют не стать жертвой регламентации, не стать пустым носителем какого угодно «желания» («сущность» власти в отчуждении нашей способности сопротивляться – нашей *неспособности*), не стать машиной, производящей и принимающей «репрезентацию» в противоположность реализации некоей «продуктивности». *Сами проблемы философии ставятся не-философией* – философия лишь специфическим образом на них отвечает. Согласно Витгенштейну, философская проблема возникает из праздности языка и призвана положить конец этой праздности, т.е. разрешив некоторую головоломку, вернуть выражению его *применимость*. Возвращение применимости предполагает «освобождение» от торможения привычными способами говорения определенного рода (конкретной) практики, которой игра языка никогда не отделена и с которой она составляет единое целое. Витгенштейн («поздний») неслучайно заявляет, что философия начинает работать «начисто» – так, будто в этом мире еще ничего не было написано. В этом реализуется максима Витгенштейна: «Не думай, а смотри!»

Философию Витгенштейна легко уличить в «антиидеологичности» (идеологии «наоборот»), т.е. в разоблачительном пафосе и в сопутствующей той зависимости от всегда уже высказанного. Она якобы непродуктивна, лишена творческого

измерения, соединяющего хаос и порядок в непротиворечивом единстве. Действительно, Витгенштейн не желает производить некое частное «новое», однако тем самым открывает нам почву для любого нового, на которое способен язык, вплетенный в человеческую практику. Если язык – это совокупность родственных языковых игр, в которых единственной «универсалией» остается сама практика языка, то любое «внефилософское» пространство потенциально оказывается источником «сингулярного» концепта. Более того, лишь «оставляя все, как есть», а не обедняя наши способы выражения и не запутывая нас и дальше, философия соучастует в расширении «города» нашего языка, дополняемого новыми языковыми (и, следовательно, «практическими») улицами, фабриками, жилыми домами и т.д.

Согласно Делёзу, необходимым условием создания нового концепта оказывается либо изобретение нового слова, обозначающего концепт, либо трансформация, «остранение» значения уже существующего. Непониманием этого движимы все «сурвые критики» философии, которые обвиняют последнюю в темноте стиля. Это не более, чем враждебность, порождаемая глупостью. Вспоминается фраза Витгенштейна из «Культуры и ценности»: «Коли то, что ты пишешь, трудно понять, – значит ты плохой философ? Будь ты лучшим философом, ты сделал бы трудное легким для понимания. – Но кто сказал, что это возможно?! (Толстой)».

Встает вопрос: каким образом можно изобрести новое или изменить уже существующее, не оставив прежде все таким, какое оно есть? Как можно изменить (лингво-прагматическую) «грамматику» слова, не заметив наличной грамматики? Для Витгенштейна философия – это о «заметить», а не о «создать». Но порой для «замечания» необходимо «творчество». Таким образом, не будучи внутренней целью философии, творчество концептов может служить реализации данной цели (необязательное сравнение: подобно тому, как «представление»,

не будучи значением слова, может служить постижению его значения).

Не желая отдавать новизну взгляда, поступка, события продукционистской одержимости, Витгенштейн оставляет нетронутым многообразие нового. Делёз садит «новое» на цепь креативной мощи, которая в квазиспинозистском духе определяется соединением мощи некоего множества (понятно, что речь не идет обязательно о людях). Отсюда вытекает надежда Делёза на сообщество («шизофреников», «параноиков»). Витгенштейн, в свою очередь, считает, что самые важные различия проходят не по линии сообщество/индивиду, а значит совокупная креативная мощь производительного сообщества не компенсирует нехватку восприимчивости к новому со стороны отдельного. Самое главное производство – это производство «свежего взгляда», свободного от очарования (не)повседневным языком.

Вопреки точке зрения многих, Витгенштейн не фетишизирует повседневный язык, т.е. не берет его в качестве своего рода «идеального языка» в рамках позднего периода творчества (т.е. в качестве образа нашей грамматики, позволяющего «исправлять» философское словоупотребление; Витгенштейн ничего не исправляет – он настаивает на том, что философское словоупотребление должно начинаться как не запутывающее; лишь в этом внутренний «норматив» философии). Скорее, он напоминает об осуществляемой нами фетишизации языка, седimentированного в привычных практиках и мешающего заметить новое в нашем настоящем (а не только лишь всегда подлежащего «производству»).

Литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. I.

Л.Г. Дьяконова

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
ladya4@mail.ru

ПРЕДЕЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ АНТИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОТВЕТА НА МОРАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

На современном этапе развития цивилизации, в эпоху глобализации и технократии, человечество все чаще стало задаваться вопросами о мере допустимого вторжения технологий в сознание людей и природу, задаваясь проблемой поиска ценностных оснований, гарантирующих человечеству сохранность и стабильность. Вопрос этики всегда был одним из неоднозначных вопросов философии – сколько целостных учений, столько и представлений о морали в рамках этих учений. Мораль, представленная в гедонистическом учении, отличается от морали аскетической (кинической).

В эпоху инновационных технологий, направленных на создание определенных модулей, облегчающих жизнь людей, но при этом наносящих ущерб природе, экологии, стираются границы в понимании допустимого и невозможного. Это отражается на снижении чувствительности человека к вечным, а значит – подлинным категориям, а в категориях античной философии это звучало бы как стремление к «прекрасному».

Итак, вопросы этики как никогда актуальны в эпоху биоинженерии и цифровизации. Вопросами морали в современном мире озабочена новая современная наука – биоэтика, напрямую столкнувшаяся с релятивизмом морали. В поисках истины эксперты обращаются к нормам права как закону, гарантирующему должное поведение и соблюдение человеческого достоинства, пытаясь взять его за основу. Однако правовая база отстает от современных новаций и не успевает справиться с новыми возникающими биоэтическими ситуациями. Возникает необходимость

в новых философских подходах к вопросам морали, а следовательно – этике.

Развитие философской мысли прямым образом связано с дискуссиями на тему роли и места категорий этического и рационального с поиском критериев добродетельного. По сути вопроса, предлагается обратиться к рациональности, которая озабочена поиском ценностных оснований, гарантирующих человечеству сохранность и стабильность. База на которой основывается эта рациональность – это ценностный подход человека к жизни в целом с позиции созидания или разрушения.

О необходимости зарождения нового типа мировоззрения и типа рациональности указывали ряд ученых, философов таких, как В. С. Степин «Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая классика», М. Мамардашвили «Философствование как особый акт осмысления мира и себя в нем», А. Макинтайр «После добродетели», основоположник Брюссельской школы И. Пригожин «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой».

К вышеозначенной проблеме мы подходим через гипотезу, что идеальные константы находят свое отражение в сознании людей и формируют определенный взгляд на мир в тенденциях целостности или разрушительности. Таким образом, существование идеальных ориентиров как неких неизменных констант в сознании людей формирует определенный тезаурус, на основании которого человек выстраивает свои цели и мотивации.

Наш современник, философ В.Г. Мушич-Громыко в статье «Философия современных технических и технологических нововведений» указывает на форму типологизации бытия от категории «намерение», которая в последующей типологизации превращается в предельные типологические формы с определенными свойствами. Намерения как продукт деятельности сознания человека связан с той или иной формой рационализации по отношению к правде или лжи. В намерении считывается категория отношения: «созидание и разрушение находятся в прямой связи с понятиями «правда» и «ложь», а далее – с поня-

тиями «ответственность» и «безответственность» [1]. Отношение и намерение формируют определенный инвариант, реализующийся в предельную рациональность.

Соответственно речь идет о существовании такого типа мировоззренческой рациональности, которая имеет под собой инвариантные основания, заключающиеся в предельно-ценостном отношении к миру, с позиции «сохранности» или «разрушения».

В поисках оснований таких отношений мы предлагаем обратиться к философии античной Греции, к основным этическим понятиям, которые, на наш взгляд, обладают определенной степенью рационализации. Нам представляется интересным исследование влияния идеальных ценностных представлений в сознании людей на отношение человека к миру с позиции долженствования. Предельное созидание предстает как процесс, направленный на упорядочивание единиц системы и обеспечивающий гармонию и красоту в отношениях единичного и целого. Следовательно, следя логике, должны существовать такие свойства и основания, которые могут служить критериями устойчивости и стабильности. В данном ключе представляется продуктивным обратиться к античным размышлениям: о гармонии; о прекрасном; о добродетельном; о сущности вещей; о Космосе.

Через онтологию категорий добра и зла, в пределе выражющихся в созидании или разрушении, мы стремимся к раскрытию связи категорий нравственно-этических с рационально-обоснованными. Предполагаем, что указанный подход с позиции этики долженствования может служить инструментом в оценке тех или иных научных новшеств, технологий, событий, интеллектуальных схем.

Литература

1. Мушич-Громыко В.Г. Философия современных технических и технологических нововведений // Вестник СГУГиТ. 2013. № 1. С. 105–112.

И.И. Дятлов

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
i.diatlov@g.nsu.ru

ПЫТКИ И ДИСКУССИЯ О «ГРЯЗНЫХ РУКАХ» В СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКЕ

1. Что такое проблема «грязных рук»?

Проблема грязных рук имеет давние философские корни и длительную историю, которые здесь не рассматриваются. Для этого следует ознакомиться с исследованием Джона Пэрриша [6], который проследил эту традицию через Платона до Адама Смита.

Знаменитый американский философ Майкл Уолцер опубликовал в 1973 году статью с одноименным названием (*Political Action: The Problem of Dirty Hands*) [9], чем реанимировал старые дискуссии по данному вопросу. Название своей статье Уолцер позаимствовал у пьесы Жан-Поля Сартра «Грязные руки» (в другом переводе – «Грязными руками»).

В этой же статье философ предложил знаменитый мысленный эксперимент, который стал не только отправной точкой для дебатов о **DH** (*Dirty Hands*), но и о пытках (*ticking bomb scenarios – TBS*). Мы должны представить себя на месте избранного политического лидера, который занимает свой офис в напряженной обстановке национальных и колониальных противоречий. Прибывая в колониальную столицу на переговоры об условиях отделения колонии от метрополии, политик сталкивается с труднейшим выбором в начале своей карьеры: пойман один из террористов, который знает (или возможно знает) где заминированы бомбы вокруг столичных построек. Эти бомбы взорвутся в ближайшие 24 часа. В мысленном эксперименте политик отдает приказ о санкционировании пыток, хотя убежден в абсолютной неприемлемости и моральной недопустимости их. Свой приказ он мотивирует тем, что он должен это сделать, иначе от взрывов погибнет множество невинных людей.

Оригинальную структуру проблемы, представленную Уолцером в статье 1973 г. можно кратко изложить следующим образом:

а) любая политическая активность имплицитно подразумевает совершение морально неприемлемых поступков. Любые политические и военные элиты неизменно будут оказываться в ситуации, где им не избежать аморальных действий, включая целенаправленные убийства невинных людей;

б) существует особый класс ситуаций, когда акторы сталкиваются с оппозицией между абсолютными запретами (пытать людей нельзя) и «чрезвычайными обстоятельствами» (*emergency circumstances*). Актор сталкивается с необходимостью преодолеть моральные запреты без отрицания реальности самой моральной дилеммы. Мы знаем, что запрет на пытки и убийства настолько фундаментален, что даже будучи уверены в правильном поступке (как политик, одобравший пытки), мы чувствуем моральную вину и глубокую ответственность за принятое решение или совершенный поступок;

в) в данных обстоятельствах с неизбежностью происходит реанимация консеквенциалистского мышления. Иначе говоря, данный класс ситуаций подразумевает утилитарную калькуляцию ущерба и последствий, в свете которых фундаментальные моральные ограничения на безнравственные поступки не могут перевесить ужасных обстоятельств, в рамках которых приходится принимать решение. Как об этом упоминает сам Уолцер, пересказывая Макиавелли в краткой и сжатой формуле: «*when the act accuses, the result excuses...*» [9. Р. 175].

2. Дальнейшие дебаты

За прошедшие 50 лет дебаты вокруг **ДН** существенно расширились и обрели внятные очертания, а также своих лидеров. Можно кратко перечислить основные направления споров:

а) Методологические споры. В рамках данной ветви дебатов ведутся активные споры о том, насколько убедителен данный мысленный эксперимент про пытки и что он дает для решения прикладных этических головоломок. Критика [4; 1]

сводится к тому, что всякий мысленный эксперимент порождает двойную реальность (одни критерии для идеальных случаев, другие – для реальных) и потому мало пригоден для решения прикладного (*applied*) вопроса о пытках. Защита [3] утверждает, что всякий мысленный эксперимент является своего рода «интуитивным насосом», который позволяет нам находить важные контрпримеры к нашим общим интуициям и внятно эксплицировать затруднения.

б) Дебаты о последствиях. В основном дискуссия концентрируется вокруг того, является ли легализация и институционализация пыток «скользкой дорожкой» [5], или же инструментом, который можно контролировать, поскольку он введен в правовые рамки [2].

в) Процедурные споры. Можем ли мы доверять декларируемым целям пытки от лица государства? Будет ли пытка лишь средством извлечения информации [8], или же соблюдение этого критерия невозможно? [7]

г) Деонтологические запреты. Нарушает ли пытка какие-либо существенные деонтологические ограничения? Если да, то каким именно критериям она не соответствует? По мнению автора, именно здесь на текущий момент происходят самые интересные и содержательные дебаты в рамках аналитической этики. Эти дебаты инициировал философ Генри Шу, который в своей статье [7] выдвинул возражение от «честной схватки» (*fair fight*).

Литература

1. Brecher B. Torture and the Ticking Bomb. Oxford: Willey-Blackwell, 2007.
2. Dershowitz A. Should the Ticking Bomb Terrorist Be Tortured? // Why Terrorism Works. New Haven: Yale University Press. P. 132–168.
3. de Wijze S., Beck S. Interrogating the ‘Ticking Bomb Scenario’: Reassessing the Thought Experiment in advance // The International Journal of Applied Philosophy. 2015. Vol. 29. № 1. P. 53–70.
4. Finlay C.J. Dirty Hands and the Romance of the Ticking Bomb Terrorist: a Humean account // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2011. Vol. 14. № 4. P. 421–442.
5. Kleinig J. Torture and Political Morality // Politics and Morality / Ed. by I. Primoratz. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 209–227.

6. *Parrish J.M.* Paradoxes of Political Ethics: From Dirty Hands to the Invisible Hand. New York: Cambridge University Press. 2007.
7. *Shue H.* Torture // Philosophy & Public Affairs. 1979. Vol. 7. № 2. P. 124–143.
8. *Waldron J.* Torture and Positive Law: Jurisprudence for the White House // Columbia Law Review. 2005. Vol. 105. № 6. P. 1681–1750.
9. *Walzer M.* Political Action: The Problem of Dirty Hands // Philosophy & Public Affairs. 1973. Vol. 2. № 2. P. 160–180.

К.Н. Евдокимова

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
namnamki@mail.ru

ПРОБЛЕМА МЕТОДА В ФИЛОСОФИИ Ж.-П. САРТРА

Тема метода актуальна в философии со времен Античности. Важное место принадлежит ей и в философии Ж.-П. Сартра. У него особую актуальность она приобрела в период его увлечения марксизмом и усилий осуществить синтез марксизма с экзистенциализмом. Влияние марксизма на Сартра – это этап творчества, который начинается примерно с 1950 г., когда философ обращается к такой важной теме, как отчуждение.

Исследованию проблемы метода Сартр посвящает не совсем объемную, но очень важную по своему содержанию работу этого периода под названием «Проблемы метода» (1957). Данная работа послужила предисловием к важнейшему труду после «Бытия и ничто» (1943) в его философском творчестве – «Критика диалектического разума» (1960 и 1985). Соответственно, в «Проблемы метода» Сартр уже намечает свои основные методологические идеи, детальную разработку которых он осуществляет далее в «Критиках». Также труд «Проблемы метода» является очень важным звеном в его обращении к философской антропологии и конечно же к попытке синтеза марксизма и экзистенциализма. Данный синтез в своем роде так или иначе является главной составляющей в разработке им метода. Такой метод сочетает в себе основные посылы как экзистенциализма, так и марксизма. Сартр говорит о

своем методе, как о методе, при помощи которого можно изучать историю не только всего, но и историю человека как такового и последнее более важно для философа. На протяжении всего труда «Проблемы метода» Сартр также решает вопросы, которые касаются проблемы философии в целом, а именно: «Если философия должна быть одновременно тотализацией знания, методом, регулятивной идеей, наступательным оружием и языковой общностью; если это “видение мира” есть вместе с тем орудие разрушения прогнивших обществ; если концепция, созданная одним человеком или группой людей, становится культурой, а порой и сущностью целого класса, то очевидно, что эпохи философского творчества редки. Между XVII и XX веками я вижу три такие эпохи; обозначу их именами знаменитых мыслителей: есть “момент” Декарта и Локка, “момент” Канта и Гегеля и, наконец, Маркса. Эти три философии становятся, каждая в свой черед, почвой всякой частной мысли и горизонтом всякой культуры, они непреодолимы, т.к. не был преодолен исторический момент, выражением которого они являются» [1. С. 11–12]. Такие смелые заявления делаются философом на протяжении почти всего его труда, что впоследствии стало предметом критики со стороны левых и правых марксистов. Прежде всего критике подверглись усилия Сартра осуществить синтез марксизма и экзистенциализма. По мнению многих ни о каком синтезе не могло идти и речи, он оценивался как несостоятельный, а усилия реализовать его – как полный абсурд. Но, по нашему мнению, такая оценка страдает односторонностью. Дело в том, что Сартр брал методы философов-марксистов, предлагал им альтернативу или пытался полностью изменить. А это, так или иначе, уже проявление его усилий осуществления их синтеза.

Сартр не только предпринял усилия по осуществлению синтеза марксизма и экзистенциализма как фундамента при изучении человека, но и добавил к этому философскую антропологию. Философскую антропологию он продолжил применять и в дальнейшем, когда начал заниматься и разрабатывать на ее

основе биографический метод. Используя философскую антропологию, Сартр говорит о ней противоречиво: «Но постольку, поскольку антропология на определенной ступени своего развития обнаруживает, что она отрицает человека (вследствие упорного отрицания антропологизма) или же предполагает его (как этнология в каждый момент предполагает факт), она неявно требует знания того, каково бытие человеческой реальности. Существенное различие и противоположность между этнологом или социологом – для которых история очень часто является только движением, расстраивающим выстроенные ряды, – и историком – для которого само постоянство структур есть беспрерывное изменение – проистекают не столько от различия в методах, сколько от более глубокого противоречия, затрагивающего самый смысл человеческой реальности. Если антропологии необходимо стать организованным целым, то она должна преодолеть это противоречие, источник которого находится не в знании, а в самой действительности, и конституироваться как структурная и историческая антропология» [1. С. 155–156]. Сартр разрабатывал свой метод для изучения всего посредством диалектики природы и детерминизма, чего, по его мнению, было много в марксизме. Вместе с тем им была предложена новая трактовка философской антропологии. А именно, он предлагает применить экзистенциализм со всеми его плюсами как метод, который выступит альтернативой символическому, социологическому, историческому и др. методам, которые изучают человеческую реальность.

Метод, который разрабатывал Ж.-П. Сартр, нельзя оставлять без внимания, т.к. это не только повод для критики, но и несомненная значимость для историко-философского осмысления того, чем Сартр занимался в конце своего философского творчества. Проблема метода у Сартра, на наш взгляд, заключается в том, что, как и раньше, он усматривал в уже имеющихся философских учениях недостаточное внимание к индивиду и его личной истории. По Сартру, стоило еще больше внимания уделять этому самому индивиду и не вмешивать в его изучение

социум. Изучая марксизм, его составляющие, а также методы, которые основывались на марксизме, философ предлагал всему этому в качестве дополнения экзистенциализм и философскую антропологию как то, использование чего могло способствовать решению актуализированных им вопросов.

Литература

1. *Сартр Ж.-П. Проблемы метода / пер. с фр. В.П. Гайдамакова. М.: Академический проект, 2008.*

A.C. Зайкова

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
zaykova.a.s@gmail.com

«ФЕНОМЕНОЛОГИЯ» ВИТГЕНШТЕЙНА КАК АЛЬТЕРНАТИВА СКЕПТИЦИЗМУ

*Работа подготовлена по результатам исследования по гранту РФФИ,
проект № 18-311-00113*

Я. Хинтикка утверждал, что «философ обязан быть скептиком» [Цит. по 6]. Витгенштейн, на его взгляд, вполне оправдывал звание философа, – и речь здесь идет не столько про скептический аргумент, который увидел в философии Витгенштейна Кripке, сколько про позицию и даже образ мышления Витгенштейна.

Традиционно используется деление Витгенштейна на «раннего» и «позднего». Для обоих периодов можно выделить характерные черты, которые в той или иной форме соответствуют некоторым чертам феноменологического подхода.

Так, «Ранний» Витгенштейн в работе «Логико-Философский трактат» предлагал построить феноменологический язык – язык описаний, и все суждения строить именно на этом языке. М. Пекарский указывает, что «ранний» Витгенштейн воспринимал феноменологию прежде всего как начальный способ, или же отправную точку взаимодействия с миром, и приводит в поддержку своей точки

зрения следующие цитаты из работ Витгенштейна: «Физика, в отличие от феноменологии, требует устанавливать законы. Феноменология же только устанавливает возможности». И далее: «Феноменология могла бы стать грамматикой, стоящей за описанием фактов, на основе которых физика строит теории... Каждое объяснение предполагает описание» [Цит. по 7]¹.

Тем не менее, поздний Витгенштейн отринул идею феноменологического языка. Вместо этого он сосредоточился на изучении того, как выглядят и работают языковые явления. И здесь – в том, как он описывает работу языка, – видна определенная склонность к феноменологической позиции. В.У. Бабушкин настаивает, что в «Философских исследованиях» Витгенштейн придерживается описательной феноменологии, поскольку он отдает предпочтение «не теории языковой деятельности, а описанию того, как практически функционирует язык, как он “работает”» [1], – а описание того, как в различных ситуациях употребляются языковые выражения, по мнению Бабушкина, это и есть разновидность описательной феноменологии.

Впрочем, Бабушкин не единственный, кто отмечает сходство некоторых взглядов Витгенштейна и позицию феноменологии. Суровцев, Борисов и Ладов отмечают, что «в области теории значения позиция “аналитика” Витгенштейна (периода “Философских исследований”) настолько близка позиции “феноменолога” Хайдеггера (периода «Бытия и времени»), что можно говорить о единой теории значения Витгенштейна – Хайдеггера, при том что Витгенштейн достаточно радикально расходится с такими “аналитиками”, как Фреге или Патнэм» [2].

Более того, некоторые исследователи полагают, что позиция «позднего» Витгенштейна в вопросе о теории значений близка

---

¹ «...physics is different from phenomenology in that it wants to establish laws. Phenomenology only establishes possibilities» (Wittgenstein, 1998–2000, MS 105, 5);

“...phenomenology could be the grammar behind the description of the facts upon which physics builds its theories... Still, every explanation presupposes a description” (Wittgenstein, 1998–2000, MS 105, 6).

не только к Хайдеггеру, но и к позднему Гуссерлю, основателю феноменологии. Убеждения Гуссерля, что именно в горизонте интерсубъективности и происходит смыслоконституирование, кажется, имело на Витгенштейна настолько прямое влияние, что Ладов задается вопросом: «Разве все это не похоже на витгенштейновские идеи о “языковых играх”, о “формах жизни”? Там утверждается как раз то, что генератором значений оказывается не субъект, а именно сообщество в целом. Но тогда получается, что, собственно, эта идея уже была представлена в феноменологии и Витгенштейн ее не только никак не опровергает, но, напротив, следует ей» [5].

Действительно, в ряде случаев близость Витгенштейна к феноменологии очевидна, хоть в большей степени он и принадлежит лагерю аналитической философии. Однако здесь стоит добавить еще одно замечание. Если «Логико-Философский Трактат» был написан в духе аналитической философии, то даже сама структура и манера его «поздних» работ – где больше вопросов, чем четких ответов, – пронизана феноменологическим и скептическим принципом *эпохē* – воздержании от суждений.

Таким образом, вышесказанное можно понять следующим образом. Витгенштейн, будучи в определенном смысле скептиком, в ряде случаев использует феноменологический метод, прежде всего, для описания мира (как можно заметить по «Логико-философскому трактату») или для работы со смыслом (как можно увидеть в «Философских исследованиях»). Такой подход выступает альтернативой скептицизму и позволяет говорить о реальном знании, пусть и исключительно по принципу *эпохē*.

Литература

1. Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки: критический анализ. М.: Наука, 1985. 189 с.
2. Борисов Е.В., Ладов В.А., Суровцев В.А. Язык, сознание, мир: очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. Вильнюс, ЕГУ, 2010. 156 с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008.

4. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994.
5. Ладов В.А. Витгенштейн versus Гуссерль // Вестн. Том. гос. ун-та. 2004. № 282. С. 49–55.
6. Наранович С. Правила жизни Л. Витгенштейна // Логос. 2014. № 1 (97). С. 240–242.
7. Piekarski M.I. Language, description and necessity. Was Wittgenstein's phenomenology a Husserlian phenomenology? // HORIZON. 2017. № 6 (1). P. 45–57.

А.С. Кондакова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
alyshek@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ПЕРСПЕКТИВЫ «ПЕРВОГО ЛИЦА» КАК ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ,
проект № 17-18-01440 «Антropологическое измерение истории философии»*

Разворот в сторону сознания, крутой изгиб которого вызван не в последнюю очередь рядом достижений в нейронауках, реактуализировал проблему субъекта познания и, в частности, перспективизма как выражения непосредственной причастности субъекта к производству знания, а критический поворот оформил, так называемый, корреляционизм, т.е. осознанную методологическую неразделимость действительности и ее осознания [4. С. 11–12]. Так, по сей день мы имеем дело с рядом философских направлений и дисциплин, засвидетельствовавших потребность во внутреннем нарративе сознающего, т.е. от «первого лица», такими как герменевтика, философия сознания, феноменология и экзистенциализм, а также философская компаративистика.

Справедливо, на наш взгляд, историческое замечание Мишеля Анри о том, что, ввиду наследования европейской философией греческого определения человека через мышление,

в ней на протяжении почти всей ее истории отсутствовал феномен жизни как таковой [1. С. 179], что не могло не отразиться на статусе субъекта познания, который, в силу такой рафинированности, мыслил себя экологически, а сам мир – в отсутствии себя. Но появившись на философской арене, жизнь, сперва голая и безличная, все более персонализируется и находит себя в качестве методологического измерения в перспективе «первого» и «третьего» лица. Перспективистская установка здесь предполагает два вектора развития познания: во-первых, взаимодействие первого и второго лиц – «я – ты», т.е. диалогический дискурс, предлагающий всевозможные способы вовлечения другого; во-вторых, взаимодействие первого и третьего лиц – «я – он», культуроцентрированный дискурс, охватывающий все аспекты взаимопроникновения культуры и индивида, но в удалении от европоцентристской парадигмы, т.е. с позиции «когнитивной скромности» [6]. Очевидно, что, если мы говорим о проблематизации перспективы в контексте компаративной истории философии, то, в первую очередь, речь идет о втором типе дискурса, поскольку он позволяет историку философии перейти в специфичную ситуацию *сравнения*, необходимую для анализа.

Для более четкого понимания границ философской компаративистики, озвучим, пожалуй, основное ее методологическое допущение, с которого начинается сравнительный дискурс историка философии: каждый индивид представляет собой частный случай некой общности, и ситуация диалога между индивидами может быть представлена как диалог этих общностей. И историк философии тем и интересен, что существует в качестве контакта своей общности, и синапс двух общностей может осуществляться только через подобные контакты. Следовательно, сравнительный анализ в данном случае касается не единиц, что непосредственно подвергаются анализу, а множеств, которые они характеризуют, ввиду принадлежности им. При этом каждый философ, являющийся объектом анализа, представляет собой не более, чем чувствительную точку опреде-

ленной общности, к которой можно присоединить чувствительную точку другой общности (например, самого историка философии), что и приводит к такой специфичной историко-философской практике. Очевидно, что сходства внутри общности намного важнее различий, ибо таким образом высвечиваются различия между общностями, наличие или отсутствие которых является объектом исследования историка философии. В ином случае, поле кросс-культурной компаративистики сменяется на поле истории философии как истории *philosophia perennis*, объектом которой является индивидуальный вклад во всеобщий философский дискурс. Интенции подобной историко-философской практики отмечал еще Поль Рикёр: «Очень важно продемонстрировать как различные мнения сталкиваются и пересекаются, но не менее важно побороть стремление все унифицировать» [5. С. 83]. Но уточним, что именно точечное взаимодействие может быть объектом анализа лишь в том случае, если все точки даны нам в единой плоскости, каковой (планом имманенции всех точек) для философов может быть лишь философия как *история философии*.

Итак, очевидно складывание определенной диалектики истории философии, ввиду появляющегося неразрешимого противоречия в представлениях о природе философии, которая определяется либо как продукт личности (различий), либо – культур (общностей) [3]. В данной ситуации мы можем уже говорить о формировании двух противоположных векторов анализа внутри самой истории философии. Первый – сравнительный – касается любых множеств. Это может быть сравниальная философия классов, национальностей, культур, идеологии и т.д. Второй же касается субъектов как независимых источников философии. Однако, и сам историк философии, регистрируя свою *субъектность* в поле собственной историко-философской практики, может выступать в качестве *объекта* сравнительного анализа, ввиду принадлежности к определенной общности, что открывает еще один регистр философской компаративистики, где историк философии – непосредственный актор

компаративистского дискурса, лавирующий между комплиментарными перспективами первого и третьего лица [2]. Таким образом, перспективистская проблематизация в рамках сравнительной истории философии имеет действительно фундаментальное значение, поскольку задает методологические контуры последней, без учета которых невозможно ее развитие.

Литература

1. Анри М. Феноменология жизни // Логос. 2011. № 3 (82). С. 172–185.
2. Власова О.А. Перспективизм в истории философии второй половины XX века: развитие самосознания и проблематика «первого» и «третьего» лица. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7: Философия. 2019. № 3. С. 3–13.
3. Колесников А.С. Логика и методология философской компаративистики [Электронный ресурс] // Рабочие тетради по компаративистике / Гуманистические науки, философия и компаративистика. 2003. С. 3–11. URL: <http://anthropology.ru/tu/text/kolesnikov/logika-i-metodologiya-filosofskoy-komparativistiki> (дата обращения: 29.07.2020).
4. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2015. 196 с.
5. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. 160 с.
6. Степанянц М.Т. «Когнитивная скромность» Рам Адхар Малла // Vox. 2017. № 24. С. 195–203.

Ю.С. Магомедова

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
mag_ys@mail.ru

СОМАЭСТЕТИКА КАК КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

С наступлением XXI века разговоры о кризисе современного искусства и крахе традиционных эстетических представлений и ценностей стали философской рутиной. Разноязычные публикации как минимум последних двадцати лет посвящены обсуждению одних и тех же вопросов о необходимости переосмыслиния онтологического статуса искусства, эпистемологических оснований эстетики, специфики художественности. Также констатируется, что современная философия искусства

переживает новый парадигмальный сдвиг, в связи с чем предпринимаются попытки создания нового словаря по эстетике. Постепенно остывают споры о том, является ли очередной писсuar произведением искусства или нет – понимание искусства со стороны современных теорий является набором обертонов, включающим множество аспектов. На фоне общей тенденции поиска концептуальных каркасов, «паракатегорий нонклассики» (В.В. Бычков) заметно выделяется тембр американского философа Ричарда Шустермана, развивающего оригинальную эстетическую теорию с позиций неопрагматизма – эстетика, инфицированная прагматикой, превращается в сомаэстетику.

Шустерман идентифицирует себя как последователя Джона Дьюи, ученика Ричарда Рорти, а также предлагает трактовать прагматизм как плюралистическую философию культуры. Ключевыми для собственного проекта Шустермана оказываются два концепта, рождающиеся в полемике с Рорти. Во-первых, это – недискурсивное понимание и, во-вторых – опыт (также имеющий бессловесные формы) [4]. Из этих добытых кирпичиков философ строит здание сомаэстетики, заявляя о том, что он развивает и продолжает идею «философии как культурной политики» – понятие, которое было введено Рорти в последнее десятилетие его жизни (с 1996 по 2006) [3]. Шустерман полагает, что в последнем сборнике Рорти (2007 г.) понятие культурной политики является ключевым и рекомендуется в качестве стратегии, цели философии. Он полагает, что сомаэстетика – именно тот проект, который «подразумевался», и который действительно может внести существенный вклад в «продолжающийся разговор человечества о том, что ему делать с самим собой». Шустерман обращает внимание на несколько критериев, которые, согласно Рорти, отличают философию как культурную политику:

1) «Технические дебаты» в академической сфере должны быть направлены на изменение жизни людей.

2) Философия должна носить междисциплинарный характер («чем больше философия стремится к автономии, тем меньше внимания заслуживает»).

3) Главной стратегией является коррекция лингвистических практик.

По его мнению, Рорти недостаточно подробно описал характер взаимодействия философии с другими дисциплинами, а также ограничил культурную политику текстовой политикой или письмом. Шустерман приводит воспоминания о личных беседах с «самым значимым философом Америки» и делает вывод о том, что особенности его личности не позволяли выйти за пределы текстовой культуры, сориентировать философию на группы и на социум. Цель сомаэстетической программы – предусмотреть новые формы соматической осознанности, расширить границы человеческого опыта. Сомаэстетику Шустерман делит на три области – аналитическую, прагматическую и практическую. От дискурсивных практик, как полагает философ, мы должны двигаться к «реальной» практике телесных дисциплин.

Заметим, что специфика ситуации в англо-американской философии, в которой господствует аналитическая традиция, заставляет воспринимать телесно-ориентированную мысль Шустермана как новость, событие. Однако в отечественных исследованиях (как и в континентальной традиции) тема тела исследовалась и продолжает исследоваться очень активно (М. Эпштейн, Г. Тульчинский, В. Подорога и др.). Более того, период второй половины XX и первого десятилетия XXI в. даже получает название – «телоцентризм» [1. С. 216]. И поэтому мы вряд ли согласимся с утверждением Шустермана: «...современная философия слишком часто игнорирует феномен тела». Автор изобретает неологизм «сомаэстетика» для того, чтобы артикулировать особую роль тела в эстетическом опыте [2. С. 379]. Что же мыслится в этом случае под телесностью? И зачем потребовался этот акцент на греческом корне? «Поскольку термин “тело” (body) слишком часто противопоставляется разуму и

применяется к бессмысленным, безжизненным вещам, а термин “плоть” (*flesh*) имеет негативные ассоциации в христианской культуре (слово “*caro*” употребляется в латинском словосочетании “*caro putida*” – протухшее или сгнившее мясо, – прим. Ю.М.), я использую термин “сома”» – поясняет Шустерман [5. Р. 47].

Итак, отсылка к Античности позволяет автору стряхнуть отяжелевшие образы и определить тело как «живое, чувствительное, динамичное, восприимчивое и целенаправленное». Именно такое «тело» Шустерман делает основой исследовательского проекта сомаэстетики [*Ibid.*]. Подвергая критике рортианский «герменевтический универсализм», а также его преувеличенные надежды на лингвистические практики, которые рекомендуются философам в качестве единственного инструмента, позволяющего включиться в политический контекст, Шустерман конструирует нового «идола», задает новые границы философской деятельности. Однако в поисках альтернативных стратегий настолько размываются дисциплинарные границы, что философия, как представляется, на самом деле может превратиться в «ничейную землю», которую будут делить не наука с религией, а, к примеру, йога и психотерапия.

Литература

1. Тульчинский Г.Л. Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с.
2. Шустерман Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства. М.: Канон, 2012. 408 с.
3. Rorty R. Philosophy as Cultural Politics: Philosophical Papers. Vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
4. Shusterman R. Pragmatism and Cultural Politics: From Rortian Textualism to Somaesthetics // New Literary History: The Johns Hopkins University Press. 2010. Vol. 41. № 1. P. 69–94.
5. Shusterman R. Thinking through the body. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 384 p.

Д.К. Маслов

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
denn.maslov@gmail.com

ПИРРОНИЧЕСКАЯ КРИТИКА ЭВДЕМОНИСТИЧЕСКИХ ЭТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 19-411-543001

Учение и образ жизни пирронического скептика в том виде, как они представлены у Секста Эмпирика (мы не рассматриваем здесь самого Пиррона), в силу ряда причин невозможно рассматривать обособленно от теорий других ведущих эллинистических школ, Стои и Сада. Это верно как минимум в двух аспектах. Прежде всего, поскольку Секст заимствовал аргументацию догматиков для противопоставления мнений и создания воздержания от суждения. Далее, общим и ведущим вопросом эллинистических учений являлось устроение благой, счастливой жизни (т.н. эвдемонизм) и проекты находились в прямом соперничестве друг с другом [напр., см. 5. Р. 169–182]. Тем не менее, скептики неустанно подчеркивали принципиальные отличия от догматиков [см. 3]. В этой связи встает вопрос о том, какому проекту можно отдать предпочтение с точки зрения лучшего образа жизни. С учетом специфики пирронизма вопрос касается с одной стороны границ этики как теории, исследующей благо и условия морально правильной и счастливой жизни, с другой же возможности именования скептического образа жизни этическим. Разумеется, данный вопрос не может быть рассмотрен здесь во всей его полноте, что потребовало бы объемной монографии. Мы полагаем, что скептический проект счастливой жизни раскрывает существенный этико-психологический недостаток догматических теорий, а также указывает на их недостаточную обоснованность, и в этом смысле оказывается предпочтительнее, поскольку предлагает решение этого недостатка и отказывается от теоретического обоснования, связанного с притязаниями на истинности. Метаэтический вопрос

состоит в том, может ли скептический образ жизни без мнений и теории, следовательно без моральных максим, добродетели и понятия блага считаться этическим. Проблема состоит в том, что Секст в строгом смысле слова не претендовал на создание теории и аргументировании в пользу определенного понимания эвдемонии [см. 2. Р. 193–201]. В качестве предварительного предположения мы укажем на возможность такого расширенного понимания этического, которое допускает этику как образ жизни без принятия моральных обязательств, которые предполагают абсолютную правильность (практическую истинность) формы или содержания действия. (В рамках этики добродетели это полагание некоторой черты характера, деятельности или ценности как *благой «по природе»*).

Исследователи разделились в мнении по этому вопросу об эффективности скептического образа жизни по сравнению с эллинистическими конкурентами. М. Нуссбаум полагает, что скептик эффективнее своих конкурентов достигает свою цель и что скептический проект вполне последователен [4. Р. 312–313]. Г. Страйкер напротив весьма критически утверждает, что программа скептика не является единственной возможной и не является наиболее предпочтительной. В качестве аргумента она среди прочего приводит тезис, что скептический образ жизни не убедил бы стоика и эпикуреяца и в лучшем случае оставил их равнодушными [5. Р. 190–195].

Более того, в свете аргументов Р. Бетта и М. Нуссбаум возникает вопрос о правомерности сопоставления скептического образа жизни и этических теорий стоиков и эпикуреев. Бетт отмечает, что скептик не может быть признан моральным агентом, поскольку он лишен обязательств и у него отсутствует серьезное принятие его действий, он не принимает поступки всерьез [1. Р. 12]. М. Нуссбаум [4. Р. 305f.] формулирует дилемму таким образом (хотя она не предлагает ее решения): чтобы быть этичным, нужно иметь приверженность определенным правилам и ценностям, что для скептика неприемлемо, поскольку ценности должны быть признаны в качестве благ. Либо скептик неважно имеет этические приверженности и

ценности, и поэтому его проект непоследователен, либо он находится вне поля этики. В этой связи может оказаться, что наше сравнение неуместно, поскольку скепсис и догматические теории – это явления разного порядка. Страйкер [5. Р. 194–195] полагает, что счастье – это больше чем спокойствие как состояние ума, поскольку в ином случае, т.е. вне поля этики, вопросы счастья поступят в ведение психиатров или фармакологов. Очевидно, что это неудовлетворительное состояние дел.

Однако, смысл тезиса о предпочтительности мы видим в следующем. Догматические теории являются претендентами на познание истины природы вещей, т.е. абсолютной метафизической истины. Сюда относится и познание блага, которое должно быть закреплено доказательным аргументом и представлено в виде теории. Из понятия блага, которое нужно *познать*, вытекают практические максимы поведения. (Например, истина является благом; отсюда вытекает правило стремления к истине, т.е. к познанию). Таким образом, этика, концентрирующаяся на понятии блага, существенно зависит от эпистемологии. В случае провала попыток познания, благо останется сокрытым для нас и все вытекающие из понятия блага максимы действия оказываются безосновательными. Именно в пользу этого аргументирует Секст. Более того, источник несчастья скептик видит в душевном беспокойстве, которое возникает от напряженного стремления, которое в свою очередь рождается мнением о благе. Если полагать нечто как благо или зло по природе, неважно будет ли это т.н. внешнее или душевное благо, то люди начинают стремиться овладеть этим благом, и будут терзаться в попытках его достижения, в мысли о том, что благо отсутствует. Даже заполучив то, что считается благом, беспокойство не прекратится, поскольку возникнет страх потери блага [подробнее см. 6]. (Стоики в свою очередь возразили бы, что подлинные, а не мнимые блага, нельзя потерять, такие как истину или добродетель. Однако, скептик с помощью своих аргументов против познания показывает, что стоики не смогли познать истину). Поскольку догматики оказались не в состоянии опровергнуть аргументы Секста против познания (здесь мы допу-

стим, что скептические аргументы неопровергимы в рамках (к примеру) стоической теории познания), а также неизбежно оказываются несчастнее скептика в том, что касается душевного беспокойства от мнения, то в этом отношении пирронический образ жизни выглядит предпочтительнее.

Литература

1. *Bett R. How Ethical Can an Ancient Skeptic Be? // Pyrrhonism in Ancient, Modern and Contemporary Philosophy. Ed. by D. Machuca. New York: Springer, 2011. P. 3–17.*
2. *Bett R. How to Be a Pyrrhonist: The Practice and Significance of Pyrronian Scepticism. New York: Cambridge University Press, 2019. 263 p.*
3. *Bett R. Why Care Whether Scepticism Is Different from Other Philosophies ? // Philosophie Antique. 2015. № 15. P. 27–52.*
4. *Nussbaum M. Skeptical Purgatives: Disturbance and the Life Without Belief // M. Nussbaum. The Therapy of Desire: Theory and Practice in Hellenistic Ethics. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 280–315.*
5. *Striker G. Essays on Hellenistic epistemology and ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 335 p.*
6. *Маслов Д.К. Еще раз к вопросу о том, счастлив ли пирронический. О понятиях ἀταράξια и πάθος у Секста Эмпирика // ΣΧΟΛΗ. 2020. Vol. 14. № 2. С. 618–636.*

А.Т. Рахматулина

Новосибирский государственный университет
(Новосибирск, Россия)
itsanr@mail.ru

ОСНОВАНИЯ МОРАЛЬНОГО ПОСТУПКА ПО И. КАНТУ И Х. АРЕНДТ

Х. Арендт с четырнадцати лет увлеклась философией И. Канта и, по мнению Н.В. Мотрошиловой, он «навсегда остался ее любимым мыслителем» [З. С. 39]. Подтверждение тому можно обнаружить в многочисленных ссылках, которые Арендт делает на его работы, в частности, в текстах-рассуждениях на моральные вопросы. При этом, в попытке провести сопоставительный анализ этических построений мыслителей,

мы сталкиваемся с тем, что при определенных концептуальных параллелях, в основании этические взгляды философов предельно различны.

Как известно, в «Критике практического разума» Кант разделяет действия, в которых субъект руководствуется своими максимами, и действия в соответствии со всеобщими правилами – гипотетическим и категорическим императивами. Все это – определяющие основания воли, причем моральный поступок всегда основывается исключительно на последнем. В этом случае имеет место быть только обращение на сам закон, а соответственно и на субъект, поскольку, по Канту, «закон во мне» – я его творец. Категорический императив поэтому предполагает непротиворечие акта именно внутреннему принципу свободного субъекта действия, можно сказать, непротиворечие актора самому себе, а не непротиворечие внешнему закону – божественному или человеческому. Подчиняясь законам, не имеющим источника в нас самих, нашей воле или разуме, мы, по Канту, отказываемся от своей свободы.

Анализируя трансформацию этических положений в истории, Арендт приходит к подобному же выводу: если очистить все моральные принципы от религиозных коннотаций и внешних предписаний, то мы останемся с одним лишь сократовским принципом непротиворечия себе: «пусть лучше лира у меня скверно настроена и звучит не в лад, пусть нестройно поет хор, который я снаряжу, пусть большинство людей со мной не соглашается и спорит, лишь бы только не вступить в разногласие и в спор с одним человеком – с собою самим» [4. С. 171]. Тогда вопрос состоит в том, смогу ли я, совершив некоторый аморальный поступок, жить совершенно не истязаемый самим собой. Здесь основанием морального поступка является память, как инструмент, благодаря которому снова и снова субъект углубляется в мысли относительно совершенных действий и устанавливает себе поведенческие рамки и границы – величайшее зло банально, поскольку безгранично, а безгранично оно просто постольку, поскольку границы не были установлены.

Соответственно, мораль также связана с самоопределением личности: «Критерий правильного и неправильного, ответ на вопрос «Что я должен делать?» зависит в конечном счете не от обычаев и привычек, которые я разделяю с окружающими, и не от заповедей божественного или человеческого происхождения, а от того, что я решу относительно самого себя» [1. С. 142].

То, благодаря чему субъект способен принять такое решение, – способность суждения. Здесь мы сталкиваемся с наиболее очевидной рецепцией концепта Канта, однако, вовсе не этического. Для него способность суждения – это способность мыслить особенное как подчиненное общему. В «Критике способности суждения» он выделяет две формы этой способности – определяющую и рефлектирующую: первая действует, когда мы подводим под некое общее правило определенный частный элемент, но когда такого правила нет, мы имеем дело с рефлектирующей способностью суждения, самостоятельно конструируя некое общее, отталкиваясь исключительно от частного. Арендт имеет в виду именно последнюю, перекладывая ее на сферу практического, поскольку в анализируемой ею ситуации никаких сколько-нибудь этических общих правил, поведенческих ориентиров не осталось.

Априорный принцип, на котором основывается способность суждения, – *sensus communis*, общее чувство или здравый смысл. Речь идет о том, что суждения, произведенные рефлексивно, будучи частными, основываются на некоторых общечеловеческих основаниях. Для Х. Арендт эта сторона кантианской способности суждения оказывается наиболее значимой, поскольку, по ее мнению, мир для субъекта является структурой, исходно предполагающей наличие Другого, с мнением которого ему, как представителю общественного целого, следует считаться – это интерсубъектная онтология, *Mitdasein, inter homines esse*, бытие-вместе-с-другими. Только благодаря тому, что в основе суждений лежит *sensus communis*, возможно преодоление эгоизма – это то, что конституирует субъект как часть общества, помогает ему встроиться в него.

В противовес ориентированного на себя самого кантианского идеала нравственности, Х. Арендт отдает приоритет ориентации на других. Это принципиально разные онтологии: Я-философия И. Канта и бытие-вместе-с-другими Х. Арендт. Диалог (полиолог) является необходимой составляющей самоопределения, как субъективного, так и коллегиального, поскольку даже в процессе мышления Я не изолируется, но ведет молчаливый диалог с самим собой. Кантианская же деонтология не допускает диалог вне Я, а значит и множественность мнений. Нельзя сказать, что концепция суждения Арендт является ядром ее рассуждений исключительно в области моральной философии. Скорее это особое построение мыслителя, которое этизирует политику (как поле интерсубъектного взаимодействия), утверждая коллективную ситуативную мораль.

Литература

1. Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 352 с.
2. Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие–время–любовь. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2013. 526 с.
3. Платон. Ион, Протагор и другие диалоги. СПб.: Наука, 1992. С. 131–219.

К.А. Родин

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
rodin.kir@gmail.com

МЕТАФИЛОСОФИЯ ВИТГЕНШТЕЙНА & НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФОРМЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

*Статья подготовлена при поддержке РFFИ, проект № 18-011-00582
«Метод позднего Витгенштейна: сведение (девальвация) традиционных
проблем метафизики к философской головоломке»*

Влияние (текстов) Толстого на Витгенштейна и понимающее (принимающее) чтение Витгенштейном Толстого сохраняют странную непрозрачность и представляются наблюдателю загадочными. Исследователи не останавливаются в

поисках необязательных параллелей и производстве сомнительных (часто религиозных) аллюзий и продолжают работу компаративистских текстов в надежде объяснить отдельные идеи Витгенштейна влиянием или (пусть) следом Толстого и обычно совершенно игнорируют техническую (логическую и математическую) часть работ Витгенштейна. Тема Лев Толстой & Витгенштейн разворачивается вокруг якобы близких и понятным тем: смысл жизни, Евангелие и восприятие официальной религии, мир и мистическое, границы языка и заключающее Логико-Философский Трактат «молчание». И в пространстве каких других рубрик или тем можно было бы всерьез говорить о влиянии Толстого на Витгенштейна... (Толстой не писал трактатов по философии логики или философии математики). Витгенштейн на фронте был восхищен короткой и на вид очень простой книжкой Толстого «Краткое изложение Евангелия». Известный факт. Витгенштейн признавал Толстого чуть ли не единственным религиозным философом Европы. И т.д. Однако никаких подробных заметок или наблюдений к текстам Толстого Витгенштейн не оставил. Довольствоваться отрывками из бесед с друзьями или краткими сторонними воспоминаниями совершенно невозможно. И продолжается поиск следов и компаративистское гадание.

Мы разберем два примера. Дэвид Кишик в развернутой статье «Витгенштейн о смысле и жизни» решает возможным сопоставить и впоследствии заменить бессмысленный (но разбираемый) для Витгенштейна вопрос о природе (пусть в таком метафизическом изводе) значения слов на вопрос смысла жизни. Не относящиеся к делу заметки Витгенштейна об исповеди как отдельной форме письма или жизни автор соотносит с некоторыми фрагментами «Исповеди» Льва Толстого. Приход Толстого к бессмысленности жизни (в начале «Исповеди») принимается автором как некоторое высказывание. Не существует объективного и соответствующего высказыванию положения дел (аллюзия на изоморфизм Трактата). Высказывание не описывает настроение (типа высказывания «мне

плохо») и не выдается за философский тезис. По Кишику высказывание нужно понимать в контексте применения (в контексте частной жизни Льва Толстого или частной формы жизни Толстого). Именно так и советует поздний Витгенштейн. Потом автор сравнивает остановку жизни (бессмысленность жизни) Толстого с засмотревшимися в путеводитель туристами (и приводит не относящуюся к делу цитату из Витгенштейна про застоявшихся туристов). Качественно другого содержания в статье нет. Автор взаправду полагает собственное высказывание «смысл жизни не проходит сквозь мой разум» допустимым и хорошим комментарием к «Исповеди» Льва Толстого.

Второй пример. Дирк Фалькнер. «Восприятие идей Льва Толстого Людвигом Витгенштейном». Простейшая идея относительно значения слов (слова или фразы не имеют отдельного значения – но только в контексте жизненной или общественной ситуации) отчасти заимствована Витгенштейном из «Войны и мира». И в статье наблюдаются следующие сопоставления: необходимость поступка и религиозная жизнь как род деятельности (Витгенштейн). Пантеизм. Физический труд в интересах других людей и отрицание метафизических сущностей или связанных метафизических явлений (душа и вера в чудеса). Общая заинтересованность (Толстого и Витгенштейна) и сходство методов в педагогике. Единственным интересным (но никак не развернутым и по существу банальным) замечанием отдельно в начале статьи выписано замечание о своеобразном переносе Витгенштейном критики чудес Толстого на сферу философской метафизики. В действительности сходство (и разобранные авторы будут вынуждены согласиться) Толстого и Витгенштейна нужно искать в литературной (Толстой) и философской (Витгенштейн) **практиках**. Не в текстах. Странное недоразумение (ненадолго вернемся к текстам): никто не замечает буквальное (вплоть до формулировок) совпадение «Критики догматического богословия» Толстого с «молчанием» и отрицанием метафизики в Логико-Философском Трактате. Но и здесь единственно суще-

ственным оказывается единство настроя **настроения** философа и писателя.

Мы коротко высажем собственную гипотезу. Делом Толстого было реформирование литературных форм и создание других (нужных ради спасения) новых литературных форм. Старые формы литературы поздний Толстой воспринимал как искусственные или соблазнительные (в христианском смысле). Критика Шекспира и статья об искусстве и пр. Толстой пишет драму «Власть тьмы». Произведение находится в русле драматической традиции (и вполне соответствует внутренней форме древнегреческой трагедии). Только публичное покаяние главного героя в конце выглядит странным (и например не было воспринято за правду крестьянами – Толстой читал драму крестьянам). Наблюдается несоответствие катарсиса и покаяния. Покаяние не может заменить катарсис. Форма покаяния (прощения) неизбежно слабее древней формы катарсиса. Толстой тогда выбрасывает из литературы и форму катарсиса и форму покаяния. Так написаны повести «Отец Сергий» и «Фальшивый купон». Соблазнительная и соблазняющая власть литературы (и здесь не просто лишь ярмарка тщеславия) была вычеркнута Толстым.

Витгенштейну философия представлялась запутывающим (философские головоломки) и соблазнительным предприятием (производящим надежду изнутри несчастья и безнадежности повседневной жизни). Делом Витгенштейна был демонтаж непосредственных глубинных метафизических форм философии.

Литература

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2009. 288 с.

А.А. Санженаков

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
sanzhenakov@gmail.com

ПРОТОФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «PHANTASIA» У АРИСТОТЕЛЯ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-011-00911 «Предпосылки формирования феноменологической
философии и перспективы феноменологического метода»*

Несмотря на то, что сам основатель феноменологии и его учитель Брентано явно указывают на античные истоки базовых понятий феноменологии, исследований в этом направлении проводилось не очень много. Можно назвать таких авторов, как Дж. Драммонд [9], В. Кастон [5; 6; 7], Дж. Додд [8]. Мы видим, что чаще всего в оборот идут самые разнообразные части учения и понятия философии Аристотеля, но понятие *phantasia* при этом находится в тени (Кастон прямо говорит об интенциональной природе этого понятия, но дальше этого не идет [6]). В своем докладе мы хотели бы показать, что в понятии «воображение» (или представление, как еще переводят греч. φαντασία), которое Аристотель разбирает в третьей книге трактата «О душе», обнаруживаетсяprotoфеноменологическое содержание. В указанном сочинении Аристотель исследует различные способности души – от низших (питание, размножение) до высших (восприятие, мышление, воображение). Нам представляется, что в той или иной степени все высшие способности души описываются Аристотелем достаточно феноменологически (ощущения, например, по Аристотелю, есть восприятие формы ощущаемого без материи, мышление использует образы для своей работы). Но наиболее интересным предметом нам кажется интерпретация Аристотелем такой способности души, как воображение (φαντασία). Воображение отличается и от ощущения, и от размышления [1. С. 430]. Чувственное восприятие возникает

только при наличие воспринимаемого предмета, и оно всегда истинно, в то время как воображение может быть ложным, а возникать может и без реального предмета (например, во снах) [1. С. 430]. Отличается воображение и от мнения, поскольку последнее связано с верой (ибо тот, кто имеет мнение верит в него), воображение же присуще многим животным, а им вера не свойственна. Помимо этого, воображение находится в нашей власти, а мнение зависит от окружающей действительности. Интересным свойством ложных представлений является их способность сочетаться с правильными мнениями. Аристотель приводит следующий пример: «Между тем можно представлять (φαίνεται) себе ложно то, о чём имеется в то же время правильное суждение; например, Солнце представляется размером в одну стопу, однако мы убеждены, что оно больше Земли» [1. С. 431]. В целом Аристотель дает такое определение: «воображение есть то, благодаря чему у нас возникает образ..., оно есть одна из тех способностей или свойств, благодаря которым мы различаем, находим истину или заблуждаемся» [1. С. 430]. Суммируя данные из трактатов «О душе» и «О памяти», К. Шилдс предлагает свой вариант определения этого понятия: «воображение – это способность человека и большинства животных, которая продуцирует, сохраняет и воскрешает в памяти образы, используемые в различных когнитивных действиях, в том числе в тех, которые служат мотивом и руководством действия» [10].

Представив вкратце концепцию воображения Аристотеля, перейдем к раскрытию ееprotoфеноменологического содержания. Для начала напомним, что в дисциплинарном смысле слова феноменология понимается как исследование структур опыта (сознания). Буквально говоря, феноменология занимается исследованием «феноменов» – того, как вещи являются в нашем опыте, как переживаются нами [11]. В связи с этим феноменологическая проблематика отличается, скажем, от эпистемической (истинность переживаемого опыта нас интересует поскольку). Главной характеристикой сознания является

интенциональность – направленность на нечто. При этом, как известно, феноменологи отделяют реальный предмет и его ментальный образ (интенциональный предмет). В связи с этим образы, возникшие при восприятии и образы, возникшие благодаря способности воображения становятся рядоположенными: «воспринимаю или воображаю я этот стул, объект моего восприятия и объект моего образа тождественны: это этот плетеный стул, на котором я сижу. Просто сознание относится к одному и тому же стулу двумя разными способами» [4. С. 57]. Поле интенциональности объединяет собой все предметы сознания вне зависимости от того, из какого источника они произошли. «Феноменология Гуссерля имеет дело только с интенциональными объектами, и каждый из индивидуальных интенциональных объектов может быть дан двумя способами: при помощи чувственного восприятия и при помощи воображения» [4. С. 9].

Возвращаясь к Аристотелю, отметим, что по большей части феноменологи видят в нем предтечу благодаря его концепции чувственного восприятия, согласно которой субъект воспринимает форму предмета без его материи. С нашей же точки зрения, духу феноменологии ближе аристотелевская концепция воображения, нежели теория ощущения. Аристотель указывает на то, что воображение не обладает той связанностью с предметами реального мира, которую имеет ощущение, и в то же время отличается от того уровня универсальности и абстрактности, которым обладает мышление. Тем самым, воображение более свободно от требований эпистемологии, в чем мы убедились выше, когда рассматривали пример с восприятием размеров Солнца. Также выше мы отмечали, что эпистемологическая проблематика не является первостепенной для феноменологии, поэтому логичнее было бы видеть феноменологический пафос именно в теории воображения Аристотеля. Наконец, само определение воображения говорит о том, что эта способность имеет феноменологическую основу, ведь продуцирование, сохранение и воскрешение образов в памяти есть, по сути, работа с интенци-

ональными объектами. Феноменология в отличие от психологии не есть наука о *фактах* (реальных происшествиях, которые существуют и включаются вместе с реальными субъектами в один и тот же пространственно-временной мир [2. С. 20]), но наука о *сущностях*. Поэтому «вопрос о том, соответствует ли моим ощущениям какой-то внешний объект, для феноменологии не играет определяющего значения» [3]. Таким образом, поиски протофеноменологических смыслов в философии Аристотеля следует начинать с понятия «воображение».

Литература

1. Аристотель. О душе // Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 371–448.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009.
3. Разеев Д.Н. Переживание, фантазия, интенциональность: взаимосвязь понятий в феноменологии Гуссерля // Серия «Мыслители». Homo philosophans. Вып. 12. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 226–250.
4. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия / пер. с фр. М. Бекетовой. СПб.: Наука, 2001.
5. Caston V. Connecting Traditions: Augustine and the Greeks on Intentionality // Philosophy and Phenomenological Research. 1998. № 58. P. 249–298.
6. Caston V. Why Aristotle Needs Imagination // Phronesis. 1996. Vol. 41. № 1. P. 20–55.
7. Caston V. Intentionality in Ancient Philosophy [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/intentionality-ancient/> (дата обращения: 25.08.2020).
8. Dodd J. Aristotle and Phenomenology // Phenomenology in a New Key: Between Analysis and History. Dordrecht: Springer, 2015. P. 181–207.
9. Drummond J. Aristotelianism and Phenomenology // Phenomenological Approaches to Moral Philosophy. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 15–45.
10. Shilds C. Supplement to Aristotle's Psychology. Imagination [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-psychology/suppl4.html> (дата обращения: 25.08.2020).
11. Smith D.W. Phenomenology [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/phenomenology> (дата обращения: 25.08.2020).

А.В. Шевченко

Томский государственный университет (Томск, Россия)
a_shevchenko_1990@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАРЛА ЯСПЕРСА И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

В соответствии с концепцией коммуникации К. Ясперса существуют четыре основных уровня «я» и четыре соответствующих им уровня коммуникации. А) Эмпирический уровень – человек отождествляет свое и чужое «я» преимущественно с физическим существованием, коммуникация на таком уровне утилитарна, не индивидуализирована, к другому мы относимся лишь как к средству для удовлетворения своих потребностей. Данный тип сознания и обезличенной равнодушной коммуникации преобладают в современном обществе. Б) Уровень «сознания вообще» – человек осознает себя как рационально мыслящего субъекта и старается окружающих воспринимать в таком же качестве. На этом уровне коммуникация происходит на уровне обмена идеями и смыслами, взаимоотношения выстраиваются на основании формальных правил поведения и в интересах общего блага. В) Уровень духа. На данном уровне человеческое «я» выходит за собственные границы, осознавая себя частью социального и обретает свое место и роль в рамках целого. В контексте этого уровня коммуникация индивида – это коммуникация не только от себя лично, но и от себя как от части коллективного «я» [1. С. 102]. Названные выше три уровня сознания соответствуют биологичности, рациональности и социальности, как чертам человеческой природы, однако соответствующая им коммуникация не затрагивает самое сокровенное в душе человека, ее глубину и аутентичность. Поэтому Ясперс выделил четвертый, более глубокий уровень «я» – экзистенцию и соответствующий ему уровень коммуникации.

Здесь мы подходим к важному выводу, чтобы экзистировать человек должен коммуницировать. Чтобы мы могли взглянуть на любовь взглядом, вооруженным экзистенциальной философией, мы

должны понять, в чем же именно заключается феномен экзистенциальной коммуникации. Человеческое бытие изначально и неразрывно связано с коммуникацией, следовательно, вне коммуникации человеческое бытие невозможно, следовательно, без коммуникации не может быть свободы, не может быть и экзистенции как таковой. Экзистенциальная коммуникация – высший тип коммуникации. В этом случае мы воспринимаем другого человека на глубинном уровне, минуя его обыденное, сознательное и общественное проявление, в процессе такой коммуникации мы соприкасаемся с человеком как таковым, с самим его существом, которое открывается нам. Одной из наиболее сильных мотиваций к постепенному углублению коммуникации, к постепенному взаимосоприкосновению экзистенций, явленных в коммуникации и для коммуникации, является острое чувство конечности, присущее человеку. Ключ к пониманию экзистенциальной коммуникации кроется в таком понятии как «ситуация». Немецкий философ считал, что бывают такие ситуации, которые являются единичными и не повторяющимися и совместное переживание таких ситуаций людьми является наилучшей основой для установления Э.К. между ними. Вот что он сам писал по этому поводу: «Человек, как целое не объективируем. Поскольку он объективируем, он есть предмет... но в качестве такого он никогда не есть он сам. По отношению к нему, как объекту можно действовать посредством внешних рассудочных установлений согласно правилам и опыту. По отношению к нему самому, т.е. как возможной экзистенции, я могу действовать только в исторической конкретности, в которой уже никто не есть «случай», но в которой совершается судьба. Теперь уже нельзя больше спутать объективно-предметное в человеке... в эмпирическом смысле с ним самим как экзистенцией, открывающейся в коммуникации» [2. С. 11].

В чем же заключается значение экзистенциальной коммуникации? Оно заключается, в первую очередь в преодолении обыденности с ее формальными правилами поведения, рациональным расчетом, зовом инстинктов и в выходе на качественно более высокий уровень взаимопонимания. А ведь взаимопонимание – это

непременное условие продуктивного взаимодействия людей. Возможна ли любовь (не как чувство, а как отношение) без взаимопонимания? Вероятнее всего – нет. Ясперс не останавливается на констатации значения коммуникации в контексте экзистенции «я», он в известной степени абсолютизирует коммуникацию, придает ей значение того самого единственного требования, способного не только разрешить противоречия между людьми, но и быть панацеей в любых аспектах его существования. «Человек как явление в мире совсем не должен принадлежать к одному и тому же типу, но многообразие людей не должно исключать их общий интерес. <...> На этом основывается требование беспредельной коммуникации, которая в мире явлений есть путь к обнаружению истины. Поэтому собеседование – единственный путь не только для решения важных вопросов нашей политической жизни, но и для любого аспекта бытия» [2. С. 433]. Понимание Ясперсом любви носит так же экзистенциалистский характер. Для начала, он верно выделяет привычную нам «индивидуальную любовь» как феномен, присущий исключительно западной культуре, а затем объявляет ее смыслом коммуникации: «...специфическим явлением в жизни Запада являются индивидуальная любовь и сила безграничного самопогружения в нескончаемом движении. Здесь образовалась та степень открытости, бесконечной рефлексии и проникновенной углубленности, для которой только и мог озариться светом весь смысл коммуникации между людьми и горизонт подлинного разума» [2. С. 88]. Таким образом, выстраивается общий лейтмотив: экзистенция, свобода, разум, коммуникация, любовь.

Любовь так же является для Ясперса объединяющей силой, своего рода универсальным языком, призванным преодолеть разобщенность людей, обусловленную ходом истории. «И это приводит нас на путь, где любовь обретает свою глубину в подлинной коммуникации. Тогда в этой любви, в этой состоявшейся коммуникации самые разъединенные по своим историческим истокам люди узрят объединяющую нас истину» [2. С. 239]. То есть любовь является силой, позволяющей преодолеть социальные различия. Далее философ нащупывает ту архиважную

роль, которая принадлежит любви, как одной из основ нашего существования, а также источники, из которых исходят угрозы любви [2. С. 326–327]. По мнению Ясперса, брачные отношения не нуждаются в иной легитимации, кроме любви, таким образом, он выступает против формализма и контрактуализма, уже во времена его творчества (годы после второй мировой войны) приобретшего популярность. В своей критике контрактуализма и религии он, безусловно, прав, однако представляется ошибочной присущая ему недооценка чувственно-эротических проявлений, психофизиологическая природа которых накладывается на область рационального, многократно усиливая коммуникативный потенциал любовных взаимоотношений, приближая две души, две сущности к экзистенциально-экстатическому слиянию в оргазме, как коммуникативном акте. Любовь носит не абстрактный характер, который вменяет ей романтизм, а экзистенциальный, что делает ее по-настоящему значимой величиной; непонимание же этого является деструктивной силой, источником неврозов, а игнорирование законов любви – суть игнорирование законов жизни. Ясперс, возможно и сам до конца не понимал, сколь важный для западной культуры и философии путь он наметил. Экзистенциальное понимание любви как высшей формы коммуникации – открытие, которое не могло быть сделано раньше, чем существенное число людей не постигло, разочарование модерном, западной цивилизацией, неотъемлемой частью которой является романтизм и конструкт романтической любви, что могло произойти как реакция на серьезные раздражители, пошатнувшие веру людей в основы старого мира, а вместе с ними в предполагавшуюся ими любовь.

Романтический проект уже не удовлетворяет глубинным запросам и чаяниям людей. Уже нет острой борьбы за существование и экспансии, как это было двести лет назад, уже нет нужды платить цену в виде присущей романтизму гиперсублимации. Напротив, имеется ярко выраженный (особенно, среди молодого поколения) запрос на психологизм, на гармонию, на свободу, на гуманность и избавление от страданий, чего не может дать романтизм, ибо страдания – его природа. От романтического проекта и

романтической любви, которой присуща внутренняя невротичность и обращенность к трагедии, источник силы и энергии которой коренится не в гармонии, а в дисгармонии, не в умиротворенности, а в мятежности, мы перейдем к экзистенциальному проекту и к экзистенциальной же любви, основанной на коммуникации. Сама такая любовь будет основана на глубоком понимании (как следствии экзистенциальной коммуникации) и сама она, как слияние двух экзистенций (включая секс) будет не чем иным как экзистенциально-коммуникативным актом. Такая любовь, избавленная от травматичности и конфликтности романтической любви, с одной стороны, но не позволяющая скатиться в бездушный и прагматичный контрактуализм с другой стороны, послужит мощной опорой и вектором (если угодно – стратегией) людей, делающих выбор не в пользу капиталистического мира, становящегося все более отчужденным, а выбор в пользу ухода в землю обетованную – землю чистой, здоровой человеческой любви, основанной на беспредельно глубокой и интимной коммуникации и позволяющей преодолеть неизбывное одиночество человека. Да, возможно новый, экзистенциальный проект будет не столь продуктивен и богат на свершения, как романтический проект, за счет того, что игра на тонких струнах души, глубина и интимность коммуникации для экзистенциального проекта значат куда больше, чем присущие романтике разрушительные импульсы, но, зато, в такой любви-коммуникации человек наконец-то обретет себя в единении с другим и будет счастлив. Эра экзистенциальной любви станет эрой возвращения человека к человеку!

Литература

1. Гайденко П.П. Человек и история в свете «философии коммуникации» К. Ясперса // Человек и его бытие как проблема современной философии. М.: Наука, 1978.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Изд-во политической литературы, 1991.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.М. Аксютин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Абакан, Россия)
aksutum@mail.ru

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА МЕТАМОДЕРНА (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-411-190002 «Хакасия в условиях современных трансформаций:
социологическое исследование и моделирование институциональных
и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990-х – 2018 гг.)»*

Современная религиозная ситуация в мире в целом и в России в частности представляет собой новое, еще недостаточно изученное явление. Фактически речь идет о том, что анонсированные модернистами, глобалистами и транзитерами в конце прошлого века процессы отмирания базовых институтов доиндустриальной и индустриальной эпохи, поэтапной социокультурной унификации, «конца традиции» и «конца истории» обернулись реактуализацией традиционных идентичностей и механизмов социальной консолидации. Включение России в глобальные процессы не только не ускорило «отмирание» локальных общностей и идентичностей, но привело к значительному подъему религиозности и этничности и их трансформации в новые виды социальных практик [3. С. 6]. В таком контексте представляется оправданным осуществить анализ и характеристику особенностей религиозности в современной России на примере полиэтничной и многоконфессиональной Республики Хакасия.

Изучение религиозности имеет свои особенности. Если не углубляться в старый спор «кого считать верующим?», достаточно адекватной целям нашего исследования будет позиция, в которой главным критерием религиозности принимается

самоидентификация респондента. При исследовании особенностей трансформации религиозности нами привлекались результаты ряда социологических исследований, проведенных в Хакасии в постсоветский период, а также данные массового опроса, проведенного нами в 2019 г. [1; 2; 4].

Для начала обратимся к анализу религиозной ситуации в республике. По данным опроса 2019 г., назвали себя верующими порядка 60 % от числа опрошенных, еще 11 % колеблются между верой и неверием. Соответственно, доля неверующих не превышает 30 %. Отметим, что такой высокий процент религиозности респондентов, основываясь на данных проводимых нами исследований, фиксируется уже более десяти лет подряд [1, 2]. В плане конфессиональной принадлежности идентифицирует себя с православием большинство верующих опрошенных (65–68 %). Другие конфессии представлены в значительно меньшей степени (буддизм – 2,5 %; шаманизм – 1,6 %; ислам – 1,2 % и т.д.), что объясняется численным доминированием русских в регионе. Еще 12,2 % опрошенных отметили, что вообще не имеют конфессиональной принадлежности, а 9,8 % назвали себя атеистами. Таким образом, результаты целого ряда массовых опросов позволяют говорить как минимум о сохранении этноконфессионального разнообразия в регионе. Конфессиональная принадлежность не «сглаживается» и не интегрируется в «мультикультурную» среду. Напротив, увеличивается число тех, кто отметил свою принадлежность, например, к шаманизму, тенгрианству и т.д. (еще 10–15 лет назад таковых было в пределах 0,5–1 %). Интерес вызывает проявивший себя феномен, когда конфессиональная принадлежность воспринимается как одна из характеристик этнокультурной идентичности. Например, 11,3 % православных и 6,3 % мусульман ответили, что колеблются между верой и неверием, а 6,7 % «православных» и 6,3 % «мусульман» не верят в Бога. Явная актуализация религиозности позволяет сделать вывод о сохранении ею ресурса консолидации социальных групп, а в более широком контексте – о формировании «новой сакральности», метамодер-

низационном поиске «настоящих» ценностей, не выхолощенных постмодернистской иронией.

Обратимся, например, к социально-демографическим характеристикам современных верующих. Так, среди опрошенных женщин назвали себя верующими 65,1 % (22,1 % – «квалифицированные», т.е. знают и исполняют ритуалы), среди респондентов-мужчин верующих было 53,6 % (14,2 % квалифицированных). Иными словами, верующих среди опрошенных женщин больше, чем среди мужчин, и они зачастую более квалифицированы, знают и исполняют основные ритуалы. Интересные результаты дал анализ возрастных характеристик верующих. Среди 18 – 24-летних опрошенных верующих было до 50 % (квалифицированных – 14 %), в группе 25–34 года верующими себя назвали 58 % (квалифицированных не более 11 %). В третьей группе респондентов 35–54 года верующих – 61,7 %, (квалифицированных – 14,4 %), а в группе старше 55 лет – 65,8 % (квалифицированных – 15 %), что укладывается в общие представления о более высоком уровне религиозности людей в старших возрастных группах. Дополнительно выяснялся уровень образования верующих, который, согласно распространенному стереотипу, тем ниже, чем выше уровень религиозности. Результаты исследования свидетельствуют, что в группе респондентов с высшим образованием верующих 64,6 % (квалифицированных – 13 %), а неверующих – 18 %. Верующих в группе со средним профессиональным образованием было 60 %, 16,9 % неверующих. В группе респондентов только со средним образованием верующих было 57 % (квалифицированных верующих – 13,3 %).

Очевидно, что абсолютизировать данные опросов нельзя. Однако мы считаем возможным свести основные выводы исследования к следующим тезисам. Во-первых, несмотря на активное воздействие процессов глобализации и социокультурной унификации, современный региональный российский социум далеко не однороден как в этнонациональном, так и конфессиональном плане. Во-вторых, постмодернистские идеологемы конца

прошлого века сумели в значительной мере выхолостить и дискредитировать сакральную традицию. В группах опрошенных не более трети верующих знают Писание, основные ритуалы. Тем не менее, можно с значительной долей уверенности говорить о появлении верующего эпохи метамодерна с отличающимися социально-демографическими характеристиками (молодые люди), целерациональным подходом к вероисповеданию, высоким уровнем образования.

Литература

1. Аксютин Ю.М. Конфессиональные и социально-демографические характеристики верующих в Южной Сибири (по данным исследования 2018 г.) // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 6-2. С. 27–30.
2. Аксютин Ю.М. Особенности религиозности жителей Саяно-Алтая в постсоветский период // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 19. С. 80–82.
3. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. СПб: ЛИТЕО. 336 с.
4. Социологическое исследование в Республике Хакасия (2019 г.) в рамках гранта РФФИ и Правительства Республики Хакасия (Договор № 18-411-190002). Выборочная совокупность – 1000 чел.: приложение к отчету; рукопись / Ю.М Аксютин. Абакан, 2019.

Т.К. Булай

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
Skripkina-BSC11@yandex.ru

СУБЪЕКТНОСТЬ АВТОРА И АУДИТОРИИ В НОВЫХ МЕДИА

В теории медиа и медиафилософии длительное время было распространено убеждение о том, что ключевым субъектом коммуникации в медиасреде является автор высказывания. Так, например, в классической модели коммуникации Г. Лассуэла взаимодействие представлено таким образом, что единственным возможным субъектом выступает автор высказывания [6. С. 216]. В ряде других концепций субъектами пред-

стают социальные институты или организации, влияющие на содержание сообщений [1. С. 36; 5. С. 151], однако, идея остается прежней: ключевым критерием субъектности является доступ к формированию сообщения. При этом новые медиа подразумевают принципиально иную структуру взаимодействия участников коммуникативного процесса, а потому не позволяют столь однозначно выделить субъект коммуникации.

На сегодняшний день не сформировано единого определения новых медиа: одни авторы рассматривают это явление как электронную альтернативу традиционным медиа [7. С. 646], другие – как новую коммуникативную среду, концептуальным ядром которой являются «люди, а не технологии» [4. С. 223]. Тем не менее, большинство исследователей сходятся на том, что ключевыми характеристиками новых медиа являются цифровизация, включенность в Интернет-пространство, интерактивность и конвергентность [2. С. 129].

В данной ситуации нельзя однозначно утверждать, что только авторы высказываний обладают субъектным статусом, поскольку аудитория играет не менее активную роль. Еще более проблематизирует ситуацию существование, например, чат-ботов или блогов, которые ведут искусственные нейросети: в данном случае непосредственный автор высказывания не обладает сознанием, что ставит под вопрос приписывание ему статуса субъекта.

Чтобы оценить субъектность участников коммуникации в новых медиа, необходимо сопоставить их характеристики с критериями субъектности. Новая философская энциклопедия определяет субъект как «носитель деятельности, сознания и познания» [3. С. 659], который, помимо этого, обладает следующими характеристиками: существование в пространстве и времени, наличие биографии, включенность в некоторую культурную среду, наличие коммуникативных и иных отношений с другими субъектами, а также статус «Я» по отношению к самому себе, статус Другого по отношению к

иным субъектам и статус познающего и преобразующего актора по отношению к объектам.

Авторы контента, транслируемого новыми медиа, обладают большей частью данных характеристик. Очевидными представляются критерии существования в пространстве и времени, а также наличие биографии – по крайней мере, если рассматривать в качестве автора именно человека, а не робота или нейросеть. Не вызывают также сомнений включенность в культурную среду и наличие коммуникативных отношений. Наконец, если мы рассматриваем в качестве автора человека, то в полной мере сохраняются статусы «Я» и «Другого».

Единственный критерий, который не вполне отображается в отдельно взятых ситуациях для некоторых авторов – это познающая и преобразующая деятельность, поскольку в коммерческих медиа не всегда непосредственный автор высказывания самостоятельно определяет содержание сообщения. Однако, в данном случае имеет смысл говорить о том, что субъектом является социальный институт или организация, контролирующая трансляцию сообщения в том или ином виде. Кроме того, отчасти включенность в культурную среду ограничивает преобразующую деятельность: автор отчасти ограничен рамками системы культурных паттернов, к которой принадлежит. Однако, в целом, авторы высказываний по большей части сохраняют субъектные позиции.

Однако в ситуации с новыми медиа, в отличие от традиционных, аудитория также приобретает многие черты субъекта. Так, принцип интерактивности новых медиа подразумевает, что аудитория может принимать непосредственное участие в формировании медиапродукта. Если ранее ключевым способом воздействия аудитории на содержание контента медиа был рыночный спрос, а теперь аудитория способна не только быстро и непосредственно оставлять авторам отклики на полученные сообщения, но и участвовать в формировании контента на стадии его создания или сразу после публикации.

В этом смысле интересным представляется сетевой жанр обзоров на медиапродукты. В данном случае автор высказывания выступает одновременно как автор и как аудитория: с одной стороны, он производит новое сообщение, что делает его автором, с другой стороны – существование этого сообщения было бы невозможно, если бы этот же человек не входил в состав аудитории медиаконтента.

Кроме того, во многих случаях поиск, отбор и потребление контента в массиве информации в новых медиа представляют собой сложный когнитивный акт, субъектом которого также является аудитория.

Кроме того, есть еще один элемент коммуникации, который начинает приобретать отдельные критерии субъектности – это сами новые медиа, к которым можно отнести не только площадки для размещения информации, но и, к примеру, программы, способные создавать и транслировать сообщения. В данном случае, хотя медиа и не обладают сознанием, биографией, статусом «Я» и рядом других характеристик, они могут частично осуществлять преобразующую деятельность, формируя сообщения на основе заложенной в них программы. Кроме того, самообучающиеся искусственные нейронные сети (например, алгоритм «Королев», разработанный компанией Яндекс, или другие подобные системы) отчасти способны осуществлять когнитивную деятельность, например, анализируя запросы пользователей. Кроме того, в ряде случаев новые медиа обладают статусом «Другого» для аудитории – как, например, в случае с чат-ботами (особенно если пользователь не осознает, что беседует с программой). И, хотя этих характеристик недостаточно для того, чтобы в полной мере приписать новым медиа статус субъекта, однако, отдельные критерии субъектности, тем не менее, проявляются достаточно явно.

Таким образом, в новых медиа авторы контента сохраняют субъектный статус практически в полной мере, сталкиваясь с отдельными ограничениями. Параллельно с этим значительно возрастает субъектность аудитории, а отдельные черты субъект-

ности проявляются и у самих каналов медиа, хотя отсутствие других важных характеристик не позволяет назвать их субъектами в полной мере.

Литература

1. Бурдье П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
2. Карякина К.А. Актуальные формы и типологические модели новых медиа // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2010. № 3. С. 128–136.
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т. 3. 634 с.
4. Рогалева О.С., Шкайдерова Т.В. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Вестник ОмГУ. 2015. № 1 (75). С. 222–225.
5. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.;СПб: «Медиум», «Ювента», 1997. 314 с.
6. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // Mass Communications: A Book of Readings / Wilbur Lang Schramm. Urbana: University of Illinois Press, 1960. С. 117–130.
7. Pavlic J.V. New Media Journalism // 21st Century Communication. A Reference Handbook. Volume 1 & 2. / Ed. by W.F. Eadie. Los Angeles, 2009. P. 643–651.

М.В. Гавриленко

maria791@ngs.ru

ЭКОПОСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Экопоселение – это объединение инициативной группы людей, которые проживают на одной территории (как правило, в сельской местности); ведут совместный хозяйственный и повседневный быт; придерживаются единой системы ценностей на основе принципов экологической осознанности и устойчивого развития, при котором потребности человека, семьи и общества удовлетворяются без ущерба для будущих поколений. Изначально, начиная с конца 1990-х годов, экопоселенческое движение в России носило характер внутренней миграции и

манифестировало отказ от участия в жизни государства: политической, общественной и духовной, обособление себя от государства ввиду несогласия с его идеологией или по иным причинам [1. С. 73]. В 2000-е годы популярность экопоселений возросла за счет выхода серии книг В.Н. Мегре, в которых автор высказывал идею единения человека и природы. Здесь на первый план вышла так называемая эзотерическая составляющая а также идея о России будущего, в которой каждая семья будет жить в родовом поместье. Возникли не только сайты отдельных экопоселений, но и их объединений [2].

Существует проблема систематизации данных относительно экопоселений разных регионов России. Современных исследований на эту тему крайне мало, хотя очевиден экопоселенческий тренд в качестве современной жизненной стратегии для значительной части населения. В этой связи цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать локальные модели системы жизнеобеспечения экопоселений Западной Сибири, дать социокультурную характеристику этому явлению. В данной статье представлен промежуточный этап исследования: на данном этапе работы ведется сбор полевого материала и обработка данных, полученных в ходе интервью с информаторами.

Одним из первых экопоселений в Сибири стал так называемый Город Солнца или община Виссариона (Церковь Последнего Завета), расположенная в 700 км к югу от Красноярска. Община располагается в нескольких деревнях, но основная часть жителей проживает в деревне Петропавловка. По проекту Город Солнца напоминает солнце с алтарем в центре и исходящими от него лучами-улицами. По размеру и внешнему виду домов сразу очевиден достаток проживающих. Здесь можно увидеть мелкие хижины и избушки, но есть и богато украшенные резные многоэтажные деревянные дворцы. Решение о том, кто может заселиться в Городе Солнца, принимает коммуна. Местные жители много работают. Они сначала удовлетворяют общие потребности и только потом – свои. Тут живет много ремесленников, мастеров по дереву,

металлу, музыкальным инструментам и целебным травам. Кроме совместных работ ради общины, есть еще обязательная к уплате «десятина», которую передают на содержание церковного совета. Шаманы, знахари и ремесленники представляют собой первое поколение виссарионовцев, которое приняло для себя новую веру и переехало в эти места. Но есть здесь и совершенно другие по мировоззрению и идеологии жители. Второе поколение – это дети, родившиеся в коммуне, но не принявшие учение Виссариона. Они живут своей жизнью и терпимо, с пониманием относятся к вере родителей. Их никто не принуждает вступать в общину.

Другое сибирское экопоселение располагается в Новосибирской области около села Барышево. По словам создателей проекта, это поселение, которое основывается «на экологических принципах в отношениях между природой и человеком». Создатели проекта описывают свое экопоселение как поселок, состоящий из родовых поместий. Под родовыми поместьями они имеют в виду большие дома, построенные для проживания одной семьи. На сайте также перечислены требования к новым участникам, среди которых на первом месте стоит трезвый образ жизни. Предпочтение отдается молодым семьям с детьми и особенно многодетным семьям. Земли поселения имеют статус «для ведения садоводства и дачного хозяйства». В поселке функционирует школа «по природосообразному творчеству для детей и взрослых». Практикуются совместные праздники и мероприятия, например, совместная высадка саженцев, совместный сбор урожая на участках.

Экопоселение «Лучезарное» находится в Новосибирской области, в 70 км от райцентра, города Искитим. Там живут примерно 50 семей, но постоянно проживают лишь несколько. Они являются последователями учения В.Н. Мегре. У каждой семьи есть по гектару земли, как предписывал В.Н. Мегре в своих книгах. «Лучезарное» было основано в 2009 году. Среди правил проживания в экопоселении отмечены запрет на питание «животной пищей» и запрет на использование химикатов на

своем участке. После беседы с главой общины принимается коллективное решение на разрешение или запрет на вступление в общину. Кандидат должен соответствовать идеологии общины: «жить в гармонии с природой, быть готовым работать на общее благо». Дети посещают школу в соседней деревне, но жители планируют в перспективе построить свою школу.

Экопоселения в Сибири также находятся в Кемеровской области («Приволье»), в Смоленском районе Алтайского края («Светогорье»), в Хакасии («Росы», «Родники», «Берегиня», «Казачья вольница»), в Томской области («Солнечная поляна», «Кедровый край») и т.д.

На данном этапе работы над исследованием выявлено, что основные проблемы на пути становления экологических поселений обусловлены отсутствием единства самоидентификации, мешающим созданию их единого образа и механизмов взаимодействия во внешней среде [3]. Жители экопоселений часто сталкиваются с целым комплексом неудобств. Как правило, базовыми становятся потребности в социальной и экологической безопасности, а также саморазвитии и творческой самореализации. Существует мнение, что экопоселения являются одним из наиболее вероятных путей развития человеческой цивилизации, в связи с этим дальнейшее исследование данной темы кажется нам перспективным и заслуживающим внимания.

Литература

1. Вавилова Т.Я. Экопоселения и энергоэффективные поселки как примеры устойчивого развития // Архитектон: известия вузов. 2014. № 47. С. 71–79.
2. Задорин И.В., Мальцева Д.В., Хомякова А.П., Шубина Л.В. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее [Электронный ресурс] // Лабиринт, журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 64–77. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Labirint/2014_2/Zadorin.pdf (дата обращения: 18.06.2020).
3. Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения [Электронный ресурс] // Итоговый комплексный аналитический отчет по результатам исследования. М.: ЦИРКОН, 2012. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/841/Jekoposelenija_otchet_ZIRCON_2012.pdf (дата обращения: 18.06.2020).

М.В. Евдокимова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Абакан, Россия)
ProstoVerner@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ УНИВЕРСИТЕТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках проекта РФФИ № 18-011-00681 А «Реформирование системы высшего образования как фактор генезиса фальсификации: социологический анализ»

Процессы всеобщей цифровизации и информатизации стали неотъемлемой частью современного этапа развития общества. Стремительное развитие информационных и компьютерных технологий оказывает значительное влияние на все сферы социальной жизни, в том числе и на систему образования. Глобальная информатизация и компьютеризация не только изменяет сам учебный процесс, но и ставит перед образованием принципиально новые цели и задачи. И потому, по мнению многих исследователей в области образования, современная система образования, призванная научить будущее поколение жить в новых условиях и быстро адаптироваться к их изменениям, «должна соответствовать требованиям времени, т.е. уровню технологического и социального развития. Более того, она должна опережать развитие общества...» [2. С. 63].

С этой целью в последнее десятилетие реализовывались следующие государственные программы и национальные проекты: «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (в рамках государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 годы), национальный проект «Образование» и федеральные проекты «Цифровая образовательная среда», «Учитель будущего», а также федеральная программа «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Однако, несмотря на все

предпринимаемые меры, ученые отмечают, что «цифровой революции в образовании не происходит», поскольку к этому оказались не готовы все субъекты системы образования – от учащихся и педагогов до руководителей образовательных структур [4. С. 14].

Очевидно, что все происходящие в образовании изменения непосредственно отражаются на профессиональной деятельности преподавателей, как педагогической, так и научной. Современный преподаватель «должен обладать цифровой грамотностью, способностью создавать и применять контент посредством цифровых технологий, включая навыки компьютерного программирования, поиска, обмена информацией, коммуникацию» [1. С. 179].

Вместе с тем, исследователи отмечают, что задача по «формированию и совершенствованию цифровых навыков, цифровой культуры современного поколения ложится на все педагогическое сообщество, которое значительно отстает от своих учеников по уровню использования таких технологий» [3. С. 92].

В 2018–2019 гг. при поддержке РФФИ нами было проведено исследование, одним из аспектов которого являлось изучение влияния информатизации на образовательный процесс¹. Теоретический анализ научных публикаций, а также результаты эмпирического исследования позволили зафиксировать несколько значимых проблем процесса цифровизации преподавательской деятельности.

В первую очередь следует сказать о том, что в условиях цифровизации университетская среда и преподавательская деятельность изменяется не только в технологическом плане, но и социокультурном [5. С. 330]. Цифровые технологии меняют привычный уклад образовательного процесса, нормы взаимодействия препода-

¹ Исследование проводилось на базе ХГУ им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан, Республика Хакасия) в 2019 г. Методы исследования: анкетирование студентов и полуформализованное интервью с преподавателями. Выборка случайная, двухступенчатая: лотерейным методом были отобраны 7 институтов (более 75 % от общего числа институтов, осуществляющих профессиональную подготовку по программам высшего образования); затем с каждого института было опрошено по 10 % от общего числа штатных преподавателей и студентов в структурном подразделении. Всего было опрошено 500 студентов и 39 преподавателей. N=539.

вателей со студентами и внутри профессионального сообщества, в результате чего формируется новая социокультурная среда университета и, соответственно, новая модель преподавателя.

В ходе исследования было установлено, что большинством опрошенных преподавателей изначально неправильно понимается сам феномен цифровизации. Преподаватели часто отождествляют его с процессами информатизации и компьютеризации, и на практике внедрение цифровых технологий сводят к простому использованию компьютерной техники при проведении аудиторных занятий.

Более того, в ходе опроса было выявлено, что преподаватели испытывают трудности в адаптации к новым условиям. Основными причинами этого являются недостаточная материально-техническая база, низкий уровень компьютерной грамотности и информационной культуры, а также большая загруженность преподавателей, которая на фоне продолжающегося реформирования системы образования продолжает возрастать.

Что касается научной деятельности, то, на наш взгляд, цифровизация делает ее все более публичной. Выражение научных идей и тезисов, их критика и научные дебаты теперь происходят не только на страницах научных текстов, в ходе научно-практических конференций или защит диссертаций, но и в социальных сетях. Появляются ученые, которые активно публикуют результаты своих исследований, ведут научные споры, следят за достижениями своих коллег в Интернете, например, в сети Facebook. Это сделало научное сообщество более открытым, а научное знание более доступным для всех, кто им интересуется.

Внутри научного сообщества формируется новая группа ученых, так называемых популяризаторов науки, деятельность которых по большей части направлена не на проведение собственных исследований, а на анализ существующих научных публикаций по актуальным темам и трансляцию уже имеющегося знания в более понятной и простой форме, в том числе и посредством социальных сетей, электронных образо-

вательных платформ, видеолекций в Интернете и т.д. Это привело к интересному эффекту – расслоению внутри научного сообщества на ученых, которые занимаются исследовательской деятельностью и ученых-популяризаторов науки, которые со скепсисом принимаются научным сообществом и зачастую не воспринимаются как полноценные ученые.

Цифровизация изменила и критерии оценки управляемческими структурами деятельности преподавателей и университета в целом. Огромное значение приобретает не сама работа преподавателя в аудитории, а то, как это зафиксировано в документах и файлах, размещенных на сайте университета; не содержание научной публикации, а характеристики журнала, в котором она опубликована (импакт-фактор, базы цитирования и т.д.).

Каждый университет стремится каким-то образом зафиксировать результаты своей деятельности в цифровом пространстве, оставить какие-то «цифровые следы» – публиковать на своих сайтах информацию о значимых событиях вуза, отчеты о проведенных мероприятиях, видеолекции или тесты для контроля знаний. Совершенно очевидно, что в большинстве случаев эта информация интересна только внутривузовскому сообществу, а зачастую и вовсе ограничивается отдельным структурным подразделением университета. Но каждое упоминание об учебном заведении или его представителях в глобальной сети становится крайне важным для его руководства.

Таким образом, цифровизация образования обусловила значительные изменения как в педагогической, так и в научной деятельности преподавателя. Стремительное развитие и активное внедрение цифровых и компьютерных технологий в образовательный процесс, безусловно, открывает новые возможности для профессиональной самореализации преподавателей, но вместе с тем и создает для них определенные трудности. Недавний опыт вынужденного перехода всех образовательных учреждений на дистанционное образование еще больше актуализировал проблемы цифровизации и информатизации образования. Дальнейшее изучение данной темы представляется

значимым, поскольку позволяет зафиксировать проблемы внедрения цифровых технологий в образование, а результаты исследования могут полезны при разработке мероприятий, направленных на разрешение выявленных проблем.

Литература

1. Базаржапова Т.Ж. Ванзатова, Е.О. Современное образование в условиях цифровизации // Актуальные вопросы развития аграрного сектора Байкальского региона: мат-лы науч.-практ. конф., посв. Дню российской науки. 2019. С. 178–180.
2. Дзуцева З.Б., Беликова С.Б. Кризис или реформирование системы высшего образования // Успехи современной науки и образования. 2016. № 12. С. 63–67.
3. Колыхматов В.И. Профессиональное развитие педагога в условиях цифровизации образования // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 8 (174). С. 91–95.
4. Кочергин Д.Г., Жернов Е.Е. Опыт цифровизации высшего образования в США // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 2 (34). С. 12–23.
5. Мальцева С.Н. Цифровой вуз как неотъемлемая часть цифровизации образования // Технологии информационного общества: мат-лы XIII Междунар. отраслевой науч.-техн. конф. М., 2019. Т. 2. С. 329–331.

А.И. Евдокимов

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Абакан, Россия)
aievdokimov@gmail.com

ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ,
проект № 19-013-00949А «Культурно-этнические детерминанты
самостоятельности–личностной беспомощности молодежи
России и стран ближнего зарубежья
(на материале мигрантов из Центральной Азии)»*

Этнокультурное пространство регионов Российской Федерации последние десятилетия развивается под воздействием большого количества политических, социокультурных и

экономических факторов, которые связывают этнические культуры с двумя противоположными, но параллельными процессами: традиционализацией и модернизацией. В России, вследствие своей этнокультурной многогранности и комплémentарности, подобные процессы протекают крайне неравномерно и вызывают специфическую реакцию со стороны региональных и федеральных властей. Можно с уверенностью сказать, что в современной России именно этническая культура становится одним из основных очагов сопротивления местного населения «произволу» корпораций и «бесчинству» чиновников. Это связано с тем, что каждая этническая группа, проживающая на территории нашей страны, обладает собственной ценностно-мировоззренческой системой, включающей в себя неоднородные компоненты духовной и материальной культуры. На недавнем примере конфликта вокруг шиханов в Республике Башкортостан можно достаточно четко провести линию символического водораздела между двумя противодействующими сторонами. Для одних «шихан» – это холм, из которого можно добывать соду, для других – это сакральный объект, который связывает природу и человека, прошлое и настоящее. Это один из примеров того, как сегодня сталкиваются между собой символически направленные на прошлое традиционалистские и направленные на будущее модернистские мировоззренческие установки.

Традиционализм конструирует этнокультурное пространство территорий с опорой на исторические особенности жизни и бытия этнических групп, традиции, обычаи и другие укоренившиеся нормы. Традиционализм поддерживает механизм воспроизведения этнической культуры, который позволяет индивиду актуализировать свою этническую идентичность и поддерживать ее на протяжении жизни. В современной ситуации наиболее сложным моментом работы такого механизма является вопрос содержания этнической культуры, который должен решаться как с опорой на опыт предков, так и на объективные изменения окружающей реальности. Наиболее активные

и неравнодушные представители этнической культуры должны добиваться консенсуса и приходить к общему пониманию по поводу того, какие элементы материальной и духовной культуры будут считаться неотъемлемыми чертами и феноменами этнической культуры. А это в свою очередь ведет к нормализации межэтнической обстановки в полиэтнических территориях, ведь этническая культура, обретшая свою целостность, больше не нуждается в конфликте. Этническая культура и сопряженная с ней этнокультурная идентичность становятся «запасным парашютом», который может пригодиться индивиду при кризисе идентичности [4. С. 59]. Можно согласиться с новосибирскими исследователями, которые на примере республик Южной Сибири делают вывод, что именно баланс разных видов идентичности у молодежи (в первую очередь гражданской и этнической) приводит к нормализации межэтнических отношений и этносоциальной ситуации в регионе в целом [5. С. 79].

Модернизм исходит из обновления этнокультурного пространства с опорой на наследие материальной и духовной культуры Запада, за счет интенсификации процессов глобализации и интернационализации и включения в них представителей разных этнических культур. Модернизация в своем радикальном варианте может привести к созданию единой этнокультурной среды, в которой понятно и просто функционировать всем индивидам, но она может обернуться утратой массы уникальных феноменов этнических культур. Допускается вариант и с вынесением этнического компонента культуры за пределы внимания со стороны участников межкультурного диалога [7. С. 166]. С другой стороны, существует большое количество точек зрения, которые видят в модернизации положительные влияния, способствующие «осовремениванию» отстающих этнических культур. Это происходит, например, благодаря «изобретению традиций», которые помогают этническим культурам встроиться в глобальный историко-культурный контекст и привлечь к себе интерес со стороны групп, имеющих ресурсы для их развития [8. С. 51].

Вследствие усиливающегося влияния глобализационных процессов, миграции, массовой культуры и цифровизации этнокультурные сообщества российских регионов вынуждены адаптироваться к быстро меняющейся среде, сохраняя свои ценностно-мировоззренческие основы. С дополнительными трудностями в ходе адаптации сталкивается молодежь в полигэтнических регионах, где несколько этнических групп могут иметь различные векторы развития своей этнической культуры: одни – в сторону модернизации, другие – традиционализации. Так, выводы О.А. Персидской демонстрируют, что в Республике Тыва преобладают традиционалистские установки, свойственные этнической группе тувинцев, такие как феминность, колlettivism и высокая степень избегания неопределенности [6]. Ю.М. Аксютин отмечает гармоничность отношений между основными этническими группами, проживающими в республиках Южной Сибири, которая достигается благодаря сближению и согласованию их ценностных систем [2; 3]. Л.В. Анжиганова, В.Н. Асочакова и М.В. Топоева в этой связи отводят особое место набирающему популярность феномену этнорелигиозного и этнокультурного неотрадиционализма [1. С. 143].

В 2015 в рамках работы по научному проекту № 15-03-18023 «Акторы российской социокультурной модернизации: региональное измерение», поддержанному РГНФ, было проведено массовое социологическое исследование в республиках Алтай, Тыва и Хакасия, в результате которого было опрошено 389 респондентов в возрасте от 18 до 34 лет. В 2019 г. в рамках работы по научному проекту № 18-411-190002 р_а «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990-х – 2018 гг.)», поддержанному РФФИ и Правительством Республики Хакасия, на территории Республики Хакасия было проведено массовое социологическое исследование, в результате которого было опрошено 382 респондента в возрасте от 18 до 34 лет. Для

определения основных ценностных ориентаций респондентам был задан вопрос: «Какие ценности имеют для Вас большее значение?». По результатам исследования 2015 года были выявлены следующие основные ценности, которые получили наибольшую долю ответов среди опрошенных: здоровье – 67,1 %, семья – 59 %, любовь – 37,7 %, материальное благополучие – 33,6 %, образование – 24,2 %, законность – 19,9 %, карьера – 19,9 %, личное достоинство – 18,6 %, справедливость – 18,6 %, свобода – 15,5 %. Результаты исследования 2019 года во многом подтвердили полученные ранее данные: здоровье – 62,4 %, семья – 53,1 %, материальное благополучие – 39 %, любовь – 34,5 %, образование – 25,6 %, законность – 24,7 %, карьера – 23,6 %, справедливость – 21,9 %, личное достоинство – 18,2 %, порядок – 17,1 %.

В полигэтнических регионах Южной Сибири ценностно-мировоззренческие установки молодежи продолжают оставаться традиционными, несмотря на происходящие вокруг социально-политические трансформации. Поддержание ценностных ориентиров на заданном уровне видится одним из эффективных способов сохранения этнокультурного баланса и регулирования межэтнических отношений в национальных республиках и территориях с комплексной этнической структурой.

Литература

1. Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-Confessional Neotraditionalism in a Globalized World: Search of Basis of Identification // Revista de Humanidades (Spain). 2017. № 30. P. 141–153.
2. Аксютин Ю.М. Влияние процессов трансформации системы ценностей населения Саяно-Алтая на характер межэтнических отношений // Наукосфера. 2017. № 6. С. 3–6.
3. Аксютин Ю.М. Ценностные ориентации и этнокультурная комплементарность жителей Саяно-Алтая // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 1-2. С. 99–106.
4. Евдокимов А.И. Этнокультурная идентичность в социокультурном пространстве полигэтнического региона Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 56–60.

5. Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Южной Сибири в сравнительной перспективе // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 69–83.
6. Персидская О.А. Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 4.
7. Чистанов М.Н., Чистанова С.С., Маслова Т., Кудряшов И.С. Проблема построения новых теоретических моделей межкультурного взаимодействия в контексте реализации проекта «Нового шелкового пути» // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 1. С. 158–172.
8. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

Н.В. Лапшина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)
natalya_tornado@mail.ru

АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННОГО И КОЛИЧЕСТВЕННОГО НАПОЛНЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САЙТОВ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПОЛЬСКИХ НКО СИБИРИ)

В настоящее время в виртуальное пространство перемещаются многие виды человеческой деятельности, все большее количество людей использует глобальную сеть Интернет в целях удовлетворения своих интересов и потребностей. Поэтому актуальным становится исследование Интернета как особого пространства для коммуникаций, трансляций, презентаций, воспроизведения и конструирования моделей и образов этнической идентичности, отвечающих разнообразным потребностям общества. Отсутствие комплекса разработанных методов оценки сайтов и страниц социальных сетей по этнической тематике, а также малое количество работ, посвященных анализу контента веб-ресурсов национально-культурных польских объединений Сибири, послужили исходной точкой исследования сайтов и социальных сетей польских НКО Сибири. Были проанализиро-

ваны открытые интернет-ресурсы польских НКО, расположенных в Республике Алтай [16], Алтайском крае [1; 7], Республике Бурятия [9; 10], НКО Иркутской [13], Кемеровской [14], Новосибирской [2; 3], Омской [11; 15; 22] и Томской областей [18; 19; 20; 21], Красноярского края [4; 5; 8; 12], Республики Хакасия [6; 17].

Анализ контента всех сибирских НКО поляков осуществлялся по одинаковой методике, разработанной автором, которая заключалась в следующих пошаговых операциях:

- определение названия Интернет-ресурса;
- наличие связи ресурса с действующим онлайн сообществом;
- установление даты появления ресурса сообщества в Сети;
- определение количества подписчиков интернет-ресурса (для страниц сообществ в социальных сетях);
- выяснение структуры расположения информационных блоков на главной странице (для сайтов сообществ);
- определение наличия визуального (фото- и видео-) наполнения ресурса отдельно от ленты сообщений (для страниц в социальных сетях сообществ) или отдельного визуального блока (для сайтов сообществ);
- определение наличия аудио-наполнения ресурса отдельно от ленты сообщений (для страниц в социальных сетях сообществ) или отдельного аудио-блока (для сайтов сообществ);
- выявление текстовых документов ресурса отдельно от ленты сообщений (для страниц в социальных сетях сообществ) или отдельного блока с документами (для сайтов сообществ);
- определения языка текстовых сообщений, постов, аудио- и видео-наполнения, наличие перевода или его возможности;
- установление происхождения контентного наполнения, выяснение авторского (постов) или заимствованного (репостов, наличие ссылок) характера выкладки материала;
- подсчет количества выкладки сообщений помесячно и в течение года;

- выяснение тематики и подсчет сюжетов информационного контента интернет-ресурса сообщества, включая визуальную часть поста;
- выяснение тематики и подсчет сюжетов визуального контента Интернет-ресурса сообщества в отдельных блоках: фото- и видео-галереях сайтов и страниц в социальных сетях.

В результате анализа единиц контента ресурсов сети Интернет польских обществ Сибири и динамики их размещения было выявлено, что страницы и сайты одних НКО являются намного более насыщенными и информативными для пользователей, чем веб-ресурсы других национально-культурных центров. Различия в объеме и характере выкладываемых материалов напрямую связаны со сроком существования ресурсов национально-культурных центров в веб-пространстве; большей численностью и инициативностью подписчиков сообществ; активностью руководителей НКО и администраторов групп в социальных сетях. Преобладание авторских постов на страницах социальных сетей большинства польских НКО Сибири характеризует их стремление к увеличению содержательной составляющей контента интернет-ресурсов для участников сообществ, свидетельствует о более активной онлайн-деятельности. Большое число заимствованных постов указывает на более формальный подход администраторов других групп к размещающей информации.

Исследование сюжетов визуальных материалов, расположенных на страницах сайтов и социальных сетей польских НКО Сибири, позволило проследить основное направление деятельности обществ: разработка и проведение культурных мероприятий (как организуемых обществами самостоятельно, так и совместно с образовательными организациями и учреждениями культуры города или региона) в рамках поддержания этнической идентичности польского населения и заинтересованности в польской культуре иноэтнических групп, и дополнительное направление: участие в муниципальных, региональных и общероссийских мероприятиях, фестивалях и конкурсах

различного уровня, направленное на толерантное восприятие польской культуры в поликультурном окружении.

Системный подход к изучению веб-страниц и сайтов польских культурно-просветительских организаций позволил рассмотреть данные ресурсы сети Интернет как виртуальное пространство презентации этнокультурной идентичности национально-культурных объединений поляков Сибири. Анализ качественного и количественного наполнения интернет-ресурсов польских НКО выявил механизмы презентации польской культуры в Интернет-пространстве национально-культурными объединениями, способствующие поддержанию этнической идентичности поляков и их потомков в Сибири.

Литература

1. Алтайская краевая культурно-просветительская общественная организация «Дом Польский». Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://polonia-altaj.ru> (дата обращения: 25.03.2020).
2. Дом Польский в Новосибирске DOM POLSKI NSK. Группа в социальной сети Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://facebook.com/DomPolskiNSK> (дата обращения: 25.03.2020).
3. Дом Польский в Новосибирске DOM POLSKI NSK. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://dompolskinsk.ru> (дата обращения: 25.03.2020).
4. Красноярская Региональная Национально-Культурная Автономия «Дом Польский» Красноярск. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://dompolski24.ucoz.ru> (дата обращения: 25.03.2020).
5. Красноярская Региональная Национально-Культурная Автономия «Дом Польский» Красноярск. Публичная страница в социальной сети ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/public171430395> (дата обращения: 25.03.2020).
6. Культурно-Национальная общественная организация «Полония» Республики Хакасия. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodacynasyberii.pl> (дата обращения: 25.03.2020).
7. Национальный польский центр «Orzeł Biały». Группа в социальной сети ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club44241191> (дата обращения: 25.03.2020).
8. НКА «Дом Польский» Красноярск. Группа в социальной сети Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/groups/2144871215767426> (дата обращения: 25.03.2020).

9. НКА поляков г. Улан-Удэ «Nadzieja» («Надежда»). Группа в социальной сети Одноклассники [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/group/52672702644312> (дата обращения: 25.03.2020).
10. НКА поляков г. Улан-Удэ «Nadzieja» («Надежда»). Публичная страница в социальной сети ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/public92322189> (дата обращения: 25.03.2020).
11. Омская региональная общественная организация «Польское культурно-просветительское общество «RODZINA - СЕМЬЯ». Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rodzina.ru> (дата обращения: 25.03.2020).
12. Полония Минусинская/ Polonia Minusinska. Группа в социальной сети Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://facebook.com/poloniaminusinska/> (дата обращения: 25.03.2020).
13. Польская Культурная Автономия «Огниво». Группа в социальной сети ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/ogniwo> (дата обращения: 25.03.2020).
14. Польская региональная культурная община «Аполония». Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://polonia42.ru> (дата обращения: 25.03.2020).
15. Польский центр «ПОЛОНЕЗ» в Омске. Группа в социальной сети ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club6005938>(дата обращения: 25.03.2020).
16. Польское культурное объединение в Горном Алтае. Группа в социальной сети ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club42792992> (дата обращения: 25.03.2020).
17. Родаки Соотечественники. Группа в социальной сети Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/rodacysooteczestvenniki/> (дата обращения: 25.03.2020).
18. Томская полония. Группа в социальной сети Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/groups/562770083814445>(дата обращения: 25.03.2020).
19. Томский польский национальный центр «БЕЛЫЙ ОРЕЛ». Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [https://poland-tomsk.narod.ru.](https://poland-tomsk.narod.ru) (дата обращения: 25.03.2020)
20. Центр польской культуры «DOM POLSKI» в Томске. Группа в социальной сети Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/groups/403393839713869> (дата обращения: 25.03.2020).
21. Центр польской культуры «DOM POLSKI» в Томске». Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://dom-polski.tom.ru> (дата обращения: 25.03.2020).

22. Центр польской культуры «Rodzina». Группа в социальной сети ВКонтакте [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/rodzinaclub> (дата обращения: 25.03.2020).

Е.М. Лбова

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
kate.lbova@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В СОЦИОЛОГИИ: РАЗНООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ К ФЕНОМЕНУ ЯЗЫКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды
на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях»*

При изучении различных аспектов, связанных с межэтническими отношениями, социологи все чаще обращаются к рассмотрению процессов взаимодействия сообществ через призму этнической культуры и языковой принадлежности респондентов. Так, за последние полвека появился целый ряд дисциплин (этнолингвистика, этнокультурология, этносоциология, лингвокультурология и др.), базирующихся на принципе «взаимообусловленности индивида и общества, языка и культуры, бытия и сознания» [1. С. 112; 2]. В каждой из новых дисциплин особое значение придается языку как основному средству общения, фиксации, сохранения и передачи культурной информации.

Концентрация внимания ученых на языковой специфике связана с лингвистическим поворотом в социологии, произошедшим во второй половине XX в. Переосмысление феномена языка не было внезапным событием. Китайский исследователь Лю Цзюань выделяет целый ряд стимулов лингвистического поворота [3]. Среди них можно упомянуть формирование символического интеракционизма и этнометодологии, развитие герменевтики и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Каждое из этих направлений придает свое

значение феномену языка. В символическом интеракционизме (Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Зиммель) сформировано представление о языке как о важнейшем механизме формирования разума и личности, инструменте познания себя и общества. С позиций герменевтики (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр) толкование и язык не разделимы, «язык как понимание составляет априорную структуру человеческого существования» [3. С. 117]. Основоположник этнometодологического направления Г. Гарфинкель придавал «речевым актам» человеческой повседневной жизни особое значение. Ведь только благодаря им можно «войти в соприкосновение с обыденным опытом людей» [3. С. 118]. Теория Ю. Хабермаса фокусируется на понимании речи как важном условии деятельности сообществ.

Повлияла на феномен языка в социологии и теория дискурса М. Фуко. Согласно ей, язык формирует наше отношение к миру, поскольку в нем заложены ценностные ориентации, общественные правила и даже смысл жизни человека. Поэтому исследование речи, внутренней структуры языка и его функций посредством дискурсивного анализа позволяет выявить и трактовать различные социальные проблемы. Значения речевых конструктов не являются замкнутыми. Постоянно изменяясь в процессе общественных и культурных взаимодействий, они, тем не менее, мыслятся отдельно от субъекта. Поэтому в дискурсивном анализе не уделено внимание таким когнитивным понятиям, как личное отношение, образ тела и память.

Альтернативой дискурсивному анализу является интерпретативный феноменологический анализ (ИФА). Впервые ИФА был описан Дж. Смитом в журнале «Психология и здоровье» в 1996 г. и довольно быстро нашел поддержку среди специалистов в области психологического консультирования. В отличие от дискурсивного анализа, ИФА обращается к основным когнитивным конструктам, таким как отношение, образ тела и память. Иначе говоря, для решения исследовательской задачи анализируется персональный опыт отдельно взятой личности и значение, которое она ему придает [4. Р. 9]. Основу ИФА соста-

вили идеи ведущих представителей феноменологической философии: от внимания к значению опыта и восприятия Э. Гуссерля, до рассмотрения чувств отдельной личности, встроенной в мир объектов, отношений, языка и культуры в работах М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти и Ж.-П. Сартра. Социологи, использующие метод ИФА, изучают отношение людей к миру, значение их поступков и событий, анализируя также и персонализированные значения, которые респонденты вкладывают в те или иные слова [4. Р. 24].

Обращение внимания исследователей к проблемам отдельной личности как части социума изменило отношение к феномену языка. Если прежде язык рассматривался как автономная, самодостаточная система, то с появлением интерпретационистских теорий фокус внимания сместился на то, какие значения говорящий закладывает в языковые формы. Таким образом, различные подходы к феномену языка, обозначившие лингвистический поворот в социологии, позволили значительно обогатить методологический инструментарий исследования специфики межэтнических отношений.

Литература

1. Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Динамика владения языками в республиках Сибири // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18. № 1. С. 110–130.
2. Абрамова М.А. Костюк В.Г. Гончарова Г.С. Изучение влияния лингвокультурной специфики среды на межэтнические установки молодежи: факторы, индикаторы, показатели // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 83–89.
3. Лю Цзюань. О лингвистическом повороте в социологии // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 115–123.
4. Smith A.J., Flowers P., Larkin M. Interpretative Phenomenological Analysis: Theory, Method and Research. 2009. 232 p.

Д.Е. Леденев

Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики (Новосибирск, Россия)
dled04@yandex.ru

САМОРАСКРЫТИЕ В ПРОФИЛЕ: ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР ИЛИ ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТА?

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ
в рамках научного проекта № 20-011-32305 «Социальная сеть “ВКонтакте”
как пространство для выражения политической идентичности и проведения
агитационной деятельности»*

В современном мире человек проводит достаточно большое количество времени в социальных сетях. Несмотря на то, что в данном онлайн-пространстве за последнее десятилетие произошли значительные изменения, социальные сети по-прежнему в первую очередь используются как удобное средство коммуникации.

Неотъемлемым элементом общения (и онлайн-коммуникация здесь не является исключением) является самораскрытие – добровольная передача личной информации другому [4]. И если в традиционной «оффлайн» коммуникации человек в процессе взаимодействия раскрывает о себе информацию постепенно, и этот процесс действительно можно назвать длительным и осмысленным, то в социальных сетях картина обстоит несколько иначе. И это вызывает определенные опасения.

Еще на рассвете популярности соцсетей многие исследователи и эксперты по информационной безопасности приходили к выводу, что пользователи размещают чрезмерное количество личных данных в своем профиле [3]. Со временем появлялось все больше и больше подтверждений того, что данная практика несет в себе явные негативные последствия: в результате одной из последних утечек данных, которая произошла в 2019 г., пострадало свыше 267 млн пользователей Facebook [1]. Годом ранее и сама социальная сеть обвинялась в обмане пользователей в том, как контролируется конфиденциальность их

личных данных, что привело к наложению рекордного штрафа в \$ 5 млрд [5].

Нарастающее беспокойство в мире по поводу приватности личных данных навряд ли могло оставить кого-либо в стороне от данной проблемы: определенные меры принимают и социальные сети, и сами пользователи. Так, согласно результатам нашего исследования, после проведения «реформы приватности» в социальной сети «ВКонтакте» почти 15 % пользователей (14,87 %) полностью закрыли свой профиль от «посторонних» – тех, кого они лично не добавили в список своих сетевых друзей [2].

Если решение пользователя о приватности зависит от возможностей, предоставляемых социальными сетью, можно ли сказать, что и самораскрытие в профиле напрямую связано с тем, как он устроен? Является ли выбор пользователя в данной среде полностью осознанным, или же он обусловлен рамками, которые выстраиваются самой социальной сетью?

Чтобы в какой-то степени проверить данное предположение, в феврале 2020 г. нами был проведен контент-анализ 15 307 личных страниц пользователей «ВКонтакте». Анализировалась частота раскрытия 26 типов информации в профиле, которые условно можно разделить на четыре группы:

- основная и контактная информация (возраст и семейное положение, город проживания и номер телефона)
- интересы и увлечения (например, любимая музыка, книги, игры, цитаты)
- жизненная позиция (отношение к курению и к алкоголю, политические и религиозные взгляды)
- медиаактивность в соцсети (отметки на фотографиях, список аудиозаписей)

Поля в профиле, которые можно отнести к какой-либо из групп, находятся при заполнении в непосредственной близости, что, несомненно, удобно для самого пользователя. Но может ли это как-то повлиять на характер его самораскрытия? Заполнит ли он рядом стоящие поля, если ранее он не планировал этого

делать? Приведет ли это в конечном итоге к чрезмерному раскрытию личной информации? Или же действия пользователя можно считать полностью осознанными и не поддающимися какому-либо внешнему влиянию среды?

Как показали результаты проведенного корреляционного анализа, определенная зависимость между расположеными поблизости полями все же есть. В наибольшей степени она наблюдается в случае с такими типами информации, как «Главное в жизни», «Главное в людях», «Отношения к курению», «Отношение к алкоголю». Значения коэффициентов корреляции в данном случае достигали практически единицы (табл. 1), что говорит о наличии существенной взаимосвязи между частотой заполнения данных полей.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа

	<i>Главное в людях</i>	<i>Главное в жизни</i>	<i>Отношение к курению</i>	<i>Отношение к алкоголю</i>
<i>Главное в людях</i>	1			
<i>Главное в жизни</i>	0,996	1		
<i>Отношение к курению</i>	0,995	0,994	1	
<i>Отношение к алкоголю</i>	0,995	0,994	0,999	1

Также достаточно высокие значения были обнаружены в паре «Политические предпочтения» – «Мировоззрение» (0,57). Стоит отметить, что все перечисленные выше типы информации находились в одной группе «Жизненная позиция».

Аналогичная ситуация была обнаружена и в группе «Интересы» (табл. 2). Наибольшая взаимосвязь была выявлена между теми типами информации, которые раскрывали

отношение пользователя к каким-либо произведениям (это могли быть фильмы, книги, музыка).

Таблица 2

Взаимосвязь между частотой раскрытия
«Интересов» пользователем

	<i>Деятельность</i>	<i>Интересы</i>	<i>Любимая музыка</i>	<i>Любимые фильмы</i>	<i>Любимые книги</i>	<i>Любимые игры</i>	<i>Любимые цитаты</i>
Деятельность	1						
Интересы	0,66	1					
Любимая музыка	0,60	0,70	1				
Любимые фильмы	0,58	0,68	0,79	1			
Любимые книги	0,57	0,65	0,69	0,73	1		
Любимые игры	0,52	0,60	0,67	0,70	0,70	1	
Любимые цитаты	0,54	0,59	0,59	0,61	0,62	0,59	1

Таким образом, проанализировав частоту размещения информации в профиле, мы можем прийти к выводу, что определенный вклад в решение пользователя о самораскрытии вносит и сама структура личной страницы. Было замечено, что при заполнении полей профиля пользователь, как правило, не ограничивается каким-либо одним: он старается заполнить и находя-

шиеся поблизости, и отчасти схожие по смыслу типы информации.

Литература

1. Данные 267 млн пользователей Facebook оказались в открытом доступе [Электронный ресурс] // RBC.RU. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/20/12/2019/5dfc4e449a79477ad8a1dd5b (дата обращения: 01.09.2020).
2. Леденев Д.Е. Популярность закрытого профиля в социальной сети «ВКонтакте». Социология: мат-лы 58-й Междунар. науч. студ. конф. 10–13 апреля 2020 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 57–58.
3. Acquisti A., Gross R. Imagined communities: Awareness, information sharing, and privacy on the Facebook // International workshop on privacy enhancing technologies. Berlin; Heidelberg: Springer, 2006. P. 36–58.
4. Cozby P.C. Self-disclosure: a literature review // Psychological bulletin. 1973. Vol. 79, № 2. P. 73–91.
5. Facebook оштрафовали на рекордные \$ 5 млрд [Электронный ресурс] // FORBES.RU. URL: <http://www.cyclopedia.ru/100/194/2685432.html> (дата обращения: 01.09.2020).

С.А. Мадюкова

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
sveiv7@mail.ru

РОЛЬ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА НОВОСИБИРСКА

В статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках проекта РФФИ-ОГОН № 16-03-00144 «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска»

Новосибирск является самым крупным российским городом за Уралом и внесен в Книгу рекордов Гиннеса как самый быстрорастущий город-миллионник. Основанный в 1893 г., уже через 10 лет он получил статус города, а через полвека численность его населения увеличилась более, чем в сто раз (в 1897 г. в Ново-Николаевске проживало 8 тыс. чел., а в 1959 г. – 885 тыс. чел.).

На протяжении всей истории становления современного этнического портрета города важнейшую роль в нем играли миграционные процессы. Исследование степени укорененности жителей Новосибирска продемонстрировало, что 37,1 % представителей современной новосибирской городской молодежи являются мигрантами: 16,7 % из них стали новосибирцами после рождения, а 20,4 % проживают в городе менее 10 лет. Среди укорененных горожан четырехпоколенным стажем обладают только 7,4 % респондентов; 9,9 % имеют предков в городе с третьего поколения, остальные 45,6 % являются горожанами во втором поколении [1. С. 417].

Представляет научный интерес исследование миграционных потоков именно в этническом фокусе и их роли в формировании современного межэтнического сообщества города. В рамках проекта РФФИ № 16-03-00144 «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска» нами было проведено исследование истории миграций в Новосибирске, с учетом специфики миграционных потоков, их векторов и этнической окрашенности в различные исторические периоды и под влиянием разного рода исторических событий. В первой половине XX в. миграционные потоки определяли почти 90 % всего прироста городского населения [11. С. 14]. За весь же ХХ в. (с 1897 по 2002 г.) миграционный прирост составил 68 % (естественная прибыль 32 %) [6. С. 38]. Динамика численности населения Сибири в ХХ в. была существенно интенсивнее, чем в среднем по России. За период с 1926 по 2002 г. число жителей в Сибири выросло в 2,2 раза, в то время как в России – в 1,6 раз [6. С. 38].

В середине ХХ в. послевоенные миграционные потоки способствовали обновлению этнического портрета города в сторону размывания границ между этническими группами [3. С. 17]. В 1950-е годы можно отметить расширение иммиграционной географии: приток населения в Новосибирск и область

происходит не только из центральных регионов, но и с Дальнего Востока и Северо-запада России [5. С. 85].

В период перестройки и распада СССР в Сибирь направились специфические иммиграционные потоки, связанные со значительными социально-экономическими трансформациями стран и регионов исхода: вынужденные переселенцы, иммигранты из зон межнациональных конфликтов и т.д. В этот период Новосибирская область приняла выходцев из Таджикистана, республик Прибалтики, Приднестровья [7]. После распада СССР можно говорить об изменении статуса миграционных потоков, ставших международными [5. С. 86]. Кроме того, в этот период происходит массовый «западный дрейф» эмиграции, результатом которого стало существенное сокращение численности представителей немцев и евреев [2. С. 289].

В настоящее время Новосибирск является самым крупным в России муниципальным образованием. Численность населения города на начало 2020 г. составила 1,625 млн чел., из которых абсолютное большинство – это русские. Согласно данным последней переписи населения (2010 г.), в городе проживают представители 129 национальностей. Русских было 86,6 % от принявших участие в переписи населения (92,8 % – от числа указавших свою национальность). В то же время за последний межпереписной период Новосибирск существенно поменял свой этнический портрет: так, в частности, между переписями 2002 и 2010 гг. количество узбеков и киргизов выросло в 2,6 раза; таджиков в 1,9 раза; китайцев в 1,8 раза [13. С. 205]. Прирост в этот период продемонстрировали и представители сибирских этносов – алтайцы, буряты, тувинцы и др. В 2010 г. в первую десятку этносов Новосибирской области, по данным переписи, помимо русских, в порядке убывания численности, входили немцы, украинцы, узбеки, татары, казахи, таджики, армяне, азербайджанцы, киргизы и белорусы [9].

Говоря о миграционной динамике в межпереписной период 1989–2010 гг., стоит также отметить, что численность населения Сибирского федерального округа уменьшилась примерно на

5 %. Эмигрировали преимущественно русские [5. С. 87]. С 1989 г. существенно снизилась также численность украинцев, немцев, татар, чувашей, белорусов, евреев [12. С. 43], тогда как численность народов Средней Азии и Кавказа значительно выросла (за исключением казахов).

Компенсация демографических потерь в последние годы осуществляется в значительной степени за счет трудовых мигрантов из стран СНГ и русскоязычного населения республик Центральной Азии. За последние 15 лет динамика числа иммигрантов в Новосибирск из стран СНГ следующая: если в 2003 г. в город прибыло 989 чел., то в 2017 г. – уже 17 822 чел.[8]. В 2010 г. в Новосибирске на третье место по численности после русских и украинцев вышли узбеки [9]. В целом мигранты в настящее время прочно заняли определенные ниши на рынке труда города: они заняты в строительстве, торговле, ЖКХ, сфере услуг, транспорте и оказали влияние на этнокультурный ландшафт Новосибирска. На территории города образовался ряд мест компактного проживания, заселенных по этническому признаку. Такие территории обладают потенциалом к созданию анклавоподобных поселений, закрытых для принимающего сообщества.

Таким образом, существенное влияние на современный этнический портрет Новосибирска оказали миграционные волны. Современный социокультурный и экономический облик города во многом – продукт миграционных процессов. Именно под их влиянием Новосибирск и Сибирь в целом стали существенно более многонациональны. При этом важно отметить, что этносоциальная ситуация в Новосибирске в прошлом и настоящем отличается стабильностью и отсутствием масштабных межнациональных конфликтов.

Литература

1. Антропов Е.В. Устойчивость этнического самосознания современной городской молодежи (по данным анкетирования в Новосибирске) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. 13. С. 414–418.

2. Антропов Е.В., Октябрьская И.В., Смирнова Н.Е. Этносоциальные аспекты формирования человеческого потенциала Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т. 14. С. 288–291.
3. Антропов Е.В. Новосибирск: этнические аспекты возникновения и развития города (конец XIX – начало XXI в.). Автореф. на соиск. уч. степ. канд. истор. н. Томск, 2013. С. 414–418.
4. Антропов Е.В. Новосибирская область и город Новосибирск: основные тенденции трансформации этнодемографической структуры ХХ–XXI вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 92–96.
5. Антропов Е.В. Национальный состав Сибирского федерального округа: динамика этнодемографических процессов // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат-лы междунар. науч. конф. Барнаул, 2008. Вып. 7. С. 84–88.
6. Кисельников А.А. Население Новосибирской области. Новосибирск, 2005.
7. Краткая справка по истории Новосибирской области. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/page_2276/history2016.pdf (дата обращения: 10.08.2020).
8. Миграция населения города Новосибирска. [Электронный ресурс]. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/791c3300482fe811bfd0bfed3bc4492f/Миграция%20населения%20г.%20Новосибирска.pdf. (дата обращения: 10.08.2020).
9. Национальный состав населения муниципальных образований Новосибирской области. [Электронный ресурс]. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/1331588041396d3fac47ef367ccdf0f13/национальность.pdf. (дата обращения: 10.08.2020).
10. Национальный состав населения по субъектам Сибирского федерального округа [Электронный ресурс] // Итоги ВПН-2010 – Новосибирскстат. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/Национальный%20состав%20населения%20по%20субъектам%20Сибирского%20федерального%20округа.xls (дата обращения: 12.08.2020).
11. Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965. С. 14.
12. Попков Ю.В. Социальное самочувствие локального межэтнического сообщества (опыт диагностики на примере города Новосибирска) // Новые исследования Тувы. 2015. № 3 (27). С. 41–53.
13. Соболева С.В., Октябрьская И.В., Антропов Е.В. Человеческий потенциал городов Сибирского федерального округа: оценка этнических рисков в контексте развития миграции // Регион: Экономика и Социология. 2013. № 4 (80). С. 198–220.

А.П. Никитин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Абакан, Россия)
nikitinanton5891@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЦЕССА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации, проект № МК-1519.2019.6

Современная экономическая мифология является значимым фактором в процессе социокультурной модернизации, непосредственным образом влияя на экономическое поведение индивидов и социальных групп. С другой стороны, она же репрезентирует особенности модернизационного процесса, в частности показывает содержание установок, находящихся в противоречии с образом «экономического человека». При этом современная экономическая мифология отражает как новые идеологемы, так и основывается на архаичных представлениях. И те, и другие выглядят иррациональными, но тем не менее могут быть эффективными даже с позиции практической целесообразности. Как отмечает Б. Лиетар, в принципе в финансовом планировании нельзя опираться только на рациональные инструменты, важную роль здесь играют факторы, не поддающиеся объяснению [3].

Содержание экономической мифологии можно условно представить в виде двухуровневой системы. На первом уровне этой системы находится совокупность различных заблуждений касательно устройства экономики, которым противопоставляют адекватные знания из экономической теории [2]. Второй уровень – это повседневные практики, которые вытекают из этих заблуждений и укоренены либо в обычаях, либо в новых иррациональных концепциях обогащения. К таким практикам можно отнести следование приметам, обряды, магические ритуалы,

действия, основанные на вере в эзотерику и популярную психология.

Распространенность этого второго уровня мифотворчества описана в следующем анекдоте: «Рекомендации богатых для финансового успеха: 1) покупай активы, а не пассивы; 2) откладывай 10 % от всех доходов; 3) веди учет всех доходов и расходов; 4) учись у успешных людей. Рекомендации бедных для финансового успеха: 1) не отдавай деньги вечером; 2) не держи кошелек пустым; 3) не свисти дома; 4) веник ставь ручкой вниз». В данном анекдоте конкретным советам по управлению финансами противопоставлены приметы, следуя которым якобы можно сохранить деньги. При этом подчеркивается, что такие советы свойственно давать именно бедным людям, т.е они неэффективны.

Среди этого набора мифов особняком стоят советы популярных психологов, в основе которых находится учение об особой «энергии» денег и об отношении к обогащению. Сущность этого учения заключается в том, что, если индивид хочет обогатиться, он должен изменить свои жизненные установки, сделать их в неопределенном смысле позитивными по отношению к деньгам. Предполагается, что причины бедности отдельного человека заключаются не в социальных условиях его существования, а в его внутреннем настрое. Чаще всего позитивное отношение предполагает способность человека легко расставаться с деньгами, что, как ни парадоксально звучит, должно стать фактором того, что деньги будут преумножаться. Наоборот, негативное отношение предполагает, что индивид расстается с деньгами неохотно, поэтому они к нему и не «приходят».

Типичный пример такой мифологизации – материал на сайте «Идеономика» под названием «5 мифов о деньгах, которые мешают вам добиться успеха»¹. Характерен подзаголовок статьи:

¹ Джеймс Дж. 5 мифов о деньгах, которые мешают вам добиться успеха [Электронный ресурс] // ИДЕОНОМИКА. URL: <https://ideanomics.ru/articles/2256> (дата обращения: 29.07.2020).

«То, сколько вы заработаете, зависит от вашего отношения к деньгам». По мнению Дж. Джеймса, автора статьи, относится к ним необходимо следующим образом (сразу оговоримся, что с большинством из пунктов можно согласиться): 1) не нужно считать всех богатых людей подонками и мерзавцами; 2) не нужно считать, что деньги – зло; 3) не нужно думать о мелких суммах; 4) нельзя полагаться только на заработную плату; 5) не нужно считать деньги главной ценностью.

Почему данные советы вполне адекватны с одной стороны, но претендуют на статус мифа с другой? Их адекватность выражается в том, что они во многом отражают специфику постиндустриального общества, в котором производительный труд и установка на сбережение уступают место по своей значимости демонстративному потреблению и инвестированию в различного рода капиталы. К примеру, странный на первый взгляд призыв тратить больше, чтобы получить больше, является как раз отражением распространенной практики инвестирования в свой символический капитал. Индивид может демонстративно тратить деньги, создавая образ успешного человека, а затем использовать этот образ для реального заработка. Такая стратегия действительно отличается от стратегии, доминирующей в индустриальном обществе, где главным было накопление и труд в их различных ипостасях.

Но за адекватностью всех этих советов скрывается иллюзия некоторой легкости обогащения. Людям доносится мысль, что, стоит отказаться от старых предрассудков, как деньги потекут рекой. Представим индивида, который прочитав статью Дж. Джеймса, решил сделать его советы содержанием своих интенций. Скорее всего, конечный итог будет зависеть не от следования самим принципам, а от размера первоначального капитала и личных качеств. У всех этих советов нет главного – донесения того факта, что денежный успех зависит не столько от отказа от старой финансовой этики, сколько от способности работать в новых экономических условиях. То есть неприятие традиционных стереотипов в отношении к деньгам является

необходимым условием для обогащения, но вовсе не достаточным. Деньги в зависимости от отношения к ним человека к нему не «придут», их невозможно «позвать» и «примагнитить». В конечном счете появление денег у него все равно зависит от его действий.

В каком смысле эта новая экономическая мифология представляет особенности процесса социокультурной модернизации? С одной стороны, она отражает реальные практики, о чем много писали постмодернисты, к примеру, Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» [1]. Он, в частности, отмечал, что опережающее потребление (основанное на кредите) изменило само отношение к вещам, они перестали восприниматься как заработанные, а стали восприниматься как своего рода «подарок жизни», а отсюда возникла идея бессмысленности накопления.

С другой стороны, популярность современной экономической мифологии свидетельствует о том, что иррациональные стратегии в деле обогащения все более завладевают умами людей. Оказавшись в ситуации, когда денег едва хватает на самое необходимое, люди прибегают к всевозможным способам, которые им предлагает народный фольклор и современный рынок финансовых спекуляций. В этих практиках отражается глубинное противоречие в процессе социокультурной модернизации, когда рациональные инструменты сталкиваются с иррациональными поведенческими паттернами. Данное противоречие усугубляется тем, что узкому кругу лиц действительно удается обогатиться за счет таких паттернов, что является еще одним фактором в распространении их популярности и мифологизации экономического сознания.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
2. Горшков А.В. Экономический миф: сущность, формы, функции // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 19. С. 12–20.
3. Листар Б.А. Душа денег. М.: Олимп, АСТ, 2007. 365 с.

О.А. Персидская

Институт философии и права СО РАН

(Новосибирск, Россия)

olga_alekseevna@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В НОВОСИБИРСКЕ

*В статье представлены результаты исследования, проведенного
в рамках проекта РФФИ-ОГОН № 16-03-00144*

*«Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества:
построение системы показателей и апробация в деятельности
органов муниципального управления города Новосибирска»*

Акцентуация расовой, языковой, конфессиональной, культурной и иной отличительности является одной из значимых черт современного общества. Дискурс, построенный на различиях социальных идентичностей, зачастую приводит к конфликтным эпизодам. Разная этническая идентичность конфликтующих групп, манифестируемая в ходе конфликта, становится основанием для классификации межэтнических конфликтов как отдельного вида социальных конфликтов. Причины таких конфликтов как правило комплексные, при этом далеко не все из них имеют прямое отношение к этничности.

Для описания и анализа межэтнических конфликтов исследователи как правило выбирают кейсы, в которых явно присутствует ситуация открытого противостояния. В то же время, часто за рамками анализа остается широкое полотно фонового потенциально конфликтного межэтнического взаимодействия. Нам представляется, что в исследовательской практике для более полного описания хода межэтнических конфликтов может быть использован социокультурный подход [подробнее об апробации подхода к социологическим исследованиям см. 1 и 2]. Далее на примере анализа результатов двух социологических исследований (массового и экспертного опросов, проведенных в 2016–2017 гг.) мы постараемся продемонстрировать, какие социокультурные причины превалируют у межэтнических

конфликтов в Новосибирске. Мы считаем, что выявление и описание социокультурных причин конфликтов может иметь практическую значимость как для гармонизации межэтнических отношений, так и для предупреждения потенциальных конфликтных эпизодов. К участию в экспертном опросе были привлечены специалисты, соприкасающиеся с темой межэтнических отношений в своей работе. Выборка массового опроса составила 1200 новосибирцев.

По результатам массового опроса зафиксировано, что отношения между людьми с разной этнической идентичностью скорее позитивные, чем негативные: хорошими или терпимыми межнациональные отношения считают 68 % респондентов, а напряженными или конфликтными – 26 %. В то же время такая оценка, как видится, слабо коррелирует с отношением к иноэтническим мигрантам: всего 6 % относятся положительно к их приезду в город, нормально – 19 %, столько же – негативно; большинство (36 %) относятся к их приезду нейтрально.

Для части опрошенных отрицательное отношение к мигрантам практически не нуждается в подкреплении никакими объективными факторами, а существует само по себе. Большинство опрошенных среди тех, кто идентифицировал себя как русских, за последние полгода не сталкивались с драками на межнациональной почве, со случаями неуважения обычаев или традиций русского народа, с деятельностью этнических преступных группировок, с националистической или религиозно-экстремистской пропагандой. Достаточно редкими или даже исключительными событиями в жизни указанных респондентов были оскорблении или угрозы по национальному признаку. Скорее всего, это говорит о наличии в массовом сознании некоторых представителей принимающего сообщества субъективно сформированной негативной установки по отношению к иноэтническим мигрантам, которая практически не нуждается в обосновании объективными причинами. Этнофобные мифы, рождающиеся в таком поле, усиливают межэтническое напряжение и способствуют формированию негативных установок, что косвенно может

приводить к возникновению конфликтных эпизодов. А ограниченность взаимоотношений между принимающим сообществом и мигрантами затрудняет интеграцию последних.

Обратимся к анализу данных экспертного опроса. Эксперты обрисовали два основных типа причин межэтнических конфликтов в Новосибирске. В первом случае, по мнению экспертов, причиной конфликтов выступает сам факт этнического разнообразия. В ходе совместной жизнедеятельности он порождает некоторые ситуации «несовместимости» по-разному этнически идентифицирующих себя людей. Можно сказать о том, что этническая ксенофобия влияет на представления о межэтнических отношениях как в экспертной среде, так и у участников массового опроса, и ее преодоление, по-видимому – актуальная потребность современности. Во втором случае конфликт имеет функциональную природу, а этничность является лишь формой его проявления. Здесь прежде всего нужно сказать о конфликтах, спровоцированных бытовыми противоречиями из-за разницы в нормах, традициях и образе жизни. При эскалации таких конфликтов быстро наступает стадия, когда участники или наблюдатели переходят к оперированию негативными этническими стереотипами. Другой распространенной причиной межэтнических конфликтов эксперты называют общее ухудшение социально-экономического положения, в том числе связанное с возрастанием конкуренции за бюджетные ресурсы. Дополним, что, как отметили многие эксперты, напряжение в обществе и его страхи вызваны не столько численным наплывом мигрантов, сколько угрозой терроризма, экстремизма и национализма. Также усилинию межнационального напряжения способствуют внутридиаспоральные и междиаспоральные конфликты, которые закрыты от глаз принимающего сообщества и тем самым продуцируют страхи и антимигрантские настроения. В этой связи обращает на себя внимание то, что 33 % респондентов, участвовавших в массовом опросе, полагают, что в ближайшее время возможно возникновение межэтнических конфликтов.

Заключая анализ данных экспертных интервью и массового опроса, можно сказать, что на данном этапе сообщество Новосибирска движется скорее по пути социокультурной дезинтеграции, нежели интеграции с мигрантами и их этнокультурными сообществами. Впрочем, такая ситуация не уникальна и характерна для многих крупных городов мира, испытывающих на себе последствия интенсивных миграционных процессов.

Литература

1. Попков Ю.В., Скалабан И.А., Тюгашев Е.А., Костюк В.Г., Мадюкова С.А., Персидская О.А., Тарбастаева И.С., Вавилова Н.Д., Терентьева М.Н., Осьмук Л.А., Дерига Е.С. Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика. Новосибирск, 2018.
2. Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 69–83.

О.А. Полюшкевич

Институт социальных наук Иркутского государственного университета
(Иркутск, Россия)
okwook@mail.ru

БЛАГОДАРНОСТЬ И ВЕРНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Изучение благодарности и верности строится на основе исследования социальных связей коллективных эмоций. Эти явления выступают связующими для всех социальных институтов, т.к. в различных формах пронизывают их. Общество само по себе – это система множества взаимодействий разного уровня и порядка, форм и условий. В основе этих интеракций лежат цели и интересы отдельных людей и целых сообществ. Возникающее единство взаимодействия создает нормы, формы и ритуалы появления и проявления благодарности и верности, как способов закрепления и завершения акта взаимодействия.

Благодарность и верность способствуют самосохранению группы. Сеть взаимоотношений, возникающих в повседневной жизни (имеющей как положительные, так и отрицательные формы), сохраняется социетальной тканью общества. Взаимодействие членов общества дает возможность понимать друг друга. Благодарность и верность (как формы второго порядка по Г. Зиммелю) в процессе взаимоотношений выступают связующим элементом всех акторов и институтов интеракции, т.к. являются «формами форм» [1].

Благодаря формам второго порядка поддерживается и продлевается актуальность и устойчивость форм первого порядка. Например, отношения денег или семейные отношения, отношения друзей или сотрудников компаний, выступая формами взаимодействия первого порядка, дополняясь в процессе интеракции благодарностью и верностью (формами второго порядка) получают дополнительную устойчивость, силу, энергию, определяют перспективы и формы развития, усиливая внутренние и внешние связи между теми, кто вступил в это взаимодействие, придавая значимость прошлому опыту и будущим возможным проектам взаимодействия. Благодарность и верность укрепляют память о прошлых взаимосвязях и формируют рамки, нормы и формы будущих взаимодействий. Вплетенные в социальные связи благодарность и верность укрепляют саму сеть взаимодействия и влияют на качество отношений внутри сообщества. Возникающая через благодарность и верность своеобразная инерция в отношениях обеспечивает формирование и укрепление социокультурной солидарности социальной системы, формирование коллективных эмоций и условий просоциального поведения.

Аффективно-эмоциональные состояния являются определяющими в построении долгосрочных социальных сетей и взаимодействий, строящихся на эмоциональных связях. Благодарность человека к другому проявляется не только в момент ее переживания, но и в последующих воспоминаниях о событиях и повтором и/или продолжающемся чувстве благодарности.

То есть, благодарность выступает связующим элементом в длительных взаимодействиях людей (как в малых, так и в больших группах).

Связь между людьми, возникающая в результате возникшей некогда эмоции благодарности, выступает определяющим критерием в формировании качества взаимоотношений, субъективного восприятия и объективного оценивания происходящих событий. Она может как активно проявляться – через выражение в словах, мыслях и поступках, так и быть пассивной – «ждать случая», проявляться в определенные моменты времени (например, благодарность воинам-победителям, которая наиболее четко осознается и внешне проявляется в знаменательные даты и дни победы). Также благодарность становится «памятью» о радости, волнении, удовольствии, испытанном никогда в локальной ситуации – например, при получении подарка или похвалы.

Если благодарность строится на положительных событиях и переживаниях, то верность имеет более широкую палитру проявления и может опираться не только на положительные, но и отрицательные (вынужденные, жесткие, вынужденные) моменты и процессы. Например, соблюдение верности уже умершему супругу или верность присяге даже после поражения в военных действиях. Верность сама по себе выступает формой воспоминания бывшего.

Более того, верность строится на коллективных обязательствах и эмоциональных связях с семьей, организацией, государством, т.е. всем субъектах, с кем имеются коллективные воспоминания. Чувство верности выступает примером иллюстрации устойчивых связей социальных сетей, удерживающих в самых противоречивых и сложных ситуациях. По нашему мнению, благодарность и верность являются основой социальной жизни, основой формирования социокультурной солидарности поколений. Они активируют социализирующую функцию адаптации человека в любой социальной среде. Эти состояния позволяют чувствовать себя нужным (государству, нации, организации, семье, человеку), позволяют реализовывать

(играть) свою роль. Благодарность и верность создают условия для существования общества как такового – обеспечивает условия социетального взаимодействия. Без форм второго порядка невозможно быть хорошо социализированным человеком или группой людей.

В повседневном взаимодействии с членами семьи, друзьями, коллегами, согражданами эти состояния получают «подпитку», что позволяет им существовать длительные периоды и закрепляться в родовой памяти. Они сохраняются и поддерживаются коллективной памятью и индивидуальными воспоминаниями, что придает им особое значение. Благодарность, как и верность (по Зиммелю) выступает «моральной памятью человечества», основой коллективной памяти. Она связывает людей невидимыми нитями аффективно-эмоциональных состояний, выступающих основами просоциального поведения.

Литература

1. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung // Simmel G. Gesamtausgabe: In 24 Bd. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. Bd. 11. P. 25–39.

И.В. Сапон

Сибирский государственный университет телекоммуникаций
и информатики (Новосибирск, Россия)
irina.sapon@bk.ru

ЛИЧНЫЕ ДАННЫЕ В ПРОФИЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: ПРИЧИНЫ ПУБЛИКАЦИИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Новосибирской области,
проект № 19-411-543002 «Исследование самораскрытия в профиле на
примере социальной сети “ВКонтакте”»*

Социальные сети изменили границы приватности людей, предоставив пользователям широкие возможности для отображения различных аспектов личной жизни в публичном онлайн-пространстве [1]. При этом раскрытие личной

информации для широкой аудитории не всегда бывает безопасным. К примеру, в профиле социальной сети многие пользователи указывают свои персональные данные (возраст, город проживания, номер телефона), и эта информация охотно используется администрацией социальной сети, различными коммерческими компаниями, а также злоумышленниками [2]. В связи с чем перед исследователями возникает задача изучения причин раскрытия личной информации пользователями в публичном онлайн-пространстве. Это будет способствовать поиску способов защиты пользователей от нежелательных последствий раскрытия данных. Цель работы – выявление причин публикации личных данных в профиле социальной сети «ВКонтакте».

Мы провели 40 очных интервью с пользователями социальной сети «ВКонтакте», проживающими в Новосибирске. Возраст респондентов варьировался в диапазоне от 14 до 62 лет (средний возраст – 28.23, SD=11.45). Среди опрошенных были 24 мужчины и 16 женщин. Респондентам был задан вопрос о причинах, по которым они заполнили профиль «ВКонтакте». В ходе дальнейшего анализа результатов мы сгруппировали тематически близкие ответы, выделив несколько основных причин раскрытия данных в профиле. Рассмотрим их подробнее.

1) *Удобство идентификации и быстрой связи.* Многим пользователям важно, чтобы их знакомые (а также клиенты или коллеги) могли без труда найти их страницу и оперативно связаться с ними. Именно по этой причине пользователи размещают узнаваемое фото, а также указывают основную информацию о себе: имя, фамилию, возраст, город, место работы или учебы, а также номер телефона или ссылки на аккаунты в других социальных сетях.

2) *Самопрезентация и самопропагандирование.* Как известно, страница социальной сети выполняет роль «визитной карточки» пользователя. И это одна из важнейших ее функций. Респонденты отмечали, что публикуют лишь ту информацию, которая подчеркивает их выгодные стороны и качества

(например, хорошее образование, интересная профессия, хобби). И избегают публиковать те данные, которые могут как-либо испортить репутацию (закрывают настройками приватности фотографии с «приватных вечеринок», не указывают учебные заведения с низким рейтингом).

Кроме того, немалая часть пользователей заявили, что используют социальные сети, в том числе, и для продвижения своих услуг. Именно для этих целей они подробно заполняют профиль, рассказывая о себе: это повышает доверие к ним и к рекламируемому продукту (к услуге, к товару). Также в профиле можно разместить необходимую рекламную информацию (обычно такие сведения указываются в поле «Интересы», «Статус» и «Деятельность»).

3) *Конформизм*. В ходе интервью несколько респондентов признались, что заполнили профиль «для галочки», последовав рекомендациям данной социальной сети («Загрузите фото профиля», «Укажите Ваши контакты») и посчитав, что это обязательное условие участие в данном интернет-сообществе. Однако в дальнейшем, освоившись, они нередко сокращали количество раскрытой информации или меняли данные на вымышленные, чтобы вернуть себе комфортный уровень приватности.

4) *Рейтинг*. Некоторые пользователи, зарегистрировавшие свой аккаунт достаточно рано – в период появления социальной сети «ВКонтакте» (в 2007–2008 гг.), упоминают о рейтинге, который в тот момент подтолкнул их максимально раскрыть личные данные. Чтобы профиль получил высокий рейтинг, необходимо было раскрыть определенное количество личной информации. В таком случае у пользователя появлялись некоторые преимущества перед другими участниками данной социальной сети. К примеру, профиль располагался выше остальных в списке друзей или в общем поиске.

5) *Публичное сохранение данных*. Так как для многих пользователей частое пребывание в социальной сети стало привычным, закономерно, что они используют данное пространство как медиа-блокнот, где можно сохранить важную

информацию, ссылки и сделать быструю заметку. Однако это происходит не только в закрытом виртуальном диалоге с самим собой (в разделе «Личные сообщения»), но и в публичном пространстве профиля. Здесь можно сохранить список любимых фильмов, музыки и книг, а также использовать как резервное хранилище личных фото и видеозаписей.

Многие респонденты признавались, что пользуются личной страницей социальной сети как публичным блокнотом, т.к. им удобно хранить информацию в открытом доступе. К ней всегда в случае необходимости можно вернуться самому или предоставить ее другим пользователям.

Менее частыми ответами на вопрос о причинах раскрытия данных были:

- Это помогает прояснить ценности участников коммуникации и решить, с кем сближаться.

- Заполнение данных в профиле проходило в подростковом возрасте, когда это было интересно.

- Эффект новизны от появившегося практически уникального на тот момент средства общения вызвал бурный массовый интерес и способствовал максимальному раскрытию личной информации.

Таким образом, причины раскрытия личных данных кроются как в факторах среды (подсказки социальной сети заполнить профиль, удобство сохранения данных, значение рейтинга), так и во многих личностных и социальных потребностях. Также нельзя исключать эффект новизны при появлении нового социального медиа.

Литература

1. Пронкина Е.С. Режимы публичности и приватности в социальных медиа // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 315–321.
2. Xie L. Who Moved My data? Information Privacy Concerns In the Big Data Era //4th International Symposium on Social Science (ISSS 2018), Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 89. P. 306–310.

И.С. Тарбастаева

Институт философии и права СО РАН

(Новосибирск, Россия)

Inna-tarbastaeva@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ЦЫГАН В СОЦИУМ: ЛОКАЛЬНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ (КЕЙС ЦЫГАН С ЛЕСОПЕРЕВАЛКИ)

В статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках проекта РФФИ-ОГОН № 16-03-00144 «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска»

Социальная интеграция цыган в российское общество до настоящего дня остается одной из неразрешенных задач в области государственной национальной политики. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории страны проживает 200 тыс. человек, представляющих данную этническую группу. Несмотря на свою многочисленность, эта этническая группа отличается высокой степенью закрытости, что создает социальную дистанцию между цыганами и всеми другими. В результате они длительное время подвергаются стигматизации и дискриминации по этническому признаку. До сих пор не выработаны эффективные практики, направленные на снятие напряжения и принятию цыган, прежде всего, как «таких же» людей. Такая задача требует наращения научного знания о специфике современной жизни цыган, их потребностях, страданиях, жизненных стремлениях.

Поскольку цыганам независимо от того, город это или поселок, свойственно локальное проживание небольшими группами, то представляется перспективным изучать особенности их межэтнического взаимодействия в конкретных местах. Одним из решений может стать изучение цыган, их межэтнических контактов с помощью метода социального картирования [1; 2]. Эскизное социальное картирование помогает оценить

социальное пространство на предмет существующих противоречий, зафиксировать конфликты, в том числе этнические. В этом смысле показателен кейс конфликта интересов цыган и местного сообщества в микрорайоне Лесоперевалки на левом берегу г. Новосибирска.

В Новосибирске цыгане проживают относительно недавно. При этом наблюдается рост их численности: в 1989 г. количество представителей этого этноса составляло 1,9 тыс. чел., в 2002 и 2010 гг. – 2,8 тыс. чел. [3. С. 191]. Как и по всей стране, жители города к ним относятся настороженно и с недоверием. Согласно массовому опросу жителей, проведенному в рамках проекта РФФИ-ОГОН № 16-03-00144, в 2014 г. в Новосибирске 5,5 % опрошенных испытывали к цыганам антипатию [4. С. 264].

В микрорайоне Лесоперевалки цыгане проживают компактно: в восьми домах, расположенных в один длинный ряд. До недавнего времени территория возле Димитровского моста была полностью застроена частным сектором. Шесть лет назад началось строительство жилищных комплексов. Примечательно, что близкое проживание цыган оценивается риелторами и самими жителями как один из минусов приобретения жилья в этом микрорайоне. Цыгане воспринимаются жителями многоэтажек как опасные чужаки. Несмотря на то, что комплексы огорожены, цыгане часто заходят на территорию, чтобы сделать покупки в магазинах, аптеках. Пройти несложно – достаточно набрать номер магазина на воротах заборов. Одним из факторов, вызывающих напряжение у местных жителей, является не только уже сформировавшиеся негативные стереотипы, но и в некотором роде пренебрежение цыганами рядом социальных норм (например, громкая музыка на свадьбах).

Жители многоэтажек периодически поднимают вопрос о том, чтобы сделать жилищные комплексы полностью закрытыми и не пускать цыган даже в магазины. Возникает конфликт интересов сразу между тремя сторонами: а) жителями комплексов, которые не желают видеть у себя во дворах цыган; б) собственниками магазинов, заинтересованными в увеличении

оборота прибыли и не готовыми сократить объемы продаж путем сокращения количества покупателей; в) самими цыганами, ощущающими себя коренными жителями микрорайона (поскольку проживали на этой территории раньше), и желающими пользоваться доступной инфраструктурой. В этом сюжете также присутствуют мотивы этнической дискrimинации: по логике некоторого числа жителей не-цыган пропускать на территорию можно, а цыган – нельзя. Очевидно, что это – не выход из положения. С одной стороны, такое решение будет проявлением неравенства по этническому признаку (если не будут пропускать только цыган), с другой стороны сойдут на нет возможности коммуникации между двумя группами. Без живого общения, регулярного взаимодействия на основе добрососедских отношений практически невозможно интегрировать цыган в локальный социум.

В качестве решения проблемы представляется значимым формирование независимой площадки для обсуждения наболевших вопросов, на которой были представлены обе стороны. Начавшийся диалог может помочь сформулировать общие правила, понятные и легитимные для всех. Однако есть опасения, что закрытость цыган и сильные негативные стереотипы русских о них делают это идею скорее утопической, чем реальной.

Выходом из ситуации могло бы стать создание единой облагороженной городской среды, принадлежащей всем на равных правах. Открытые детские площадки, доступные магазины, парикмахерские, скверы для отдыха естественным образом соединили бы людей в одно местное сообщество. Надо отметить, что в условиях точечной застройки, когда компании борются только за качество собственного продаваемого жилья и не думают о микроклимате всей территории, формирование общих мест для коммуникации становится затруднительным. Следующим шагом на пути интеграции цыган может стать содействие их включению в экономические связи путем предпринимательской деятельности. У российских цыган,

хорошо сохранивших традиционные культурные установки, самостоятельный бизнес является наиболее «правильным» и престижным занятием [5. С. 47]. Открытие магазинов, мастерских по ремонту, пошиву одежды (возможно, конных клубов) на базе мест их компактного проживания способствовало бы уравниванию социальных статусов цыган и русского местного населения, что позволило бы снять имеющиеся межэтническое напряжение в локальном пространстве.

Литература

1. *Smith C., Denton M., Faris R., Regnerus M.* Mapping American Adolescent Religious Participation // Journal for the Scientific Study of Religion. 2002. Vol. 41. № 4. P. 597–612.
2. Скалабан И.А. Картрирование как инструмент диагностики состояния городского межэтнического сообщества // Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика: монография / кол. авт.; под. ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. С. 160–161.
3. Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В. Становление, формирование и современное состояние межэтнического сообщества г. Новосибирска // Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / кол. авт.; под. ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. С. 180–197.
4. Попков Ю.В. Динамика межэтнических отношений в оценках общественного мнения // Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / кол. авт.; под. ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. С. 256–263.
5. Цветков Г.Н. История и социальное развитие цыганловаря // Наукові записки. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2008. Т. 15. Тематичний випуск «Роми України: із минулого в майбутнє». С. 471–488.

Е.Е. Тиникова*, А.И. Евдокимов**

* Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Абакан, Россия)
lena.tinikova@mail.ru

** Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Абакан, Россия)
aievdokimov@gmail.com

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОНОГОРОДОВ
ХАКАСИИ: СПЕЦИФИЧЕСКОЕ И ОБЩЕЕ
В РЕГИОНАЛЬНОМ СРЕЗЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2019 ГОДА)**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Республики Хакасия в рамках научного
проекта № 19-49-190001 р_а «Социальные проблемы моногородов
Хакасии: факторы, динамика, поиск решений»*

Индустриальная логика создания и развития поселений вокруг крупных промышленных объектов была основным вектором урбанистического развития территории XX в. Однако переход в постиндустриальную эпоху стал большим вызовом для жизнеспособности результатов такого развития. В связи с тем, что в XXI в. темпы промышленного производства замедлились, трудовые ресурсы стали сосредотачиваться не вокруг промышленного производства, а в сфере услуг, большое количество населенных пунктов на территории Российской Федерации столкнулось с проблемами массового оттока населения. Особенно острой данная проблема стала для населенных пунктов, в которых основная социально-экономическая деятельность была сосредоточена вокруг крупного промышленного предприятия (градообразующей организации). Для обозначения таких населенных пунктов в российском законодательстве появился термин «монопрофильные муниципальные образования» (моногорода), которым с середины 2010 годов уделяется особое внимание со стороны властей.

Параллельно с этим моногородам начинает уделяться особое внимание со стороны отечественных исследователей. По мнению Р.Т. Мамахатовой ключевые проблемы моногородов связаны с состоянием экономической базы и падением объема производства градообразующих организаций, следствием чего становится безработица, ухудшение социальной и инженерной инфраструктуры, снижение уровня жизни [2. С. 162]. О.Н. Гурова видит в данных проблемах следствие массового миграционного оттока населения. По ее мнению, «причинами миграционного оттока являются сложности в нахождении работы, особенно хорошо оплачиваемой, нежелание жить в депрессивном регионе, невысокий уровень жизни населения» [1. С. 157]. Исследователь на примере ситуации в Забайкальском крае зафиксировала тенденцию концентрирования населения из периферийных территорий (моногородов, сельских территорий и малых городов) вокруг столиц регионов, которые выступают центрами притяжения благодаря своим торгово-экономическим и финансовым возможностям.

С подобными проблемами столкнулись и населенные пункты Республики Хакасия, имеющие статус монопрофильных муниципальных образований. Всего на территории Республики Хакасия их 6: города Абаза, Саяногорск, Сорск, Черногорск и поселки Вершина Тей, Туйм. Несмотря на то, что каждое поселение имеет свою специфическую социально-экономическую ситуацию, трудности, с которыми столкнулись жители моногородов из-за кризисов градообразующих организаций, во многом похожи. При этом, чем более благополучным был город в советское время (когда градообразующие предприятия переживали свой расцвет), тем с большей силой на него обрушились проблемы, ставшие следствием кризиса предприятия. И, если к середине 2010-х годов в таких моногородах, как Черногорск и Саяногорск, удалось восстановить работу градообразующих организаций (СУЭК-Хакасия и Русал Саянал), то в остальных населенных пунктах ситуация остается крайне тяжелой.

Черногорск и Саяногорск являются крупнейшими после столицы городами Республики Хакасия, поэтому, в качестве отправной точки исследования социальных проблем моногородов региона были выбраны они. В 2019 г. в рамках работы по научному проекту № 18-411-190002 р_а «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990-х – 2018 гг.)», поддержанному РФФИ и Правительством Республики Хакасия, в 7 муниципальных территориях Республики Хакасия было проведено массовое социологическое исследование. Было опрошено 1000 человек в четырех районах (Аскизский – 91 человек, Боградский – 37 человек, Усть-Абаканский – 99 человек, Ширинский – 62 человека) и трех городах (Абакан – 422 человека, Черногорск – 175 человек, Саяногорск – 114 человек) Республики Хакасия.

Среди вопросов, заданных респондентам, был вопрос «Какие проблемы вас волнуют больше всего в последнее время?», с помощью которого мы зафиксировали наиболее острые проблемы, которые волнуют жителей региона.

В целом по региону среди наиболее значимых социальных проблем были выделены следующие: рост цен на товары и услуги – 56,8 %; низкая зарплата, пенсия – 48,7 %; безработица – 30,5 %; качество социального обеспечения, медицинского обслуживания – 27,3 %; алкоголизм, наркомания – 25,5 %; падение нравов – 14,1 %; бюрократический произвол – 13,9 %; ситуация в сфере образования – 13,6 %; терроризм – 13,5 %; преступность – 13,2 %, экологическая ситуация – 11,9 %.

Ответы жителей моногородов во многом совпадают с показателями региона, но по ряду позиций выявлены представляющие интерес отклонения: рост цен на товары и услуги – 56,4 %; низкая зарплата, пенсия – 50,4 %; безработица – 34,3 %; качество социального обеспечения, медицинского обслуживания – 20 %; алкоголизм, наркомания – 24,7 %; падение нравов – 10,1 %; бюрократический произвол – 8,5 %; ситуация в

сфере образования – 8,9 %; терроризм – 15 %; преступность – 12,7 %, экологическая ситуация – 9,1 %.

С одной стороны, результаты опроса показывают, что проблема безработицы более актуальна для жителей моногородов (34,3 % опрошенных в моногородах против 30,5 % среди всех респондентов и 27 % в г. Абакан), что подтверждает общероссийские тенденции. С падением производительных мощностей градообразующих организаций жителям становится очень сложно найти работу у альтернативного работодателя. С другой стороны, другие проблемы либо вызывают такой же отклик и жителей моногородов, как и остальных жителей региона, либо меньший. Так проблема качества социального обеспечения и медицинского обслуживания в ответах респондентов столицы является очень серьезной – 33,6 против 20 % среди респондентов моногородов. Это связано с тем, что градообразующие предприятия, потеряв часть своей экономической мощности, продолжает выполнять обязательства по социальному и медицинскому обеспечению своих сотрудников.

В целом, результаты опроса показывают, что жители моногородов проявляют меньшую заинтересованность в общественной жизни своих городов и проблем, которые с ней связаны. Градообразующее предприятие дает своим служащим внушительный, по меркам региона, набор социально-экономических благ, который позволяет вести довольно комфортную жизнь. Это заметно при сравнении группы проблем, которые отметили 10–20 % респондентов: «бюрократический произвол», «падение нравов», «ситуация в сфере образования», «экологическая ситуация». Разница в процентах ответов на эти вопросы среди жителей столицы региона и моногородов составляет 7–10 %, т.е. в г. Абакан эти проблемы отмечает почти в два раза больше респондентов.

Градообразующие предприятия являются очень важным элементом поддержания социально-экономического самочувствия жителей городов, в которых они располагаются. Однако в условиях современной экономики существует огромное количе-

ство рисков, которые могут привести к проблемам в подобных организациях, поэтому власти городов должны иметь дополнительные рычаги контроля социально-экономической обстановки. Отечественные исследователи решение обозначенных выше проблем связывают с дополнительной поддержкой отличных от градообразующей организации субъектов экономической деятельности и диверсификацией планово-хозяйственной деятельности монопрофильного муниципального образования [3. С. 140; 5. С. 158; 6. С. 305]. Е.Ю. Попова отмечает необходимость создания особой системы правил взаимодействия между властью и бизнесом, благодаря которой градообразующие предприятия смогут брать на себя дополнительные обязательства и решать проблемы моногородов. С точки зрения исследователя в подобную систему могут входить: «договоры о социально-экономическом сотрудничестве с крупными компаниями, многие из которых являются градообразующими, и квазифискальные платежи, включающие в себя организованное спонсорство и квазиналоговые сборы» [4. С. 117].

Социальные проблемы моногородов Хакасии сегодня, по большей части, являются следствием непростой социально-экономической ситуации в регионе. Но в моногородах существуют большие, по сравнению с другими населенными пунктами, риски усугубления этих проблем, которые могут возникнуть в случае кризисов градообразующих организаций, что необходимо учитывать муниципальным властям в своей деятельности.

Литература

1. Гурова О.Н. Проблемы и перспективы социально-экономического развития моногородов (на примере города Краснокаменска Забайкальского края) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 10. С. 156–160.
2. Мамахатова Р.Т. Социально-экономические проблемы моногородов, специализируемых на добыче сырья // Интреэкспо Гео-Сибирь. 2016. Т. 3. № 1. С. 161–165.

3. Николаева Е.Е. Моногорода: социально-экономические проблемы и перспективы (на примере Ивановской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 137–142.
4. Попова Е.Ю. Роль градообразующих предприятий в решении социальных проблем моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 113–118.
5. Прищепа Е.В. Социально-экономические проблемы развития моногородов в Республике Хакасия // Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования: сб. ст. X междунар. науч.-практ. конф. Абакан, 2019. С. 157–159.
6. Степанов И.А., Рейшахрит Р. Анализ зарубежного опыта и возможные пути решения социально-экономических проблем моногородов России // Вестник факультета управления СибГЭУ. 2017. № 1-2. С. 302–306.

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
megadelicious@yandex.ru

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ЛИЦАМИ, КОНТРОЛИРУЮЩИМИ КОРПОРАЦИЮ, ПРАВОМ НА УПРАВЛЕНИЕ

Активное развитие корпоративного права выявило проблему злоупотребления лицами, контролирующими корпорацию, правом на управление. Такое злоупотребление представляет собой использование субъективного корпоративного права в противоправных целях (для обхода закона, уклонения от исполнения судебного решения, совершения действий, влекущих неспособность корпорации выполнить свои обязательства перед кредиторами), сопряженное с причинением вреда правам и законным интересам других лиц.

Право на управление выступает субъективным правом, составляющим содержание корпоративного правоотношения. В зависимости от субъекта, которому принадлежит право на управление, корпоративные правоотношения, характеризуются спецификой. Так, участники корпорации приобретают право на управление в результате участия в корпорации, руководители и кредиторы – на основании гражданско-правовых сделок, а лица, фактически контролирующие корпорацию, – на основании фактической возможности определять решения корпорации. Такая возможность может быть обусловлена родственными, дружескими отношениями, отношениями зависимости с лицами, формально контролирующими корпорацию, косвенным контролем над корпорацией

через многоуровневую систему управления с использованием офшорных компаний и трастов и др.

Отличие права на управление, реализуемого лицами, формально или фактически контролирующими корпорацию, обусловлено правовым положением лиц, которым принадлежит данное право. Право на управление как субъективное право (мера возможного поведения) включает в себя ряд правомочий, который зависит от статуса лица, контролирующего корпорацию.

Так, у участника корпорации право на управление включает такие правомочия, как правомочие на участие в подготовке к проведению общего собрания участников (абз. 2 п. 2 ст. 36 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», п. 1, 2 ст. 53 ФЗ «Об акционерных обществах»), правомочие на участие в общем собрании (абз. 1 п. 1 ст. 65.1 ГК РФ), правомочие голосовать по всем вопросам повестки дня общего собрания участников (членов) корпорации, правомочие требовать проведения внеочередного общего собрания участников (членов) корпорации (п. 2 ст. 35 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», п. 1 ст. 55 ФЗ «Об акционерных обществах»), правомочие быть избранным в органы управления и иные органы корпорации [3. С. 936–938], правомочие на участие в распределении прибыли (абз. 2 п. 1 ст. 67 ГК РФ) [1. С. 73]. Следует также отметить, что объем данных правомочий может различаться в зависимости от организационно-правовой формы корпорации, размера доли участия в уставном капитале, а также положений учредительных документов.

Право на управление, осуществляемое руководителем корпорации, включает в себя иные правомочия, характер которых обусловлен статусом руководителя корпорации как единоличного исполнительного органа, осуществляющего руководство текущей деятельностью. Так, например, у руководителя общества с ограниченной ответственностью право на управление включает в себя следующие правомочия: действовать без доверенности от имени общества, в том числе представлять его интересы и совершать сделки; выдавать доверенности на право представительства от

имени общества, в том числе доверенности с правом передоверия; издавать приказы о назначении на должности работников общества, об их переводе и увольнении, применять меры поощрения и налагать дисциплинарные взыскания; осуществлять иные полномочия, не отнесенные законом или уставом общества к компетенции общего собрания участников общества, совета директоров (наблюдательного совета) общества и коллегиального исполнительного органа общества (п. 3 ст. 40 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Аналогичные правомочия предусмотрены и для руководителя акционерного общества (п. 2 ст. 69 ФЗ «Об акционерных обществах»).

Следует отметить тот факт, что руководитель корпорации обладает особым правовым статусом: он одновременно выступает субъектом двух правоотношений (корпоративного и трудового) [2. С. 360; 6. С. 92–94; 5. С. 35; 4. С. 342; 7. С. 4]. Федеральным законом от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ статья 53 ГК РФ была дополнена пунктом 4, устанавливающим, что отношения между юридическим лицом и лицами, входящими в состав его органов, регулируются Гражданским кодексом и принятыми в соответствии с ним законами о юридических лицах. П. 3 данной статьи установлена обязанность руководителя как лица уполномоченного выступать от имени юридического лица действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. Необходимость установления этой обязанности вызвана наличием у руководителя права на управление и, как следствие, возможностью злоупотребить данным правом. Право на управление, осуществляемое руководителем корпорации, обусловлено структурой юридического лица, в котором общее собрание корпорации выполняет волеобразующую функцию, а исполнительный орган – волеизъявляющую. Посредством действий исполнительного органа корпорация вступает в отношения с третьими лицами, приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности (п. 1 ст. 53 ГК РФ). Таким образом, право на управление является содержанием корпора-

тивного, а не трудового правоотношения между корпорацией и ее руководителем.

Что касается кредиторов корпорации и лиц, имеющих фактическую возможность определять ее действия, то право-мочия первых зависят от условий конкретного договора, вторых – от конкретных обстоятельств дела.

Таким образом, лица, контролирующие корпорацию, можно определить как физических и/или юридических лиц, которые определяют ее волю, т.е. влияют на принятие и реализацию решений корпорации. Контроль над корпорацией обусловлен наличием права на управление корпорацией, выступающего содержанием корпоративных правоотношений. В зависимости от юридического факта, лежащего в основе возникновения корпоративного правоотношения, лица, контролирующие корпорацию, классифицируются на: 1) лиц, формально контролирующих корпорацию, и 2) лиц, фактически контролирующих корпорацию. У первых в основе корпоративных правоотношений лежит юридическая возможность управлять корпорацией, у вторых – фактическая.

Литература

1. Гутников О.В. Гражданко-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 599 с.
2. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 476 с.
3. Корпоративное право: Учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статус, 2017. Т. 1. 976 с.
4. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью. М.: Статус, 2010. 421 с.
5. Пашин В.М. Правовой статус единоличного исполнительного органа хозяйственного общества: мнимый конфликт гражданского и трудового права // Законодательство. 2006. № 5. С. 33–37.
6. Степанов П.В. Правовая квалификация отношений, возникающих между единоличным исполнительным органом и акционерным обществом // Хозяйство и право. 2002. № 12. С. 92–97.
7. Шиткина И.С. Отдельные проблемы правового регулирования образования и деятельности единоличного исполнительного органа // Хозяйство и право. 2011. № 4. С. 3–17.

М.Ю. Козлова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)
kozlova@volsu.ru

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЯЗЫК ДОГОВОРА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-011-00251 «Тенденции развития языковых средств
юридической техники гражданско-правового договора»*

Договоры составляют основу гражданского оборота, оформляя экономические связи между субъектами. Гражданское законодательство устанавливает требования к процедуре заключения договора, условиям договора, однако, его содержание во многом зависит от воли лиц, заключающих договор. При формировании условий стороны придерживаются определенных правил, используя средства юридической техники, такие, как специальная терминология, стандартные формулировки и клише и т.п. Такие явления современного мира, как интернет, интернет-торговля, справочные правовые системы, технология блокчейн, оказывают непосредственное влияние как на процесс заключения, так и на язык гражданско-правового договора.

Составление текста договора в настоящее время не представляет большой практической сложности, учитывая возможности различных сервисов – например, конструкторов договоров. Инструменты, которые позволяют автоматизировать часть работы юристов называются legal tech и направлены на сокращение времени создания юридических документов, а значит, и издержек, предотвращение типичных ошибок и учет вероятных рисков. Конструкторы договоров (например, СПС КонсультантПлюс, DocOne, Fresh Doc) основываются на требованиях действующего законодательства, и предлагают решения, исходя из потребностей сторон договора. Преимущества такого подхода состоят в возможности конструирования нормативных и индивидуальных актов организации по заранее заданным правилам юридической техники и документооборота [1]. Появление подобных сервисов во многом упрощает процесс заклю-

чения договора, но влечет риск подписания договора, который не учитывает конкретные потребности контрагентов.

Использование технологии блокчейн привело к появлению смарт-контракта, который можно определить как набор компьютерного кода, автоматически выполняющего все части сделки и хранящегося на платформе с блокчейн [5]. Условия договора переводятся в код, трансформируются в программное обеспечение, которое контролирует выполнение условий, что минимизирует необходимость в доверительных посредниках между участниками сделки, и возможное возникновение вредоносных или случайных исключений [4]. Поэтому смарт-контракт сложно нарушить, он исполняется автоматически. Смарт-контракты в силу отсутствия какого-либо текста в их содержании однозначны и не требуют толкования. Все условия смарт-контрактов заранее formalизованы и не могут быть изменены – обе стороны находятся в равном положении относительно друг друга с точки зрения располагаемой информации [2]. В то же время, имеются и значительные препятствия к широкому распространению смарт-контрактов. Так, ошибки при программировании условий контракта невозможно исправить на стадии его исполнения.

В смарт-контрактах традиционные средства юридической техники выражаются на языке программирования, и в процессе исполнения договора теряют свое значение. Для массовых, типовых договоров создание смарт-контрактов является оправданным. Если же договор требует индивидуального согласования условий, или не предполагает передачи ценностей, которые могут быть выражены в биткоинах, то использование смарт-контракта не будет обоснованным.

С развитием цифровизации и появления новых возможностей заключения договоров путем «одного клика», возникла проблема непонимания содержания договора контрагентом, который присоединяется к предложенным условиям. И не всегда непонимание связано со сложностью текста или невозможностью уяснить смысл условий, – зачастую контрагент не читает условия договора, который он подписывает. В настоящее время в договорной юриди-

ческой технике формируется тенденция использования средств юридического дизайна (legal design). Юридический дизайн заключается в трансформации юридических текстов, описания юридических процедур в наглядные и понятные неспециалисту описания, схемы, рисунки и основывается на дизайн-мышлении – творческом, а не аналитическом методе решения различных задач, исходя из потребностей пользователей. Применяются методы дизайна-мышления, которое основывается на трех приемах: эмпатии, визуализации и упрощении [3].

Таким образом, широкое распространение интернет-торговли, технологии блокчейн, внедрение новых моделей ведения бизнеса оказывают влияние на язык гражданско-правового договора. В договорах используются шаблоны, в некоторых случаях договоры могут вообще не содержать текста (смарт-контракты). Существует тенденция использовать приемы юридического дизайна при оформлении текста договоров, для того, чтобы контрагент понял содержание предлагаемых ему условий договора.

Литература

1. Королева А. Цифровизация локального и корпоративного нормотворчества юридических лиц // Гражданское право. 2018. № 5. С. 16–18.
2. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «Умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.
3. Янковский Р. Legal design: новые вызовы и новые возможности // Закон. 2019. № 5. С. 76–86.
4. Christidis K., Devetsikiotis M. Blockchains and Smart Contracts for the Internet of Things // IEEE Access. IEEE. 2016. № 4. Р. 2292–2303. doi: 10.1109/ACCESS.2016.2566339.
5. Duke A. What Does the CISG Have to Say About Smart Contracts? A Legal Analysis [Электронный ресурс] // Chicago Journal of International Law. 2019. Vol. 20: № 1. Article 4. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol20/iss1/4>

И.В. Матвеев

Новосибирский государственный университет экономики и управления
(Новосибирск, Россия)
udicis@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В современном мире информационные технологии стали фактом повседневной жизни. Взаимодействие общества и информационного пространства становится вызовом, волнующим все человечество в настоящее время. Но прогресс не стоит на месте, и перспектива развития информационного общества предполагает вовлечение технологий не только в повседневную жизнь, но и в традиционные общественные институты. Это касается, в том числе, и права как общественного института, поэтому вопрос взаимодействия информационных технологий и правовой реальности является актуальным.

Состояние такого взаимодействия права и цифровых технологий можно описать как освоение. Безусловно, правовое регулирование пока не включает все аспекты цифрового мира, однако, по некоторым прогнозам, процесс цифровизации неизбежно коснется всех правовых систем мира. Поэтому стоит рассмотреть вопрос взаимовлияния права и цифровых технологий, особенно в уголовно-правовой сфере, т.к. уголовно-правовое регулирование касается наиболее важных общественных отношений, охраняемых государством.

Исследователи отмечают, что цифровые технологии уже имеют влияние, особенно на процессуальные отрасли права. Например, по словам профессора В.А. Семенцова, положительный опыт правового регулирования использования технологии видеоконференц-связи при проведении судебных заседаний позволяет решить вопрос ее применения в стадии предварительного расследования при допросе, очной ставке, опознании и проверке показаний на месте, объединенных методом расспроса [5. С. 103]. Действительно, цифровые техно-

логии могут стать важным подспорьем при расследовании преступлений, разработки криминалистических методик, использовании информационных технологий в уголовном судопроизводстве. Внедрение цифровизации в процессуальные отрасли (в том числе и гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное судопроизводство) позволяет упростить некоторые традиционные процедуры, которые существуют в судебном процессе. Однако есть и обратная сторона: насколько информационные технологии смогут обеспечить безопасность информации, содержащееся в цифровых потоках. И пока, как считают исследователи, вопросов больше, чем ответов: это и очевидная легкость внесения изменений и дополнений в цифровую информацию, и отсутствие необходимых гарантий достоверности информации при получении уголовно-процессуальных доказательств и др. [1. С. 33]. Это говорит о том, что модели использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве пока находятся на стадии формирования.

Материальные отрасли права тоже подвержены процессу цифровизации. Среди них занимает особое место уголовное право, т.к., имея специфические задачи и принципы, оно влияет на все общество и призвано, прежде всего, охранять общественные отношения. Как пишет Е.В. Щелконогова, «соотношение понятий искусственного разума и юридической науки можно рассмотреть с одной стороны в том аспекте, что цифровизация активно применяется в какой-то иной сфере деятельности, а юриспруденция регулирует эту сферу и поэтому вынуждена учитывать особенности цифрового влияния на какие-либо события, правоотношения и т.д.» [8. С. 177]. Таким образом, уголовное право охраняет те общественные отношения, где происходит наиболее активный процесс цифровизации (например, преступления в сфере экономики, преступления в сфере компьютерной информации). Но и процессы компьютеризации возможны в самой юриспруденции, т.е. создание баз данных, сбор информации, обработка машинными методами данных. То есть к процессу влияния можно подойти с двух

сторон: со стороны предмета правового регулирования или со стороны инструментальной.

При этом возможна и обратная ситуация взаимовлияния: уголовное право может стать инструментом регулирования взаимоотношения человека и информационной среды. По словам О.А. Степанова, ключевая идея здесь – безопасность: «...уголовное право призвано сохранять структурно-функциональную устойчивость общества, путем обеспечения его безопасности» [7. С. 303].

Нельзя недооценивать угрозы безопасности, которые существуют в цифровой сфере. Согласно статистике правоохранительных органов, в 2019 г. зарегистрировано более 294 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или, что почти на 70 % больше, чем за аналогичный период. Половина таких преступлений совершается с использованием сети «Интернет», а более трети – средств мобильной связи [6]. Наиболее актуальными преступлениями, совершаемые с применением цифровых технологий, является преступления против собственности: четыре таких преступления (80,0 %) из пяти совершаются путем кражи или мошенничества: 235,5 тыс. (прирост по сравнению с 2018 г. 83,2 %), Каждое двенадцатое киберпреступление (8,4 %) совершается с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 24,7 тыс. (прирост по сравнению с 2018 г. 31,2 %). Таким образом, преступный мир освоил цифровые технологии и успешно применяет их с целью хищения чужого имущества или сбыта наркотических средств.

Немаловажным является и использование цифровых технологий в преступлениях коррупционной направленности. Сложность установления признаков преступления заключается в том, что в коррупционных схемах зачастую множество выгодопреобретателей (взяткодатель, взяткополучатель, посредник, родственники должностного лица и др.), поэтому умелое использование цифровых технологий позволяет лицам скрыть преступление. Современное толкование уголовно-правовых

норм включает такие ситуации: в 2019 г. в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» были внесены изменения, касающиеся, в том числе, и процессов цифровизации. В частности, суд указал, что предметом взятки могут быть доходы от использования цифровых прав – новой категории гражданского права, появившаяся в Гражданском кодексе в 2019 г. [3]. Тем самым цифровые права подлежат денежной оценке, и, следовательно, могут быть объектом гражданских права и предметом получения или дачи взятки.

Другая коллизия сложилась с криптовалютами, или с так называемыми биткоинами. Безусловно, криптовалюта – объект цифрового мира, однако в правовом поле не урегулирован их правовой статус. Тем самым, данные цифровые объекты выведены за пределы правового регулирования, на что не раз обращали внимание суды. Это порождает правовые последствия непризнания криптовалюты объектами гражданского оборота. Однако, в толковании уголовно-правовых норм не так все однозначно. Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать, в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления [4]. Толкование Верховного суда ссылается на ст. 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма, где под имуществом понимается «имущество любого рода, вещественное или невещественное, движимое или недвижимое, а также юридические акты или документы, подтверждающие право на имущество или на долю в этом имуществе» [2]. Однако

правовой порядок Российской Федерации не знает такую категорию как виртуальный актив, поэтому возникает вопрос об имущественной оценки криптовалюты как предмета легализации доходов, полученных преступным путем.

Таким образом, процесс цифровизации проходит зачастую противоречиво. Законодатель находится в поиске модели, позволяющей охватить все цифровые проявления и их отражения в правовой материи. Уголовно-правовое регулирование тоже не отстает, но пока используются механизмы, которые нуждаются в проработке.

Литература

1. Гладышева О.В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 31–34.
2. Конвенция Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901944951> (дата обращения: 23.07.2020).
3. О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 года № 24 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70410688/> (дата обращения: 23.07.2020).
4. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71019624/#review> (дата обращения: 23.07.2020).
5. Семенцов В.А. Применение технологии видеоконференцсвязи в судебном заседании и при производстве следственных действий // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6. С. 100–106.
6. Состояние преступности в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/reports/item/19412450/> (дата обращения: 23.07.2020).
7. Степанов О.А. Уголовное право, как средство обеспечения безопасности в условиях цифровизации общества // Правовая безопасность личности, государства и общества: сб. ст. XIX Междунар. науч. конф. Сер. «Муромцевские чтения» / под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева, Е.Ю. Князевой. М., 2019. С. 300–305.

8. Щелконогова Е.В. Уголовное право on-line: теория и практика цифровизации // Технологии XXI века в юриспруденции: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Д.В. Бахтеева. Екатеринбург, 2019. С. 177–181.

Е.Ю. Моисеева

Новосибирский государственный университет
(Новосибирск, Россия)
evgen-moiseeva@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ТЕРАПИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ КАК ПРИНЦИП СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-011-00761 А*

Согласно ст. 7 Основного закона РФ – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. «Социальное государство – это система, в которой органы публичной власти берут на себя основную ответственность за обеспечение социальной и экономической безопасности населения, как правило, посредством реализации комплексов различного рода мер» [1. С. 9]. В.Д. Зорькин в качестве главной задачи социального государства, наличие которой делает государство действительно социальным, выделяет решение проблемы создания надлежащих условий для воспроизведения жизни человека как биологического существа и субъекта различных видов общественной жизнедеятельности [2. С. 11]. Социальное государство – это особый политико-правовой механизм, государственная модель построения и функционирования института власти, который имеет своей целью уравновешение баланса общественных и государственных интересов для обеспечения максимального комфорта проживания человека в государстве. Социальное государство антропоцентрично и имеет в качестве основной цели достижение и обеспечение социального благосостояния нации, ее безопасности во всех сферах жизни.

Г.А. Трофимова указывает на то, что приоритетной задачей власти является построение государства благоденствия, где каждый индивид может чувствовать себя защищенным, не только в случае применения к нему насилия, но и в социальном плане [4]. Одним из благ, гарантируемых в социально государстве, является доступ к качественной медицине, и, как следствие, реально реализуемое право на получение медицинской помощи, закрепленное положениями ст. 41 Конституции РФ. Здоровое поколение, обеспеченное социальными благами, менее зависимо от государства, от получения социальных выплат и льгот, поэтому любое государство имеет выгоды, обеспечивая высокое благосостояние народа. «Достигать и повышать социальное благо <...> создавать условия для его признания в качестве общественного достояния – основополагающая цель современного государства, которое вынуждено постоянно модернизироваться, улучшать экономический рост и внедрять инновации» [3].

Одной из глобальных проблем современного мира является тотальное распространение и высокая заболеваемость населения социально значимыми заболеваниями, т.е. такими болезнями, возникновение и (или) распространение которых в значительной степени зависит от социально – экономических условий, приносящие ущерб обществу и требующие социальной защиты человека [5]. Социально значимыми заболеваниями являются: туберкулез, инфекции, передающиеся, половым путем, гепатиты В/С, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), злокачественные новообразования.

Анализ действующего отраслевого законодательства в области медицинского обслуживания граждан РФ, в том числе больных социально значимыми заболеваниями, позволяет выявить ряд серьезных проблем правового регулирования, которые значительным образом влияют на возможность граждан реализовывать право, предусмотренное положениями ст. 41 Основного закона. На сегодняшний день в РФ существует серьезная проблема с лекарственным обеспечением больных

туберкулезом, ВИЧ-инфицированных противомикробными и антиретровирусными препаратами, онкологические больные также не в полной мере обеспечены лекарственными средствами, в том числе и обезболивающими, в связи с неадекватной процедурой государственных закупок; медицинские организации нуждаются в профильных специалистах, которые отказываются работать в государственных или муниципальных клиниках в связи с низким уровнем бюджетирования; отсутствие адекватного информирования граждан о социально значимых заболеваниях, отсутствие установленных в НПА мер, имеющих цель профилактики заболеваемости, привело к тому, что в РФ существует пандемия туберкулеза и ВИЧ, а смертность от онкологических заболеваний по своим показателям практически лидирует среди других стран.

Качественные превентивные меры и адекватная медицинская помощь больным социально значимыми заболеваниями способны остановить пандемию данных заболеваний в РФ, улучшить качество и уровень жизни наших сограждан. Неутешительная статистика смертности от туберкулеза, ВИЧ/СПИД, онкологий, число новых случаев инфицирования, указывают на то, что правовые меры, предупреждающие распространение инфекций, а также институт медицинской помощи при социально значимых заболеваниях не работает в полной мере. Поэтому законодателю следует максимально изменить нормативную правовую базу для создания действенных правовых механизмов регулирования предупреждения новой заболеваемости, а также оказания качественной медицинской помощи больным, поскольку здоровое население, обеспеченное реальной возможностью реализовывать собственные конституционные права и свободы, есть основа социального государства.

Литература

1. Аристров Е.В. Социальное государство в конституционном праве: к вопросу о дискуссии относительно понятия // Вестник Пермского университета. 2015. № 3. С. 8–12.

2. Зорькин В.Д. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1. С. 9–14.
3. Кравец И.А. Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. 2020. № 1. С. 41–53.
4. Трофимова Г.А. Теоретические и практические проблемы реализации концепции социального государства [Электронный ресурс] // Гражданин и право. 2017. № 5. URL: <http://base.garant.ru/77770277/>.
5. Dispelling the myth of Welfare Dependency [Электронный ресурс]. URL: <https://epod.cid.harvard.edu/article/dispelling-myth-welfare-dependency>.

Е.Ф. Усманова*, Р.Н. Усманов**

* Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
(Саранск, Россия)
usmanova_ef@rambler.ru

** Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

КОММУНИКАТИВНЫЕ НАВЫКИ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ПРАВОВЫХ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект 20-011-00378 «Культура речевой коммуникации в альтернативном
разрешении правовых споров и конфликтов»*

Каждый день мы сталкиваемся с противоречиями, недопониманием, в совокупности с желанием преуспеть в чем-либо, реализацией амбиций. Это все может быть почвой для возникновения конфликтов, равно затрагивающих интересы обеих сторон. Наиболее часто конфликты происходят в таких сферах как семья, между соседями, корпоративные конфликты, конфликты в бизнесе, вплоть до межкультурных и межнациональных конфликтов, но при этом большая часть конфликтов происходит в отношениях, урегулированных нормами права, и их можно отнести к правовым спорам и конфликтам. Не всегда конфликты могут нести в себе положительное. Так или иначе, конфликт с позиции рассмотрения «победитель-проигравший»

всегда понесет за собой еще большее зло и оставит после себя последствия, способствующие возгоранию конфликта в будущем или возникновению оснований для возможных будущих конфликтов.

В мировой практике с целью разрешения конфликтов часто прибегают к услугам медиатора, который, обладая развитыми коммуникативными качествами и навыками, способствует мирному урегулированию конфликта и поиску преимуществ каждой из сторон. Медиатор должен понимать причины конфликта, его сущность, то, вокруг чего он происходит, производя тщательный анализ всех составляющих. Формируя в голове четкую и определенную картину для дальнейших действий, поиска решений и подходов, позволяющих реализовать коммуникативные, эмоциональные и этические навыки.

Несомненно, необходимо учесть интересы каждой стороны, сформулировать общий подход, согласно которому будет выстраиваться общение, определить возможные варианты развития событий, подготовить предложения и их аргументацию. Лицо, занимающееся урегулированием конфликта, должно обладать развитыми ораторскими качествами, говоря убедительно, подкрепляя выдвинутые им тезисы понятными и конкретными примерами, взаимодействуя с каждой из сторон конфликта, заставляя слушать и прочувствовать сказанное. Трудность состоит еще и в том, что очень часто может превалировать эмоциональный или иррациональный аспект в конфликте у каждой из сторон. Грамотный подход, возможность разгадать внутренние переживания лица и его психологическое состояние, позволит выбрать наиболее индивидуальный подход к каждому, конструируя речь и подбирая слова для упора на определенные аспекты, того или иного воздействия на индивида. Выходит, что в первую очередь важно обладать риторикой, способностью логически и аргументированно вести речь, грамотно пользоваться красноречием.

Но без обладания коммуникативными техниками, которые как раз и помогут выстроить понимание в конфликте,

невозможно обойтись. Наиболее распространенными считаются приемы «активного слушания». «Пассивное слушание» применимо в ситуации эмоционального возбуждения собеседника, позволяет говорившему выговориться, также понять, что его слушают и обратили внимание. Таковыми приемами можно назвать уточнение. Позволяет избавить диалог от домысливания и двусмысленного понимания сказанного, просто прося уточнить или разъяснить конкретные моменты. Перефразирование ранее уже сказанного, один из важных приемов, позволяет дать понять собеседникам, что их слушают, происходит обратная связь, и позволяет понять, что сказанное было понято. Прием резюмирования должен подводить итоги сказанного или выдвинутых мыслей, его специфика в том, что резюмирование должно быть предельно четким, простым и понятным. Важно уметь подмечать чувства, научить собеседников говорить от собственного лица, стараться в своей речи отразить состояние конфликтующих. Лицом, занимающимся примирением, могут использоваться разные типы задаваемых вопросов. Открытые вопросы – с требованием развернутого ответа и полного объяснения. Закрытые, подразумевающие под самой короткий и строго поставленный в рамки ответ «да» или «нет». И альтернативные вопросы, представляющие собой «компромисс» между открытymi и закрытыми вопросами, давая возможность, с одной стороны, выразить согласие, с другой стороны, дать полный ответ. Вышеуказанные техники должны выводить стороны на конструктивный диалог, побуждая противоборствующие стороны к анализу конфликта, более широкому взгляду на сложившиеся обстоятельства, приходя к объективному решению конфликта.

Для медиатора важно сохранять состояние умиротворения, рассудительно оценивая ситуацию, держа внутреннее равновесие. Необходимо, применяя коммуникативные технологии, соблюдать баланс между сторонами, обеспечивая контакт между сторонами, выделяя главное, и совместными усилиями идти к общему решению. Ни в коем случае не нужно демонстрировать напор, пытаться давить и выходить за потенциальные рамки.

Таким образом, примирение конфликта ложится на примирителя или лицо, готовое пойти на уступки, тут многое будет зависеть от личностных качеств индивида, его эмоциональной стабильности, психологической зрелости и внутренней готовности. Трезвость и ясность ума, критический анализ ситуации и элементов, логическая цепочка действий, последовательность в принимаемых решениях, со взглядом «вперед» и дальнейшие прогнозы, выстраивание линии поведения, обладание высокими коммуникативными навыками, этическими качествами и культурой речи. Умение быть внимательным и рассмотрение ситуации с разных сторон. Важны приемы, методы и техники при регулировании конфликта. Профессиональное общение предполагает владение богатым психологическим инструментарием: методами, приемами, техниками, и умением его творчески применять [1. С. 212]. Избегать оценочных понятий, обвинительных конструкций, главное привести стороны к объективному пониманию проблемы, перенаправить импульсивность в эмпатию и взаимопонимание, реализуя весь спектр коммуникативных навыков и широкий набор средств.

Литература

1. Кубак И.А. Психотехника профессионального парламентского общения депутатов // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С. 212–218.

И.Г. Федин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
fedinig@mail.ru

РОЛЬ ОБЩЕПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ

В настоящее время, необходимость прогресса в сфере нейротехнологий единогласно ставится мировым сообществом на первое место, и Россия в этом вопросе проявляет себя как один из наиболее активных участников. На это в частности

указывают ряд программных актов, таких например, как Распоряжение Правительства РФ от 17.01.2020 N 20-р «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» которым признается, что к формирующимся рынкам будущего относятся нейротехнологии.

Чаще всего, нейротехнологии рассматриваются общественностью с позитивной стороны, как научные разработки, увеличивающие потенциал развития общества и облегчающие повседневную жизнь каждого отдельного человека. Негативные проявления этих процессов, как правило уходят на второй план. К числу второстепенных вопросов относят также и правовые проблемы связанные с необходимостью ограничения некоторых тенденций рассматриваемых явлений.

Говоря в общем о данных проблемах, необходимо отметить, что большинство ученых в гуманитарной сфере обеспокоены негативными тенденциями развития нейротехнологий. Так, Р.Г. Апресян размышляя об общефилософских вопросах в этой области указал: «Нейротехнологии позволяют по-новому взглянуть на антропологические условия морали, или, точнее, тот ряд феноменов, разновидностью которого является мораль» [1. С. 19].

Развитие нейротехнологий ставит перед юридическим сообществом новые вызовы, связанные с разработкой соответствующих правовых конструкций, охватывающих новейшие общественные отношения. Речь в таком случае идет о свободе воле человека при воздействии на него нейромаркинга или о возможностях, открывающихся перед человеком при его слиянии с цифровыми технологиями и т.д.

Между тем, статистические исследования российского общества на примере нейромаркетинга, показывают, что риск запрета в Российской Федерации нейротехнологий в области потребительского рынка для воздействия на поведение человека в этой области полностью отсутствует. В тоже время, нейромаркетинг предполагает активное воздействие на человеческое поведение для активизации процесса продаж. По этой причине в

некоторых странах, например, во Франции, уже запрещено использование данного инструментария в коммерческих целях, аналогичные попытки предпринимаются в других европейских странах [2. С. 144].

Из изложенного следует, что в обыденной жизни общественность не обращает внимание на развитие нейромаркетинга, когда как последний существенным образом влияет на их волю. Так, Г. Пейдж, в своей статье «Нейротехнологии: новые перспективы» предлагает использовать нейротехнологии для применения к потребителям ряда методик способных дать дополнительный и невиданный уровень исследования потребителей, для навязывания им продукции [4]. Из изложенного следует, что нейротехнологии способны навязывать идеи и формировать мнение.

Подобные ситуации намечают новые области общественных отношений, требующие правового регулирования, но не получающие такового. В таких условиях существенно возрастает роль абстрактных правовых регуляторов, таких как правовые идеи, начала, принципы. Данные регуляторы способны охватить новые области правового регулирования. Подобный подход к данному вопросу выражает К.Е. Коваленко, которая указывает, что сферы правового регулирования расширяются, и это связано с распространением действия права как на абсолютно новые, так и недавно возникшие области социальной деятельности. Роль и значение общих норм возрастает с появлением новых отраслей, подотраслей, институтов права и законодательства, таких как космическое право, чрезвычайное законодательство, информационное право и другие [2. С. 97]. Следовательно, именно применение общеправовых начал и принципов, позволяет урегулировать рассматриваемую сферу отношений.

Применение в сложившейся ситуации общеправовых принципов позволит урегулировать на начальном этапе отношения, связанные с нейротехнологиями на наиболее общем уровне, оценив те или иные их аспекты с точки зрения таких моральных концептов как гуманизм и справедливость. Применение национальных конспектов (таких ка милость, добросо-

вестность, коллективизм и т.д.), позволит внести в правовое регулирование дополнительную рациональность и оптимально урегулировать отношения.

Однако на сегодняшний день, в отличие от общеправовых принципов, традиционные для России правовые регуляторы не находят своего должного развития. В частности, в научоведческой практике отсутствуют комплексные исследования, посвященные углубленному исследованию принципов милосердия и добросовестности. Отсутствие необходимой степени разработки указанных концептов, существенно затрудняет регулирование рассматриваемых отношений.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что в современной юридической науке назрела необходимость разработки всеобщих национальных правовых концептов, развитие которых позволит в дальнейшем предлагать юридическим сообществом адекватные инструментами для работы с новейшими отношениями, возникающими в сфере развития информационных и цифровых технологий.

Литература

1. Апресян Р.Г. Нейроэтика: вызовы и недосмотры // Человек в мире нейротехнологий: социальные и этические проблемы / под ред. П.Д. Тищенко. М.: ООО «4 Принт», 2018. 56 с.
2. Коваленко К.Е. Разумность в праве: основные формы проявления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Коваленко Ксения Евгеньевна / Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург, 2015. 205 с.
3. Молчанов Н.Н., Муравьева О.С., Галай Н.И. Нейротехнологии: оценка и перспектива развития в России // Вестник Удмуртского Университета. Экономика и право. 2019. Т. 29. № 2. С. 142–151.
4. Пейдж Г. Нейротехнологии: новые перспективы [Электронный ресурс] // Компьютера. URL: http://www.millwardbrown.com/docs/default-source/insight-documents/points-of-view/MillwardBrown_POV_NeurosciencePerspective (дата обращения: 07.04.20120).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Scupin O., Wessel K.-F.</i> Die Digitalisierung und die Professionelle Pflege des Menschen.....	3
<i>Ferrarello S.</i> Husserl's Ethics and Psychiatry.....	9
Аблажей А.М. Этический комплекс науки: классические нормы и современные деформации.....	11
Абрамова М.А. Вербализация и визуализация отношения к объекту исследования.....	14
Дидикин А.Б. Тождество личности в контексте правовой ответственности: преимущества нарративного подхода.....	17
Левин С.М. Проблема ответственности и подход Перебума к борьбе с преступностью.....	21
Петров В.В. «Концентрация талантов» в модели университета нового поколения: региональные вариации.....	24
Сидорова Т.А. Нейротехнологии: от терапии к улучшению, от улучшения к управлению.....	28
Смирнов С.А. Цифра как соблазн. Человек и новый технологический уклад.....	31

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Алексеев А.Ю., Алексеева Е.А., Хасанов Р.Ю. Машина Корсакова-Тьюринга как теоретико-алгоритмическая диспозиция коннекционизма и символизма.....	37
Антипова А.В. Аргумент Геделя-Лукаса-Пенроуза и коннекционистский подход к искусственному интеллекту.....	39
Ильюшенко Н.С. Этические аспекты развития нейротехнологий в эпоху биокапитализма.....	44
Ковалев М.А. Концепция гибридного интеллекта как общий базис для объединения различных технологических подходов в исследованиях общего искусственного интеллекта.....	48
Почуев А.А. Нейротехнологии и цифровизация образования.....	51
Сандакова Л.Б. Нейротехнологии в исследовании лингвокультурной специфики среды.....	55
Синюкова Н.А. «Технологизация» в медицине: к вопросу о границе нормы человека.....	58
Тимошенко Г.А., Мазнева М.Ю. Этическая оценка избыточности психодиагностики в пенитенциарном учреждении.....	62

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Гущин И.А. К постановке проблемы взаимозависимости построения доказательства и онтологического статуса математических объектов.....	66
Думов А.В. Абстракции осуществимости в контексте моделирования искусственного интеллекта: эпистемологический анализ.....	69
Зайкова А.С. Аналитическая феноменология: новые подходы к исследованию восприятия времени.....	72
Козырева О.А. Критика интерналистской концепции ментального и проблема знания о себе в аналитической философии.....	76
Ламберов Л.Д. Человеческое понимание, математическая интуиция и компьютерные доказательства.....	79
Моисеева А.Ю. Статус «конъюнктивного эффекта» с точки зрения интерропагативной теории ошибок Я. Хинтикки.....	83
Овчинников С.Е. Модальная эпистемология и мета-метафизика.....	87
Поротиков Е.И. Эпистемический подход Д. Столджара и «расколдовывание» сознания.....	90
Сухарева В.А К проблеме единого определения реальности.....	94
Хлебалин А.В. Вычислимость и понимание в математической практике.....	99
Шабалина А.О. Понятие корреляции в нейрофизиологии.....	102

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Ананьев А.З. Роль исторического знания в политической философии Бернарда Уильямса.....	106
Бердаус С.В. Метафакторы восприятия в рамках концепции интенциональности Э. Гуссерля.....	108
Варламова М.Н. Душа как причина эмбриогенеза у Александра Афродисийского.....	113
Вовченко В.И. «Новизна» в философии Л. Витгенштейна и Ж. Делёза.....	116
Дьяконова Л.Г. Предельно-ценностные категории Античности как инструмент ответа на моральные вызовы современности.....	120
Дятлов И.И. Пытки и дискуссия о «грязных руках» в современной этике...	123
Евдокимова К.Н. Проблема метода в философии Ж.-П. Сартра.....	126
Зайкова А.С. «Феноменология» Витгенштейна как альтернатива скептицизму.	129
Кондакова А.С. Проблематизация перспективы «первого лица» как исходная ситуация формирования сравнительной истории философии.....	132
Магомедова Ю.С. Сомаэстетика как культурная политика.....	135

<i>Маслов Д.К.</i> Пирроническая критика эвдемонистических этических теорий....	139
<i>Рахматулина А.Т.</i> Основания морального поступка по И. Канту и Х. Арендт.....	142
<i>Родин К.А.</i> Метафилософия Витгенштейна & новые литературные формы Льва Толстого.....	145
<i>Санженаков А.А.</i> Протофеноменологическое содержание понятия «phantasia» у Аристотеля.....	149
<i>Шевченко А.В.</i> Концепция экзистенциальной коммуникации Карла Ясперса и современная философия любви.....	153

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Аксютин Ю.М.</i> Религиозность человека метамодерна (социологическое измерение).....	158
<i>Булат Т.К.</i> Субъектность автора у аудитории в новых медиа.....	161
<i>Гавриленко М.В.</i> ЭкоПоселения Западной Сибири: социокультурный аспект....	165
<i>Евдокимова М.В.</i> Профессиональная деятельность преподавателя университета в условиях цифровизации образования.....	169
<i>Евдокимов А.И.</i> Ценностно-мировоззренческие ориентации молодежи полигэтнических регионов России.....	173
<i>Лапшина Н.В.</i> Анализ качественного и количественного наполнения интернет-ресурсов национально-культурных объединений (на примере исследования сайтов и социальных сетей польских НКО Сибири). .	178
<i>Лбова Е.М.</i> Лингвистический поворот в социологии: разнообразие подходов к феномену языка.....	183
<i>Леденев Д.Е.</i> Самораскрытие в профиле: осознанный выбор или влияние контекста?.....	186
<i>Мадюкова С.А.</i> Роль миграционных процессов в формировании межэтнического сообщества Новосибирска.....	190
<i>Никитин А.П.</i> Современная экономическая мифология как презентация процесса социокультурной модернизации.....	195
<i>Персидская О.А.</i> Социокультурный анализ причин межэтнических конфликтов в Новосибирске.....	199
<i>Полюшкевич О.А.</i> Благодарность и верность как условие просоциального поведения.....	202
<i>Сапон И.В.</i> Личные данные в профиле социальной сети: причины публикации.....	205
<i>Тарбастаева И.С.</i> Проблема интеграции цыган в социум: локальные пути решения (кейс цыган с Лесоперевалки).....	209

Тиникова Е.Е., Евдокимов А.И. Социальные проблемы моногородов
Хакасии: специфическое и общее в региональном срезе
(по результатам социологического исследования 2019 года).....213

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Артемова А.Н.* Злоупотребление лицами, контролирующими
корпорацию, правом на управление.....219
- Козлова М.Ю.* Влияние новых технологий на язык договора.....223
- Матвеев И.В.* Изменение толкования признаков преступления
в условиях цифровизации.....226
- Моисеева Е.Ю.* Предупреждение и терапия социально значимых
заболеваний как принцип современного социального государства.....231
- Усманова Е.Ф., Усманов Р.Н.* Коммуникативные навыки, необходимые
для примирения сторон при разрешении правовых споров и конфликтов....234
- Федин И.Г.* Роль общеправовых принципов в сфере
развития нейротехнологий.....237

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы XVIII Международной научной конференции
молодых ученых

Ответственные редакторы:
В.В. Петров, А.Н. Артемова, А.Ю. Моисеева
О.А. Персидская, А.А. Санженаков

Верстка
В.В. Введенский

Подписано в печать: 29.09.2020 г.
Формат: 60x84/16. Гарнитура: Liberation Serif
Уч.-изд. л. 15,25. Усл. печ. л. 14,2
Тираж 300 экз. Заказ № 179

Издательско-полиграфический центр НГУ.
630099, Новосибирск, ул. Пирогова, 2